

СВЕТОЧЬ

2(12) 2023

*Литературно-художественный
и историко-публицистический альманах*

Издаётся по решению издательского Совета Белгородской области

Редакционный совет

- Курганский К.С.** Министр культуры Белгородской области
- Кобзарь В.П.** Председатель Белгородской региональной общественной организации «Союз писателей России»
- Климова И.А.** Директор Белгородского государственного литературного музея
- Рожкова Н.П.** Директор Белгородской государственной универсальной научной библиотеки

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
С24

С24 Светоч : литературно-художественный и историко-публицистический альманах. 2023, 2(12) / редакционная коллегия: С. Бережной, Н. Дроздова, А. Осыков, А. Тарасов ; главный редактор В. П. Кобзарь. – Белгород : Изд-во Сангалова К.Ю., 2023. – 272 с. : портр.

Содержание

Финалисты и победители литературного конкурса «Здесь наша сила»

Анастасия АПУХТИНА	3
Наталия БАРАНОВА	6
Ирина АНИКАНОВА	10
Анна ВОЛОК	12
Людмила БАНЦЕРОВА	27
Сергей ЛЕБЕДЕВ	29
Андрей БИРЮКОВ	32
Олег ЛЕМАШОВ	34
Татьяна ДЕ ВРИЗ	40
Татьяна МЕЩЕРЯКОВА	44
Максим КУКОБА	52
Дмитрий МИНЕНКОВ	54
Эльвира МИНЕНКОВА	60
Анжелика ОСТРОВСКАЯ	63
Владимир СИТЕНКО	66
Евгений ТОЛМАЧЁВ	68
Евгений ХАРИТОНОВ	74
Наталья ТРУБНИКОВА	79
Кирилл ФИЛОНОВ	85
Людмила ШАПОВАЛОВА	95
Елена ИВАНОВА	101
Светлана МАРКОВА	103
Светлана ПАНКОВА	108
Надежда СТАХУРСКАЯ	110

Белгородские писатели

Николай ГРИЩЕНКО	122
Вячеслав КОЛЕСНИК	124
Юрий САВЧЕНКО	126
Станислав МИНАКОВ	129
Галина СЛЁЗКИНА	137
Анатолий КРЯЖЕНКОВ	139
Ирина КАРАГОДИНА	150
Михаил ТРЕТЬЯКОВ	154
Станислав ТАРАСОВ	159

Наши гости

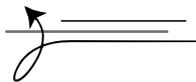
Ксения АКСЁНОВА	162
Паул Александер БАРБАДО	164
Валентин БАЮКАНСКИЙ	200
Татьяна МАЛЮТИНА	204
Александр ПЕНЗЕНСКИЙ	210
Игорь ФЁДОРОВ	212
Юлия РОСИНА	231
Пётр ЧАЛЫЙ	234
Егор ЧЕРКАСОВ	245
Алексей ШОРОХОВ	248
Протоиерей Александр ДЕРЕВЯНКО	252

Новые имена

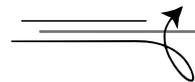
Татьяна КАГРАМАНОВА	254
Евгения ПОЛОВНЁВА	258
Виктория РЕПИНА	260
Фаина ТАШМАНОВА	265
Наталья ЧЕХУНОВА	267

Русский язык – великий язык

Аида БЕЛОУСЕНКО	269
-----------------------	-----

**Финалисты и победители
литературного конкурса
«Здесь наша сила»**

Анастасия АПУХТИНА

Родилась в г. Обоянь Курской области. Финалистка Чемпионата поэзии им. В.В. Маяковского 2022 года, лауреат I степени литературного фестивального конкурса «ЛитАртФест», лауреат I степени литературного фестивального конкурса «Сплав», участница Филатов Фест 2021 года, участница 24-часового онлайн-марафона поэзии, вошедшего в книгу рекордов России, постоянная участница белгородских литературных слэмов, победитель

конкурса рецензий на фильм «Текст», победитель поэтического конкурса «СтихоПесня» (апрель 2020 года), финалистка поэтического конкурса «ЭПЛ». Работает в Арбитражном суде Белгородской области

***

и любой, кто приходит сюда, смешон,
целиком помещается в капюшон
чародея без паспорта и обличья.
и кладётся в люльку, и видит сны,
что прекрасней тюльпанов – царей весны,
и свободен от форменного приличия.

говорит глазами, вдыхает ртом,
он ещё не знает, что ждёт потом,
но потом окажется – знал с рождения.
он вбирает истину с молоком,
его звёзды на леске под потолком,
но отсутствует всякое к ним стремление.

суета чуть позже начнёт цвести,
сетевые матрицы в нём плести,
чтоб запутать в пуще своих законов.
чтобы в царстве монеток и ярлыков
он всегда был под чьим-нибудь каблуком
и зависел от мнений и телефонов.

не вникал, не заимствовал, не искал,
лишь точил и оттачивал свой оскал,
разрушая себя до основ вселенной.
чтоб начать сомневаться во всех и всём
и однажды воскликнуть: «вот я осёл!»,
захотев снести все глухие стены,

накормить чудовищ в своей груди,
подружиться с ними, отдать долги,
разучить себя волноваться страшно.
и понять, что время живей него,
что вообще нет важного ничего,
только то, чему сам присобачил важность.

ведь любой, кто приходит сюда, смешон,
целиком помещается в капюшон
чародея из вечности и мгновения.
и с глубокого детства он знает, что
мир завешен десятками тысяч штор,
за которыми прячутся откровения.

***

Я достаю из широких штанин
Мягкий билет до Питера.
Представляюсь, товарищи. Я – гражданин
Страны под названием Литера.

Не знаю, не помню, в одном селе,
Может, в Рязани, а может, в Сызрани,
Россыпью бросил я по земле
Буквы, что в сердце вызрели.

Пробные – комом. Готовые – в рост.
Прочие – в печку с первыми.
Каждый, кто ищет «ту самую» гроздь,
Больше не дружит с нервами.

Бог нам смотритель, судья, ревизор.
Я не берусь заискивать.
А роза упала на лапу Азора,
Знаки – на кальку искрами.

Комнат вовеки бы не покидать,
Чувств не выплёскивать образно...
Но сколько у слова на страже солдат,
Служивших достойно и доблестно?

Что ни царапнешь – потом отвечать.
Кто ты? Пророк? Насмешник ли?
К черту штампованную печать!
Все мы, поэты – грешники.

Кто-то припрячет в карманах пальто
Тексты Марины Цветаевой,
Мой же читатель – ореховый стол,
Рифмы как рифы осваивает.

Промысел Божий, Его ль благодать
Нас наделить словесностью?
Пишем и пишем, япона мать,
Стенографисты вечности.

Я преклонил колени стократ
Пред письменами верными.
Мятый билет мой – портал в Ленинград
За вдохновением ветреным.

***

Сводки. Хроники. Breaking news.
Их читать – это жуть и горечь.
Каждый миг как хурма на вкус:
Вроде сносен, но вяжет очень.

Стал так точен отсчёт часов...
Тишина – не предвестник мира.
– Спишь?
– Не спится.
Тревожен сон.
Рикошет по мишеням тира.

Тира? Если бы. Ад кругом.
– Нам всё кажется, не коснётся,
Но когда потеряем дом
Или близких, погаснет солнце.

Боль заточена как кинжал.
Режет сердце. Не защититься.
Мне не стыдно.
Мне страшно жаль.
Полночь.
Новости.
– Спишь?
– Не спится.

Наталья БАРАНОВА

Родилась в Тамбове. Окончила Московский Государственный институт культуры. По образованию библиотекарь-библиограф. С 2018 года публикуется в журналах, газетах и литературных сборниках Тамбова, Москвы и др. Член творческого объединения «Радуга» и Тамбовского фотографического общества. Выставки её фотографий проходили в Волгодонске, Москве, Звёздном городке, Мичуринске, Тамбове, а также в Израиле. Живёт в Тамбове.

ВЕДРО

О таких, как Василиса, раньше говорили: сто лет в обед будет. Сто не сто, но много... А что делать? Живой в могилу не ляжешь. Жить долго хорошо, но не к чему. Из родных одна внучка осталась, и та в деревню пятый год глаз не кажет. Остальные давно померли, только её Господь никак не приберёт. На всю деревню три древних реликта. Да и деревни, почитай, нет. На дальнем конце улицы Манька свой век дотягивает. Вместе в школу ходили, потом на заработки в большой город ездили, но не прижились там... вот и доживают в деревне, которой нет. Третий – дед Тимофей. Один жених на двоих, как он сам смеётся, ходит навещать – Маньку по чётным, Василису по нечётным дням. То лампочку вкрутит, то воды натаскает, а иной раз, просто так, поболтать. Заодно, и столуется у них. Самому-то лень готовить. Мужики они такие: будут сидеть на сухомятке, но щей себе не сварят.

Василиса посмотрела в отрывной календарик, что висел на стенке, – число было шестнадцатое, Тимофея можно не ждать, придётся самой лезть в погреб, картошка закончилась. Она надела телогрейку, сапоги – обувь на все случаи жизни, – повязала платок и вышла во двор. Коротко гавкнула собака. Это Мохнатка показала, что сторожит никому не нужный сарай.

– Ты чего это, Мохнатка? Не признала хозяйку? – Василиса погладила собаку и открыла дверь в сарай.

Света здесь не было. А кому светить? Когда-то жили большой семьёй, чего только не бегало по двору и не мычало в сарае: корова, кролики, куры, гуси. В колхозном стаде овечки ходили. Теперь нет ни семьи, ни живности, ни сил держать хозяйство. Ей одной много ли надо? Мешок картошки, ну огурчиков солёных, капуста квашеная. К разносолам за всю жизнь не привыкла, а теперь и подавно, не укусить. Не по зубам и не по деньгам.

Василиса шагнула в сарай, посветила себе фонариком и не глядя под ноги пошла в темноту, к люку в погреб. За долгие годы, что жила одна, она научилась экономить силы и рассчитывать каждое движение, когда доставала из погреба картошку, соления. Чуть зазеваешься и останешься в погребе. Жди, когда Тимофей придёт или Манька-подружка хватится. Сначала она привязывала толстую верёвку к ручке двери, потом спускалась в погреб, тянула за собой верёвку, на конце которой болталось ведро. Затем набирала картошку в ведро, вылезала из погреба и тянула верёвку наверх. Сегодня она проделала это ловко, но захотела ещё баночку с грибами достать, да и огурчиков не мешало бы... Второй раз спустилась вниз, наполнила ведро банками, вылезла и потянула верёвку. Тут-то ведро, которое служило ей десятки лет, оплошало – не выдержало нагрузки, дно вывалилось. Банки рухнули вниз в погреб, хорошо хоть Василиса удержалась. Она пнула ведро и расплакалась от бессилия.

– Господи! За что Ты меня наказываешь, – причитала она. – Все нормальные люди давно уже с Тобой разговаривают, отчёт дают, а я всё по погребам скачу.

Мохнатка подошла к ней и облизала мокрое от слёз лицо, пожалела.

Она поплакала, вроде легче стало. У женщин всегда так – боль и обида слезами исходит. Решила, что на сегодня приключений хватит.

— Вот придёт завтра Тимофей и натаскает банок из погреба, – сказала Василиса собаке. – И тебе будку подправит. Крыша давно течёт. Хватит под порогом скитаться, если собственный дом есть.

У неё от одиночества появилась новая привычка. Она теперь со всеми разговаривала: с мышами, которые грызут что ни попадя; с «ходиками» – эти вечно отстают; сама с собой, если что-то вспоминалось, а рассказать некому. Иной раз и кошке приходилось выслушивать хозяйку. Всегда в доме жили только коты, с ними проблем меньше, но со временем Василиса поняла, что кошки лучше слушают. Вот и сейчас, пришла домой, сварила картошку, но в тишине не вкусно кушать. Она посадила перед собой кошку, налила молока в мисочку и начала жаловаться: на одиночество, на старость, на ревматизм – последнее время совсем одолел. Вспомнила о ведре, которое подвело.

– Думала, этому ведру сноса не будет. Видать, у всего есть предел, что у человека, что у железяки. Жила, росла, старилась, а оно всё при мне было. Помню, мать корову подоит, а часть молока надо в колхоз сдавать. Детей-то нас пятеро, чем кормить, если молока не будет. Голодно жили, только молоком и спасались. Вот и разбавляли его водой, чтобы себе побольше осталось. Несла, бывалыча, в ведре разбавленное молоко, тряслась как осиновый лист. Вдруг поймают, срам-то какой! Они ж там мерили жирность и на бумажке писали, чьё молоко какой жирности. Бумажка потом на стене в правлении висела. Вот однажды мать разбавила молоко, я отнесла в колхоз, а на бумажке

потом написали, что молоко у Коржовых жирное. Домой неслась, от радости ног под собой не чуяла, ведром махала, а домой прибежала, кричу матери: «Лей ещё воды, наше молоко самое жирное». Вот так вот и жили...

Кошка пила молоко, наверное, внимательно слушала, но по ней было не видно.

Василиса продолжала:

--А потом ещё помню. С мужем Ванечкой, ещё когда женихались, встречались у колодца. Конспирация такая. Отец детей в строгости держал, гулять вечерами не пускал, а днём некогда, вот и придумали, что встречаться будем у колодца. Собираюсь за водой, а мать и говорит: «Что это ты, Васька, так часто за водой бегаешь. Эту ещё не испили».

А как только Ванечка сватов прислал, так я о воде и забыла, теперь это была братова обязанность. – Василиса рассмеялась, вспомнила, как брат Андрей бегал за ней с коромыслом, кричал, что не мужское это дело – за водой ходить. О чём с девками у колодца разговаривать?

– В деревне ведро наиглавнейшая ценность: и корову подоить, и воды испить, а состарится, так картошку копали, опять же, ведрами ссыпали в мешок и считали, сколько ведер накопили. Больше или меньше, чем в прошлом годе. Мешки-то у всех разные, а ведра одинаковые. Вот и мерялись с соседями, у кого урожай лучше. А если уж совсем никуда не гожее становилось, так не выбрасывали. Спросишь, почему? А жаль было. Никогда не знаешь, как и что в хозяйстве пригодится. Вот и сегодня, думаешь, я его выбросила? Так нет, на колышек, на ограду повесила. Пущай висит, авось, пригодится. Опять же, жаль, столько всего с ним было. Помню, в войну наши быстро отступали, мы и опомниться не успели, как враги уже по деревне шли. Кто пешком, а кто на лошадях. Мадьяры – нация такая. Мы о таких и не слыхали. Это тебе не немцы. Те всё больше на мотоциклетах. А лошадей-то поить надо. Вот один мадьяр заскочил во двор, схватил ведро, что сушилось на ограде, и побежал по улице. Мать так и ахнула, где теперь ведро взять – разруха кругом? А вечером пошла к колодцу, а там ведра со всего села валяются. Мать своё-то и взяла, приметное было: бок чуток вмятый.

Кошка закончила с молоком и сидела, гостей намывала.

– Чего это ты, Мура? Гостей нынче не будет, не старайся, не наш день.

Только проговорила, как стукнула дверь, в тёмных сенцах зашебуршало, и на пороге появился Тимофей.

– Привет, Вася. Знаю, знаю, не твой день – Манькин, но у тебя щи вкуснее, да и дело есть.

– За щами завтра приходи. Сегодня картошка в «мундире».

– А с чем картошка?

– С языком. Остальное на дне погреба. Я тут маленько «управилась». Не стала тебя ждать до завтра, сама в погреб полезла. Ведро с банками тянула,

а дно не выдержало, вывалилось. Огурцов не жалко, а вот ведро теперь только выбросить, да больно жаль. Как память.

– Зачем выбрасывать? Для моего дела как раз сгодится. Сейчас его приспособим, ещё послужит.

– Что за дело?

– Ты ж знаешь, я праздники люблю. Каждый день листаю календарик. Сегодня глядь, а там твои именины. Вот, принёс яблоньку – росточек тоненький. Давай посадим возле дома, а чтобы ненароком не сломила, наденем на него ведро, пусть охраняет. Урожая, может, и не дождёмся, но деревце будет расти и мир радовать.

Яблоньку сажали с радостью. Потом долго сидели на порожке, смотрели на новую жизнь, и каждый думал о своём.

Василиса: «Приедет внучка, а яблонька её встретит. Если весной, то цветами, если летом – красными яблочками. Это как привет от меня. Она догадается».

Тимофей: «Может, к Маньке пойти? Щи они везде щи...»

Он поднялся:

– Так ты меня завтра жди. Прямо с утра. Дел много: в погребке порядок навести, дверь в сарай перекосило, подправлю. И щи...по расписанию.

Он засмеялся и пошёл со двора, а Васька осталась сидеть на крылечке. Рядом примостилась Мохнатка, на коленях мурлыкала Мура. Всякая животинка любит ласку. У неё как раз две руки: левой гладила собаку, а правой почёсывала за ушком у кошки.

– Ну что, родненькие...Не зря говорят – есть жизнь после смерти что у человека, что у железяки. Будем жить, ждать весны...и Тимофея.

Ирина АНИКАНОВА

Родилась в с. Макаровка Курчатовского района Курской области. В 2015 году в Курске Издательским домом «Славянка» изданы два сборника её произведений – «От Бога слова» и «От Бога любовь». Живёт в Белгороде.

Везелица и Донец

По холмам туманы стелются –
Граду Белому к лицу.
И торопится Везелица
К другу милому Донцу.

С распростёртыми объятьями
И распущенной косой,
Благородная и статная,
С небывалою красой.

То спокойная и кроткая,
То строптива и вольна,
За нехитрой утлой лодкою
Резво плещется волна.

То морозы, то метелицы,
Вихри, бури без конца
Преграждали путь Везелице
До любимого Донца.

А она такая хрупкая,
Но душою так сильна,
То надменно недоступная,
То приветливо нежна.

То пленяет лаской щедрою
И бросает томный взор,
То любому злему недругу
Даст решительный отпор.

Ароматы свежетравные
Источающий венец
По обряду стародавнему
Протянул ей друг Донец.

И сама собою тянется
Милой девицы рука.
Отдалась ему красавица
Вольной волей на века.

Вот и мне судьба-затейница
Напророчила шагать
Тихим берегом Везелицы,
Руку милому подать.

***

Едва заметной желтизной берёз
Пленяюсь, словно небывалым чудом.
Я глажу серебро твоих волос
И глаз твоих люблюсь изумрудом.

Как нам пути запутала судьба!
Пусть не весна, и миновало лето,
Но высь ещё до боли голуба
И громко журавли курлычут где-то.

Что нам с тобой они хотят сказать,
Какую тайну странную поведать?
Зачем им к югу улетать опять
В чужие дали сквозь дожди и ветры?

Мне кажется, что смысл их тайны прост:
Им важен этот тяжкий путь познания
Чтоб там, далече от родимых гнёзд,
Томиться возвращенья ожиданьем.
И этой тайны немудрёной суть,
Мы долго и упрямо постигали,
И перед нами расстелился путь
Без горечи разлуки и печали.
Пускай не миновать других невзгод,
Вдвоём мы одолеем все преграды.
Я губ твоих вкушаю терпкий мёд,
И в жизни счастья большего не надо.

Анна ВОЛОК (Хахалова Анна Александровна)

Куратор конкурса сценариев на международном фестивале Gakko в Белгороде. Победитель конкурса рассказов закрытого клуба Сергея Пономарева. Автор романа «Поиски проклятых». Пишет психологические драмы и фэнтези.

ТЕНЬ

Катя верила, что физрук Артём Михайлович мог написать целую книгу о том, как унижить ученика. Способов в его списке набралось бы больше десятка. «Зотова, тебе в ухо посвистеть?» – обратился учитель к ней в начале урока. Всего-то задумалась на секунду, зачем позорить её перед всеми? И смех одноклассниц не ободряющий, а коварный и злой. Особенно Машин. Наверное, хихикать её учил сам дьявол! Больше всего Катя хотела распустить волосы и спрятать за ними лицо, чтобы красных щёк не было видно, только «махать космами» на физкультуре запрещалось.

А вот теперь, по традиции, за полчаса до звонка, начиналась попытка баскетболом. Учитель назначил Машу и Колю капитанами и велел формировать команды из одноклассников. Катя вжала голову в плечи, ощущая горький комок в горле. Её всегда выбирали последней. Она плохо запоминала свою команду, слабо разбиралась в правилах и не попадала в кольцо. Переживания рождали рифмы – её радость, её спасение. «Пол-кол-стол», «Класс-час-пас».

Маша вызвала Свету – свою лучшую подругу. Несмотря на то, что играла она из рук вон плохо, её всегда выбирали одной из первых. Повезло же кому-то дружить с лучшими. Катя завидовала. И что с ней не так? Ведь что-то же точно не так! Она вспомнила, как в пятницу к ней обратилась Надежда Петровна, оторвавшись от разглядывания снежинок в окне: «Катюша, о чём я говорила?». Катя тогда чуть карандашом не подавилась. И ведь учитель литературы никогда прежде её не высмеивала. Неужели пришло время менять школу?

Наконец, когда осталось три человека, Маша задумчиво хмыкнула и крикнула:

– Зотова! Давай к нам!

Катя округлила глаза. От удивления она впервые не смогла придумать, куда воткнуть рифму.

Игра началась живо. Мяч гулко стучал по деревянному полу. Катя старалась поспеть за командой, игнорируя боль в боку от непривычно долгого бега. Только пас ей все равно не давали. В воздухе витал запах пота и духов. Учитель свистел, комментировал. К Кате прилетел мяч, но она от неожиданности и страха отбросила его в толпу. Маша недовольно цокнула, от чего по телу побежали мурашки. И снова дежавю. На прошлом уроке Кате досталось за то, что она подает мяч соперникам, когда те кричат «Кидай мне!», «Давай сюда!». Нет, не думать об этом, не вспоминать! Нужно собраться, сосредоточиться, вспомнить, кто в её команде, кроме злосчастной Машки! Делились бы они по принципу «девчонки против мальчишек», было бы проще. Спустя минуту мяч снова метнулся к Кате, и она сразу передала его Машке. Та подскочила к кольцу и сравняла счёт. Команда радостно завопила, а Катя улыбнулась. Её захлестнуло давно забытое ощущение из детства, с тех самых времён, когда она играла во дворе с другими детьми. Чувство, что она – часть команды, часть единого целого. Мяч снова выплясывал чехарду. Шлёп-шлёп. На мгновение Катя представила, какое уважение получит, если вырвет победу. Мечта казалась настолько явной, что о другом она и думать не могла, высматривая мячик меж ног соперников. И словно по мановению учительской указки, мяч вновь оказался у неё в руках.

– Давай сюда! Давай мне!

Наверняка никто не ожидал, что она бросится к кольцу. Ещё секунда. Прыжок. Мяч летит и попадает в корзину. Катя сама не поняла, что произошло. Она вырвала победу?! Смеясь, она запрыгала на месте. Но только глаза Маши оставались холодными. Слились воедино звонок и свист, а команда торжествовала. Только то была не её команда.

– Дура тупая, ты куда мяч закинула?! – разъярилась Маша. Сердце Кати упало ниже земли, ниже пола. – Это же наша корзина!

А учитель окончил урок и отправил класс по домам как ни в чём не бывало.

Переодеваясь, Катя то и дело ловила возмущённые взгляды. «Свои» её ненавидели, а «чужие» высмеивали. По щекам бежали слёзы. В голове наряду с мыслями «Что я наделала!» крутились новые рифмы – «Слёзы-морозы-розы». Думать о розах. Они красивые и колючие, все их любят за это. В ней же одна безвкусная мякоть протухшего фрукта.

Катя старалась переодеться скорее, но вещи валялись из рук. Хорошо, что урок последний и она убежит домой. А завтра... Они забудут. Они, конечно, забудут. И сдался ей этот мяч! «Мяч-плач-палач». Упаковывая форму в пакет, Маша сыпала проклятиями:

– Тормоз! Тупая дура! Косячная! А вы чего ржёте?!

Голос девушки дребезжал. Она кинула в бывших соперников кеды один за другим, замахнулась сумкой на Катю, а затем просто велела всем заткнуться. Только остальных её реакция забавляла. Может, они поспорили на что-то? Может, делали ставки? А Катя всё испортила в одну секунду. Она выскользнула в коридор, где её уже караулил Дима. И по его взгляду она поняла, что парень тоже играл на стороне Машки.

Катя плелась по коридору, глотая слёзы, гонимая ругательствами, словно плетью. Она не знала всех слов, которые бросал в неё одноклассник, но звучали они очень грубо. Катя могла забить голову рифмами, могла не слушать, но чувство вины решило, что она их достойна. А вдруг они правда поспорили на что-то серьёзное? Если бы не глупая невнимательность...

– Коза криворукая, чмошница, недоразвитая! – следовали за ней по пятам более-менее знакомые эпитеты. Дима держался поодаль и с точностью снайпера бил в самое сердце.

– Эй, это ещё что такое! – возмутился взрослый голос.

Неужели учитель? Дима остановился, а Катя рванула вперёд и добежала до спасительного туалета, скрываясь среди голубых стен и неприятных запахов. Впрочем, сейчас ей казалось, что от неё воняет куда сильнее – помоями и протухшей рыбой, криворукостью и неудачами. Холодная вода в кране показалась ей незаслуженным блаженством.

Она вышла, когда прозвенел звонок. Учителя разбрелись по кабинетам, а ученики по домам. И только когда Катя почувствовала, как пусто и спокойно вокруг, поняла, какую глупость совершила, решив остаться. В страхе она подбежала к окну, чтобы увидеть крыльцо школы. Толпа одноклассников ждала у колонны. Дима нервно курил, Маша жестикулировала, а Света кивала. По щекам Кати снова потекли слёзы. Они что, собираются убить её за проигрыш? «Смерть-круговерть». Она как будто целую войну проиграла. Не думая ни о чём больше, Катя побрела в библиотеку. Переждёт час или два. Они точно не станут караулить её до вечера.

Катя поздоровалась с Марией Васильевной, доброй и болтливой библиотекарейшей. К счастью, та общалась по телефону и не обратила внимание на вид ученицы. Иначе забросала бы вопросами, и Катя зарыдала бы снова, почувствовав себя ещё несчастней. Забившись в дальний угол, она достала блокнот. Но стихи не шли, и рифмы угасли. Что сделают с ней завтра Машка и остальные? Подождут с лопатой у дома и похоронят во дворе? Или не станут оттягивать и совершат самосуд сегодня?

Катя рисовала бессмысленные закорючки и снежинки, как вдруг ощутила озноб. Мурашки побежали по телу. Захотелось укутаться в плед, а лучше спрятаться – куда угодно, хоть в гробницу! Она кожей ощутила взгляд, и эта мысль была ещё неожиданней нахлынувшего страха. Катя медленно огляделась. Библиотекарейша ушла в подсобку, а больше в зале никого и не было. Ти-

шина. Катя посмотрела вверх, потом вниз, на всякий случай заглянула под стол. Пусто. Органы словно сжимались под прессом. Она поёжилась, а затем дёрнулась, как от падения во сне, и тут же обернулась. Волосы приподнялись у корней, словно шерсть. На стене отражалась её тень. И ничего кроме.

Катя склонила голову набок. Изобразила на пальцах собаку с открытой пастью. Тень повторила движения. Бешеный стук в груди понемногу замедлялся. Тогда Катя выдохнула и пожала плечами, возвращаясь к рисункам.

***

– Катенька, мы закрываемся, – жизнерадостный голос привел её в чувства. Катя с трудом открыла глаза. Ресницы слиплись от слёз, а голову словно утрамбовали ватой.

Она поднялась, потёрла затёкшую шею. Выглянув в окно, ахнула. Уже так темно!

Из подсобки беспокойная библиотекаря твердила о чрезмерной любви Кати к учёбе. Только она не дослушала, потому как покинула библиотеку, словно гонимая ульем пчёл. Уроки не сделаны – это плохо. А до дома бежать и бежать. Хорошо, что мать работает допоздна и не узнает, как задержалась её дочь. Гардероб уже был закрыт. Недовольная вахтёрша отдала ей куртку, которую оставили работники перед тем, как уйти домой.

На пустынной улице горели фонари. Шёл снег. Катя брела по аллее, глядя в окна домов. Люди за ними смотрели телевизоры, готовили ужин, ругались. В некоторых ещё мерцали гирлянды, не убранные после нового года. Катя шла ссутулившись, стараясь не думать о завтрашнем дне. Может, прогулять школу? Был бы конец недели, а так... «Возможно-невозможно»... глупая рифма. Катя скривилась. Неподдалёку от неё выругались, отчего горло сжалось спазмом, а тело покрылось холодным потом. Она в панике обернулась и увидела рядом с поникшим деревом молодого мужчину. «Всего-то», – подумала Катя и выдохнула.

– Привет, – незнакомец выглядел испуганным, словно его застали врасплох. В руках он держал провода с присосками на концах. – Не сможешь мне?

Катя пожала плечами – почему бы и нет. Домой она и так опоздала, а доброе дело в карму всегда зачтётся. Берёза под светом фонарей выглядела жухлой.

– Подержи вот здесь. – На вид ему было не больше тридцати. Катя прижала присоски к стволу, а остальные мужчина распределил по земле. – Вот так. Все на месте. Теперь снимем показатели.

Подул ветер, и Катя поёжилась, поднимая взгляд. Ветки дерева покачивались на фоне чёрного неба. Незнакомец достал из кармана пульт, защёлкал кнопками.

– Оно... хм... болеет. Немного, – пояснил он, не отрываясь от дисплея. – Будем лечить.

Катя с умным видом кивнула. Дерево, верно, нуждалось в тепле и витаминах. Ведь растениям нужны витамины?

– Кстати, я Антон, – он улыбнулся. – Спасибо за помощь.

Катя почувствовала румянец на щеках. В голове закрутились рифмы. «Антон-патифон-стадион». Она стыдливо отвела взгляд, словно произнесла это вслух.

– ...Я спрашиваю, как тебя зовут? – произнёс Антон, судя по тону, раз в третий.

– Катя, – ответила она, гордая своей отзывчивостью.

– Значит так, Катя, – продолжил он серьёзно. – Тебя родители не учили, что к незнакомым мужикам на тёмной улице подходить опасно? А вдруг я маньяк и сейчас уведу тебя в подвал!

Он махнул в сторону старого дома, где красовалась запертая дверь. Катя захлопала ресницами. Мужчина смотрел по-учительски, по-хозяйски. «Зотова, тебе в ухо посвистеть?!», «Тормоз!», «Тупая дура!» Катя негромко всхлинула и зарыдала.

– Эй, ты чего? – испугался Антон.

А Катя заныла утробным воем. Сопли текли из носа, смешиваясь со слезами. Ну и пусть! Пусть лучше он уведёт её в подвал и запрет там! Она не вернется в школу, не войдёт в класс, где её ненавидят. Пусть хоть семь шкур с неё спустит.

– Так, слушай, это ненормально, – решил мужчина. – Я отведу тебя домой. Только не ори так. А то люди и правда подумают, что я маньяк. А мне с вашим миром вообще связываться неохота.

Каким ещё нашим миром? Но мысль растворилась в снегопаде. Катя кулаками вытерла слёзы, позволяя новому потоку течь по проложенной колее.

Антон собрал аппаратуру в сумку, закинув её на плечо. Катя наблюдала за его неловкими движениями и узнавала себя. Как бы ни называлась его работа, он в ней точно недавно. Когда Антон повёл её по улице, придерживая за локоть, она всё ещё силилась остановить слёзы.

– Нужно успокоиться, – твердила она. – Если мама спросит, что случилось, я опять зареву. А мне это уже надоело.

– А что стряслось-то? – уточнил Антон, оглядевшись.

И Катя будто взорвалась, выплескивая накопившееся за школьные годы – и о нелюбви одноклассников, и своей дурацкой памяти, и о невнимательности, и о физруке, который живёт только затем, чтобы её унижить. Рассказала она и о злосчастном баскетболе. Антон слушал, не перебивая, а после ответил:

– Это интересно. Мне, пожалуй, стоит наведаться в вашу школу, – он почесал подбородок. – Знаешь ли, по работе.

– А кем вы работаете? – она напоследок всхлипнула и успокоилась.

– А ты никому не расскажешь? – новый знакомый подмигнул, и Катя пожала плечами. Да кому ей рассказывать? Машке что ли? – Я Ловец теней. Ищу в вашем городе заражённые тени. На днях мы получили сигнал, что здесь находится вирус.

– Вот и вы надо мной смеётесь... – тяжело вздохнула Катя.

– Упаси небо! – воскликнул он. – Если посмотришь на меня внимательно, то заметишь, что своей тени у меня нет.

Катя остановилась, глядя с презрением. Антон демонстративно вышел под ближайший фонарь, и она поняла, что он говорит правду. Снег вокруг оставался кристально чистым, без намёка на тень – словно он призрак, словно его здесь нет. Стоило испугаться, но Катя ощутила небывалую лёгкость. Она потопталась на месте, подошла к Антону, осмотрелась. Её собственная тень ложилась на снег серым пятном.

– Это чтобы вас нельзя было заразить? – догадалась Катя.

– Чтобы заразить было тяжелее, – поправил он, загадочно шурясь. – Знаешь ли, никто не защищён от вируса. Даже такие, как мы.

Катя задумалась. Антон выглядел обычным, среднестатистическим человеком. Но если это не так, то кто он? Насекомое, приведение, пришелец? Она хотела расспросить о многом, но выдавила лишь:

– Значит, тени могут болеть...

– Болеть может всё, – весело заверил Антон. – Тебе наверняка знакомо чувство необъяснимой ярости? Когда хочется всё ломать, бросать вещи по комнате, срывать на близких?

– Обычно на мне все срываются, – пробормотала Катя.

– Тогда ты в курсе. Так вот, многие люди носят за собой заразную тень. Чаще подростки. Перестройка организма и всё такое, не буду вдаваться в детали. А некоторые штаммы способны даже поглощать носителей! Да-да, один раз из-за них даже чуть конец света не наступил! К счастью, сегодня это большая редкость...

Он говорил эмоционально, словно ученик, выступающий с докладом по любимой теме. Катя угадала – работал Антон недавно, можно сказать, стажировался. Ему доверили искать заражённые тени и вирусы в этом районе. Большая честь для новичков! Ближе к дому Катя осознала, что мало что поняла и запомнила. Ей стало грустно – столкнуться с таким чудесным сумасшествием и ничего не запомнить. Вместо этого, надеясь на новую встречу, она попросила прийти Антона к ней в школу, пообещав показать ему вселенское зло...

Ночью Кате приснился кошмар. На потолке висела тёмная тень и смотрела на неё из угла комнаты. Она словно сковывала внутренности, давила, мешая кричать. И тут сама завопила так, что заложило уши, а Катя проснулась с колотящимся сердцем, в холодном поту.

В школу она пошла только ради встречи с Антоном. Хотела рассказать сон. А вдруг и её и тень коснулся вирус. Вот прямо вчера, на уроке физкультуры! Ведь Машка была в бешенстве, да и Дима тоже. Кто-то из них, наверняка, болен.

Катя вошла в класс вместе с учителем. Весь урок на неё бросали гневные взгляды, а Маша посылала записки с угрозами. Спасло то, что месячную норму слёз она выплакала накануне, а в сердце, как ни странно, поселилось спокойствие. За пять минут до перерыва Катя попросилась выйти.

Она прогулялась до первого этажа, вдыхая запахи книг. Заглядывала в кабинеты, но так и не встретила вчерашнего незнакомца. В конце второго урока она снова отпросилась, но Ловец теней словно жил только в её воображении. Сердце кольнуло от мысли – а вдруг привиделся? А вдруг она всё придумала? Разве бывают в мире такие люди? Но после третьего урока снова отправилась на поиски. Встретив у раздевалки Антона, она едва не вскрикнула, настолько успела увериться в своей ненормальности.

Антон выглядел весёлым. Он поделился, что ему доверили проверить всех работников и учащихся школы. «И меня тоже», – подумала Катя.

– А как лечат человеческие тени? – Она вспомнила вчерашний аппарат с проводками и присосками. – Вы ведь не рассказываете каждому о своей работе?

– Верно, не рассказываю, – подтвердил он. – Больные тени я забираю ночью, а к утру возвращаю. Люди даже не помнят, что болели. Точнее, даже не знают. Только просыпаются обновленными, знаешь ли, ведь с болезнью стираются плохие мысли, – он подумал и добавил. – и любые воспоминания о Ловце. Нам вовсе не нужны заголовки о паранормальном в газетах...

Катя смотрела печально. Она уже знала, что не сможет поведать про сон. «Сон-клон-поклон».

– Но мне вы рассказали, – она спрятала руки за спину. – Почему?

Антон задумался, пропуская пятиклассников к гардеробу

– Не знаю, Катя, – он усмехнулся. – Хотел поднять тебе настроение, подбодрить, наверное. – Ещё немного помолчал и добавил: – Поделиться... хоть с кем-то. Когда начинаешь работать среди людей, знаешь ли, тяжело без общения. Без честности.

Она кивнула.

– Выходит, вы не человек. – Почему-то ей стало его жаль. Она не могла понять причин.

– Теперь уже нет, – сказал он тихо и серьёзно. – Почти нет.

Прежде чем Катя успела задать новый вопрос, Антон надел счастливую маску и сказал, что ему пора – нужно проделать большую работу. Он попрощался и ушёл. Просто скрылся в толпе учеников с номерками. Как будто исчез.

***

Она проснулась от нехватки воздуха. Тень сползла по стене, легла на одеяло. Тяжелая, грубая, сильная. Спёртое дыхание отозвалось свистом. Катя пыталась закричать, но тень нависла над ней, погружая комнату во мрак. Тень. Она заполонила собой всё. Но вдруг на стене появилось пятно света, напоминающее перевёрнутую улыбку. И ещё одно. И ещё. Вот уже десять ртов распахнулись в разных частях комнаты, и раздался визг. Её визг.

Мама не постучалась проверить, а значит приснилось. Постель намочла от пота, волосы прилипли ко лбу. Катя пыталась отдышаться, словно пробежала марафон. А в ушах стоял нечеловеческий, жалобный крик.

«Нужно рассказать ему, нужно признаться», – повторяла она, собираясь в школу. А если тень её поглотит? Что будет тогда? Она пыталась вспомнить, что говорил Антон о подобном явлении, но не смогла. Только предположила, что ничего хорошего ждать от больных теней не стоит. Если тьма сожрет её, Катя точно окажется в вакууме, беспамятстве, окутанная страхами и болью, плохими воспоминаниями и жалостью к себе. Да, иначе и быть не может! От мыслей начинало тошнить.

В школу она шла, проговаривая признание, но не увидела Антона ни в этот день, ни на следующий, ни через неделю. А когда встретила, то так обрадовалась, что просто не смогла сказать правду.

Он ждал её там же, на первом этаже, около раздевалки. Дети кричали, смеялись, обменивались краткими замечаниями. Слов за гулом было не разобрать. Ученики первой смены трясли номерками, забирая пуховики, а те, кому только предстояло грызть гранит науки, выглядели понуро. Уставшим выглядел и Антон.

– Работы много, – ответил он на вопрос о самочувствии и попытался улыбнуться, но получилось натянуто. – Прости, я ненадолго. Мне нужно знать, кого ты подозреваешь.

Катя рассказала о Маше и Диме, подумав, добавила ещё несколько человек из класса и параллели. Антон выслушал, поблагодарил и ретировался, оставив её в замешательстве.

Одноклассники игнорировали её, словно забыли о промахе. «Одноклассники-соучастники». Катя-то думала, что ловец уже излечил их тени. Впрочем, тогда бы он исцелил и её. Она уже не сомневалась, что болеет, хотя иногда думала, что сны могут быть связаны и с новыми впечатлениями о Ловце теней, такими удивительными и странными. И всё-таки почему он так спешил?

По дороге домой она мечтательно смотрела в небо. В воздухе пахло весной. Снег таял, хлюпала вода под ногами, а Катя перебирала слова: «Мир-тир-эфир».

– Эй, тормоз. – От хищного голоса кинуло в жар.

Оторвав взгляд от неба, она увидела троих. Желудок скрутило от страха. Насмешливый Димин взгляд, безучастный Светин, а у Машки злобный, орлиный.

– Иди сюда, – подозвал Дима. – За проступки нужно уметь отвечать.

Она ощутила во рту горький привкус. За какие проступки? Прошло столько времени, а они всё не уймутся! Она подвела их на уроке – не на соревнованиях, не на олимпиаде – и сполна отплатила слезами. Неужели моральной расплаты им мало? Выяснить Катя не стала. Развернувшись, кинулась во дворы.

– А ну назад! – кричала позади Маша. Она спортивная, мигом догонит.

Катя бежала, задыхаясь. Ботинки шлёпали по лужам, расплёскивали воду.

Во дворе ни души. Даже окна пустые. Катя в панике завертела головой, и тут её схватили за воротник, отдёргивая назад. Земля скользнула под ногами, и Катя упала на грязный снег. Тут же её пнули в бедро. Она успела подумать, что зима станет её спасением. Через куртку не так больно, терпимо. Но новая мысль застала врасплох – её прежде никогда не били. Часто давили словами, насмешками, могли пихнуть в бок, но не более того. Она свернулась клубком и натянула капюшон, закрывая лицо и голову. Неужели всё дело в болезни? Неужели это она превращает людей в животных? Машка материлась, пиная её по ногам и спине. Удары от Димы будут сильнее, если он решит помочь подруге. «Удар-дар-кошмар».

– Эй, вы! – раздался спасительный голос. – Чего творите? А ну пошли отсюда!

Удары прекратились, отдалился шорох шагов. Катя села на снег. Слёзы не шли, а так хотелось поплакать, ощутить лёгкость в груди, а не обиду и боль.

– Ты как?

Она подняла взгляд и счастливо вздохнула. Антон протягивал руку, глядя устало и обеспокоенно.

***

Кофе казался пресным. Один вид пирожного вызывал тошноту. И всё же было приятно, что он привел её в кафе. Играла спокойная музыка – что-то из классики. Батарея у окна согревала.

Антон вслух переживал, что Катю побили слишком сильно, но она заверила, что куртка смягчила удары. И хотя поясница всё ещё ныла, делала вид, что всё в порядке. Гораздо больше Катя беспокоилась, что не удастся отстирать светлый пуховик, купленный в начале зимы.

Ловец теней заверил, что уже проверяет её одноклассников:

– Сегодня я отправил отчёты комиссии. Мы работаем в поте лица, так что очень скоро всё образуется, – он потёр глаза. Катя подумала, что Антон уже несколько дней не высыпается.

– А что за комиссия?

– Как тебе объяснить, – он задумался. – Они главные тенеvedы. Принимают сложные решения. Могут уничтожать вирусы. Я вот, например, не могу.

Катя помолчала, размешивая сахар, который – только сейчас поняла – забыла добавить. Она вздохнула, отодвинула чашку.

– Антон, а расскажите ещё про поглощённых тенью. Что они чувствуют? Где они... находятся?

– Что? – он оторвался от окна, в котором разглядывал тьму. – А почему ты спрашиваешь?

Она пожала плечами и смущённо улыбнулась. Она и сама не знала.

– Хочу написать книгу об этом, – выдала она самое разумное, что пришло на ум. – В стихах. Поэму.

– Ну, знаешь, – усмехнулся он. За окном прогуливались люди, вели собак, везли малышей в колясках. – Я могу только предполагать, всё-таки я там не был. Наверное, это место напоминает болото, из которого не можешь выбраться. Кругом беззвёздная ночь. Пустота. А ты в трясине по уши и вот-вот захлебнёшься...

– А вокруг самые большие страхи, которые ты когда-либо испытывал или боялся испытать? – прошептала Катя, глядя в кружку.

– Возможно, – задумался Антон. – И всё же странно, что ты заговорила об этом сейчас...

– Почему странно? – По его голосу Катя почувствовала, что услышанное ей не понравится.

– Не думаю, что стоит говорить это, но... – он отвёл взгляд. Подозрения усилились. – Мы выяснили, что в городе орудует тот самый редкий штамм вируса, который может поглощать заражённых.

Катю бросило в жар. Самое время рассказать про сон, но язык словно прирос к нёбу.

– Но не пугайся, – он ободряюще улыбнулся. – Главное, что мы теперь знаем, что искать. За остальным дело не встанет. Я вот даже без выходных работаю, чтобы поскорее найти его!

– Вы большой молодец, – поддержала Катя.

– Иду на повышение, – гордо завершил он. – Так что не переживай. Уже скоро всё станет как прежде.

А как было прежде? Сколько Катя себя помнила, едкие комментарии ей доставались всегда, физрук постоянно издевался над школьниками, а Машка над Катей... впрочем, не только над ней. Слабое, но всё-таки утешение.

– Антон, а я бы смогла... – она затихла, тяжело вздохнула и подняла взгляд. – Смогла бы тоже стать Ловцом теней, как вы?

Он посмотрел на неё оценивающе. Только сейчас Катя заметила, что глаза у него серо-зеленые.

– Это очень непростая работа, Катя, – медленно начал он. – Знаешь ли, очень рискованная. Нужно быть хладнокровным и жёстким. А порой и жестоким. – Он облизнул губы и посмотрел в окно. – А ещё она сильно выматывает. Я, например, за полдня собрал сведения про всех учителей и работников вашей школы. Я был уверен, что найду источник заражения среди них, но обнаружил лишь горстку больных теней... А уставать нельзя, Катя. Ни в коем случае нельзя давать слаbinу.

– Почему? – спросила она, почувствовав, что он ждёт от неё вопроса. Её пальцы сжали остывшую кружку

– Потому что, Катя... – он снова взглянул на неё. – Тогда я устану удерживать свою тень на расстоянии, там, где я её скрыл, чтобы уберечь. И она вернётся. А это чревато последствиями, понимаешь?

Катя не понимала. Хотя и чувствовала, что поймёт позже, дома за тетрадкой со стихами, когда снова будет думать, почему не рассказала ему о своем сне.

***

Антон не появлялся уже две недели, а тени приходили каждую ночь. Катя просыпалась в поту, а один раз даже мать забежала спросить – всё ли в порядке. Беспокойство нарастало. Катя не высыпалась и на уроках зевала. Успеваемость резко снизилась, и даже по литературе один раз поставили тройку.

– Катюша, что с тобой происходит? – переживала Надежда Петровна. – У тебя что-то случилось в семье или ты поругалась с подружкой?

Была середина апреля. На улице грело солнце и пели птицы. Катя не ответила учителю, глядя в пол. За неё высказалась Машка:

– Ой, не ждите. Только к вечеру до неё дойдёт вопрос и, может быть, завтра...

Класс рассмеялся, а Катя, к своему удивлению ничего не почувствовала. Разве что толику раздражения на учителя, который решил осведомиться о ней при всех. Она не хотела ни плакать, ни бежать, и это состояние оказалось настолько непривычным, что сделалось страшно. Она вспомнила слова Антона и вдруг поняла, что тень может поглотить её уже этой ночью, и тогда всё, что происходит вокруг, не будет иметь никакого значения. Она погрязнет в болоте, утонет во тьме, а Машка останется. Такие всегда остаются.

– Знаете, я готовлюсь поступать на филологический, – услышала она свой голос сквозь затухающий смех. – А Маша, наверное, в цирк...

Впервые в классе наступила такая тишина, что стало слышно, как географ за стеной объясняет девятому «Б» новую тему.

С остальных уроков она сбежала, но не из-за страха возмездия, а в надежде найти Антона. Сейчас она хотела только одного – во что бы то ни стало

рассказать ему о снах, о тенях, о крике. Пусть забудет его, пусть он исчезнет, но зато она не погибнет во тьме! Ведь именно теперь ей так сильно хотелось жить, несмотря на ненависть одноклассников и замечания в дневнике. Ничто не вечно. Она окончит школу, поступит в ВУЗ на филологический и напишет поэму. А быть может, даже роман! «Роман-дурман» – рифмы протестовали.

Катя бежала по знакомой аллее, по лужам. От весеннего солнца слезились глаза. Мимо катили коляски счастливые мамы, шагали домой школьники с рюкзаками. Вдруг у Кати перехватило дыхание, и она резко затормозила, словно ей огнём перегородили дорогу. Она увидела берёзу, которую помогала лечить. Здоровое, весёлое дерево раскинуло ветви, готовые покрыться почками, а затем и листьями. Новая жизнь...

Катя посмотрела на дом, открытый подвал которого манил внутрь. Всплыли в памяти слова Антона: «...а если я уведу тебя...». И как она раньше не догадалась! Не думая, она спустилась в сырую тьму и побрела по тесному коридору мимо запертых дверей. Запах плесени почему-то успокаивал. Поворот направо, ещё один, и она увидела свет из распахнутой двери.

Антон сидел за столом в тесной коморке. Он поздоровался сухо, и Катя заметила тёмные круги у него под глазами. При тусклом свете он разбирал документы.

– Ну как? Вы проверили тени? – спросила она твёрдо. Нужно покончить с этим раз и навсегда.

Он молча протянул бумаги. Вид у него был измученный, словно его тоже донимали кошмары. Выходит, не нашёл он источник. Катя приняла записи, чувствуя гулкие удары в груди. Она водила глазами по знакомым буквам и цифрам, но ни слова не понимала. Сплошные таблицы, как в методичках по алгебре! От написанного хотелось зевать. Скучная же у него работа, только звучит интересно. И тогда Катя сосредоточилась на поисках знакомого «Мария Кулыгина». Как найдёт, оставит Антона в покое. Только Маши в списках не оказалось. А вот...

– Светка?.. – прошептав, удивилась она. Пальцы ослабели и бумажки выпали из рук, разлетевшись по кабинету. – Но как?

– Не ожидала кого-то увидеть? – усмехнулся Антон, не поднимая глаз. – Положи назад. Я сам ещё не смотрел. Работы много...

– Но Света мне никогда ничего плохого не делала!

У неё дрожали ноги. Сырость каморки начинала давить. Она вспомнила отстранённое лицо одноклассницы, как будто ей самой было не в радость, что творили друзья.

– Заражённые не всегда ведут себя, как психи, – прокомментировал Антон. – Это состояние души. Твоя Машка могла попасть под влияние подружки, – он задумался, прикусив ручку, – а могла не попасть, всё же она сильнее. Ты вот знала, что её отчим избивает?

О ком это он? Катя поёжилась.

– Машку?.. – прошептала она.

– Да, – кивнул Антон, возвращаясь к документам.

Какое-то время он молчал, и только ручка шуршала по бумаге. У Кати пересохло во рту. Она так уверилась, что Машкина тень болеет, что её вылечат, и тогда нападки прекратятся или хотя бы станут реже. А во что же верить теперь?

Антон оторвался от бумаг и протёр глаза.

– Одного не пойму, – продолжил он. – Источник вируса так и не найден. Кто же их заразил?..

Катя не слушала. Она собирала листы и вспоминала взгляд Светы. Та ведь всегда ходила за компанию, никогда не лезла первая, кто бы мог подумать. Тряхнув головой, она пробежалась глазами по строчкам поднятого листка. Ещё пара знакомых фамилий. А где же её? Руки задрожали.

– Антон, а вы проверяли весь класс? И меня тоже?

Он смотрел будто сквозь неё.

– Конечно. Но тебя там нет, верно?

Катя отрицательно мотнула головой, поднялась и медленно положила бумаги, стараясь не выдать беспокойства. Ей захотелось убежать. Если то, что с ней происходит, не болезнь, тогда что? Сумасшествие? И тут она представила, что Антона нет, что всё происходящее вокруг – её выдумки, иллюзия. Она забежала в подвал и разговаривает со стенами. Ударил озноб. Пока Антон изучал документ, Катя тихо покинула каморку.

Темнота коридора облачила её, как покрывалом. Отовсюду мерещились звуки. «Друг-круг-испуг». И это тягучее чувство в груди, словно душа тонула в болоте. Нет, в подвале она была не одна. Чернота уже наползала, приближаясь к ней. Мимолетная мысль пришла не вовремя – комиссия ошиблась, просмотрела, упустила из виду! Катя вскрикнула. Ещё немного, и не быть ей человеком, ещё секунда, и она больше никогда не увидит свет. «Свет-билет-нет».

– Нет! – закричала Катя и упала без чувств.

***

Очнулась она на влажном и холодном полу. Голова гудела, а мышцы сводило судорогой. В нос ударил запах сырого бетона. Комнату освещали свечи. В тусклом свете она разглядела Антона, который стоял у входа и смотрел на неё. И в этом взгляде читался укор.

– Простите, – тихо начала она, всхлипывая. Как же хорошо, что он оказался рядом и спас её, вырвал из лап кровожадной тьмы. – Нужно было сразу рассказать... Эта тень... Я думала, что я... но потом... вы проверили... меня же там не было... но почему она преследует меня... так долго?

Он помолчал, не двигаясь с места. Катя поднялась, цепляясь за стену. Пальцы немели от холода.

– Всё началось в день нашей первой встречи, – подтвердил он. – Я знаю. Теперь я всё понял.

Свечи бросали оранжевые блики на его лицо – холодный и твёрдый взгляд, как и эти стены. Катя отступила назад.

– Что поняли? – голос дрогнул. Дрогнули и огоньки. Вдали за стенами надвигалось нечто. Опасность. Сердце забило сильнее. Она огляделась – единственный выход перегородил Ловец. Его взгляд стал печальным, а стук невыносимым. – Что это?!

– Я же рассказывал, ты забыла? – беспокойно заговорил он. – Когда заражённая тень поглощает носителя, он сам становится...

– Но меня не успели! – страх накатывал тошнотворной волной.

– Нет... – вздохнул он. – Тебя не успели. Зато ты... успел многое.

Катя взглянула с непониманием. Она боялась распрямиться, сжимая плечи руками.

– Это ты поглотил девочку два месяца назад, – продолжал он. – Вобрал в себя её мысли и чувства. Ну что, так удобнее заражать других? Отвечай мне, вирус!

Катя осмотрелась, но кроме неё в комнате никого не было. Неужели он говорил с ней?

– Только ты не ожидал, что человеческое сознание будет сопротивляться... – вздохнул он. – И рваться наружу, цепляясь за жизнь. Скажи, что ты чувствуешь теперь?

– Я, – Катя снова огляделась. Во рту пересохло. – Я... вирус?

Вирус... вирус... срочно придумать рифму. Тогда оно исчезнет... Но рифма уснула, утонула во тьме.

Катя беззвучно заплакала, ноги подкосились. А стук нарастал.

– Невозможно, – она замотала головой. – Что ты говоришь такое?! Это всё бред!..

– Мне очень жаль, – продолжал Ловец. – Я и сам не знал, пока не увидел отчёт. Четвёртая страница. Ты не дочитала, верно?

– Перестань! – Катя заломила руки.

Приблизившиеся шаги пророчили смерть. Ведь вирусы уничтожают, верно? Он сам так сказал!

– Пожалуйста, прекрати. Это ошибка. Простое недоразумение!

Слёзы лились по щекам. Сердце отбивало дробь. Вот же она из плоти и крови, многое помнит – фрагменты из жизни, как из фотоальбома. Вот первые шаги по морскому песку, вот пятёрка по сочинению, опубликованный стих. Ведь не может всё это оказаться украденным у обычной школьницы Зотовой Кати?

– Ошибки быть не может, – его голос дрогнул. Что это? Сомнение?

– Проверь ещё раз! – она бросилась вперёд и схватила его за руку. – Умоляю, проверь! Это ошибка! Они... они убьют человека, не вирус! Они меня убьют!

И он содрогнулся.

– О-о-о, нас же учили не поддаваться влиянию вирусов. Ну что ты за тварь такая?!

– Пожалуйста, спаси меня! – Катя закрыла глаза, прикикая к нему, как к единственному деревцу посреди урагана. Звуки вокруг, словно тысячи барабанов, и слов уже не слышать. Казалось, её изнутри раздирают демоны. Выскакивало сердце, по щекам лились слёзы. Она пошатнулась и упала на колени посреди комнаты.

– Мне страшно!

Антон сжимал и разжимал кулаки, озираясь. Она видела это сквозь слёзы. Вдруг погасли свечи, и всхлипывания обернулись криком. Сердце остановило бой.

***

Солнце ярко светило. Отбрасывали тени кровать и шкаф, стол и стакан с ручками. Катя проснулась с улыбкой и потянулась. Давно она не ощущала такой дивной лёгкости, хоть сейчас садись за блокнот и твори. За окном весна. За стеклом жизнь. А первым уроком любимая литература.

На выходе из подъезда у стены она увидела мужчину.

– Здравствуй, Катя, – улыбнулся он.

Катя поздоровалась, хоть и видела его впервые. Впрочем, она никогда не отличалась внимательностью, могла и забыть. Тем более что-то в его серо-зелёных глазах ей показалось отдалённо знакомым.

А мужчина махнул ей рукой, и тёмная тень на стене повторила движение. Катя кивнула и побежала в школу.

Людмила БАНЦЕРОВА

Родилась в п. Сапозок Рязанской области, в семье педагогов-музыкантов. В 2010 году окончила Литературный институт им. М. Горького, отд. поэзии. Печаталась в литературных журналах и альманахах «Юность», Литературная учёба», «Молодая гвардия», «Наша молодёжь» (Москва), «Берега» (Калининград) и др. Лауреат Международной литературной Премии имени С. Есенина «О Русь, взмахни крылами...» 2017 года, и др. Автор книг «Кругосветная листва», «О себе, как о вечности», «В белых платьях облака»,

«Другие времена». Живёт в Рязанской обл., д. Насурово.

***

Я, как лесной птенец с глухих окраин,
всё жду весну, всё думаю о ней.
Вся жизнь моя, от края и до края –
до тихих улиц и крошечных дней...

Вот так живу – от дома до работы,
и непрерывен каждый Божий день.
Гуляю в старом парке по субботам,
где по колено деревья в воде...

И каждый раз я думаю о свете,
о той, не заскучавшей новизне.
Мне дом родной приснится на рассвете
и облака в лазурной тишине.

И заскрипит, застонет половица,
когда приду и распахну окно.
Как звонко тенькает в саду синица,
клюёт в кормушке жёлтое пшено.

А я всё жду, когда с глухих окраин
придёт весна и с нею – благодать.
Бежит вдали, спешит автобус ранний,
мне только на него не опоздать...

***

Ангелу

Ты помолись там Господу о нас,
кто затерялся в ветреной лачуге.
И нет ни привилегий, ни прислуги,
лишь только этот искромётный час.

Ты Господу про нас там Расскажи,
как в небе задыхаются стрижи.
Порой бывает так невыносимо,
что на порог приходят злые зимы...

Ты помолись там Господу опять...
Вновь переулок убегает вспять.
И птица на семи ветрах ночует,
от берега до берега кочуя...

Когда придёт предсмертный этот час –
с какой земли, откуда будешь родом?
Ещё есть время, ветрена погода...
Ты помолись там Господу о нас...

***

Побелите колокольню,
пусть над ней сияет крест...
Мне легко идти по полю:
родом я из этих мест...

Побелите колокольню –
все дороги к ней ведут.
Со своей тоской и болью
я, наверно, пропаду...

Как же дышится раздольно,
и душа ещё светла.
Побелите колокольню,
там до неба купола.

Я приду к тебе, родная,
помолиться не спеша,
никого не проклиная...
Вновь затеплится душа...

Сергей ЛЕБЕДЕВ

Родился в г. Белгороде. Окончил исторический факультет Белгородского государственного педагогического института им. М.С. Ольминского, Российскую Академию государственной службы при Президенте РФ. Социолог, религиовед, преподаватель Белгородского государственного национального исследовательского университета. Пишет стихи и прозу. Автор поэтических сборников «Societas», «Мальчик и бабочка» и «Historika». Произведения публиковались в газетах и журналах. Живёт в Белгороде.

БАБУШКА КАТЯ

*Светлой памяти Екатерины Фёдоровны Мишковой
(1902–1984)*

Тихая, часто почти безмолвная, но постоянно в незаметном движении, в труде, как маленькая речушка русских равнин. Моя прабабушка... Праматерь рода, которую мне посчастливилось застать на земле. Старейшая из живущих. Хранительница очага, труженица и молитвенница – это всё о ней.

Мы у неё все – одни. Давно уже она потеряла двух сыновей: маленького Павлика – ещё в двадцатые; юного Алексея-Лёсика, письма которого с войны бережно хранятся у неё в узелке за иконами – в сорок четвёртом. Осталась единственная дочь, моя бабушка. Единственная внучка, моя мама. Мужья их – мои дед и отец – тоже единственные. И я – долгое время до рождения Кати младшей, названной в её честь, которую она успела увидеть, единственный правнук.

Если дедушка Митя – лицо семьи и хозяин, то бабушка Катя – всегда как бы на полшага сзади. Она будто всё время «на подхвате», хотя большую часть времени – сама по себе. Они вместе – словно руки, правая и левая, каждая из которых без слов знает, что делает другая.

Встают они с дедом на заре – в четыре часа утра, когда надо «выгонять» в стадо корову Зорьку. Утром, как бы рано я ни проснулся, уже растоплена русская печь, на столе всегда стоит крынка парного молока. А бабушка и дедушка давно в работе – во дворе, на огороде, в саду. Пообедав, придремнут днём на часик, и снова – дотемна – работать по хозяйству.

Бабушка – левая рука – тихая, порой незаметная труженица. Но всё держится на ней. Она и там, и здесь, она ни минуты без дела. Только что замесила

тесто, спустилась в погреб достать холодного – «вечернего» – молока, покормила поросёнка Борьку, налила чего-то сытного в лоханку псу Султану, сварила картошки, сходила на огород нарвать зелени, и вот уже сидит на крыльце и рубит на специальной досточке маленьким топориком – секачиком – лопухи для уток.

Я никогда не слышал, да и никто, кажется, не слышал, чтобы она была резка, чтобы раздражалась или злилась. Всегда – доброта. Всегда – даже при явном неодобрении чего-то – бесконечное спокойствие и терпение. Соседу-пьянице деду Ване может высказать всё, что она о нём думает, но пойдёт в кладовку и нальёт просимое обязательно.

А когда дед или кто другой «взрывается» и начинает ругаться, бабушка только укоризненно качает головой:

– Что ж тебя расхватывать!

Я на всю жизнь запомнил это слово – «расхватывает».

Никогда она никого не заставляет, не уговаривает, почти не корит, может только попросить мимоходом, но как не выполнить её просьбу – представить такое невозможно:

«Унучек, пойдёшь на улицу, ты возьми битончик, принеси водички с колонки».

«Сходи у комнатку (так они называли кладовку в сенях), там мяшочек лежит в углу у дверей – принеси».

А когда принесёшь, поможешь хоть самой малостью – всегда поблагодарит и похвалит. И ласково так, и глаза, карие, лучистые, светятся нежностью: «Катышечка ты моя!»

А вечером, а иной раз и днём, бабушка становится в красном углу перед иконами (две большие, Богородицы, в окладах, в центре между ними – Егорий со змием, и немножко в стороне – простенький деревянный Спас Нерукотворный) с лампадкой и истово молится, перечисляя наши имена: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа... Сохрани их от всякой болезни, от всякого случаю...»

И помню, как она меня, маленького, когда я заболел, учит креститься и молиться.

Иконы эти и поныне стоят в доме у моих родителей.

Читать она не умела, хотя знала буквы и могла с трудом, при желании, их сложить в слова. Но знала, как и дед, множество поговорок, присловий, загадок, историй и песен. И, как и он, могла очень метко, образно, в двух словах, ухватить и «припечатать» как человека, так и ситуацию.

Она из большой семьи: у её родителей, крестьян Фёдора и Евдокии Семёновых, по двору Булошниковых – ещё у барина они пекли хлеб и булки – было семь детей. Сыновья Пётр, Афанасий («Афоня, тот на войне погиб»), Степан, Семён; дочери Татьяна, Мария и она – старшая, Екатерина. Семёна Фёдоров-

вича и Татьяну Фёдоровну – бабу Таню – мне довелось видеть и знать. Семён Фёдорович довольно часто навещался в гости, и тогда они подолгу и чинно сидели за столом с дедушкой Митей. А бабушка Таня жила через несколько домов – сёстры виделись по несколько раз на дню.

«Деда я полюбила за то, что музыкальный был», – говорила она (он с юности хорошо пел и играл на нескольких музыкальных инструментах). А когда его схоронили, говорила моей маме: «Я не могу без него жить. С полгодика ещё поживу, чтобы вам не так тяжело было... И пойду след за ним». Так и произошло – почти день в день. Они родились в один год; в один год и ушли.

И эта любовь, пронесённая сквозь всю долгую и труднейшую жизнь, больше любых слов и ценнее всего, что может сделать человек.

Андрей БИРЮКОВ

Участник Всероссийского Совецания Молодых Литераторов в Химках, автор книг «Ветер стих» и «Капля огня», финалист Международной премии «Мгинские мосты». Обладатель Гран-При регионального фестиваля «Лит-Арт-Фест». Публиковался в «Литературной газете», журналах «Наши современник», «Воин России» и «Роман-журнал 21 век», в «Молодёжном альманахе» и альманахе «Светоч». Живёт в Старом Осколе

***

Говорят, мои строчки не добрые,
И что в них стал раздет не по моде я,
Говорят, все плоды уже собраны
И что скоро наступит бесплодие.

И грозят мне больничной палатой,
И твердят, что завяну я ландышем,
Кое-кто называет Паратовым,
Кое-кто исправляет – Карандышев.

Кое-что оперилось и выросло
Из золы под названием социум,
Кое-кто принял Блока из милости,
Кое-кто снизошёл до Высоцкого.

Кое-кто называется публикой,
Возвышаясь над странными душами,
Если б знали заумные умники,
Как внимательно я их не слушаю.

***

Угрожайте, ловите на слове
И пируйте, раз нужен вам пир,
От природы не жажду я крови,
Может, попросту, я не вампир?

Навтыкайте в меня сотни киев,
Чтобы глотку заткнул, обалдев,
Мне не жалко ни Харьков, ни Киев,
Моя боль про обычных людей,

Что страдают от этой заразы
И рыдают не реже, чем мы,
Я за то, чтоб не кончился разум
Матерей, от обиды немых.

Я за то, чтобы полночью серой
Не выглядывал страх из-за штор,
Коль сплотит нас единая вера,
Мне не поровну, вера во что?

Я за то, чтобы всех без разбора
Не поставили к грязной стене,
Пусть живые цвета триколора
Не позволят глазам сатанеть.

Я хочу, чтобы совестью чистой
Мы избавили слабых от стрел,
Я за то, чтобы били фашистов,
Но лишь их и как можно быстрее.

***

Ты сказала: «Нас кинут».
Ты сказала: «Нас ранят».
Ты стирала носки мне.
Я стирал свою память.

Снова двое в каноэ,
Путь от рая до края,
Выбираю добро я,
Но из зол выбираю.

Ты сказала: «Исчезни» –
В январе или в мае,
Время лечит болезни,
Я лечусь, умирая.

Олег ЛЕМАШОВ

Окончил строительный техникум, затем получил высшее юридическое образование. Работает юристом, увлекается историей и музыкой. Автор книг прозы «Третья вода», «Сутемень». Член Союза Белгородских литераторов. Живёт в Белгороде.

ПОСЛЕДНИЙ КЛИЕНТ

День выдался не особо удачный, клиентов катастрофически не хватало. Припарковавшись недалеко от остановки, Сергей удручённо подсчитывал, сколько он натаксовал за сегодня. За минусом аренды автомобиля, расходов на горючку и отчислений диспетчеру выходило, что сработал он практически в ноль. Сергей посмотрел на экран смартфона с надеждой, что чудесная программа выдает ему ещё хоть одного клиента.

Но, похоже, с клиентами в 11-м микрорайоне, куда он завёз последнего пассажира, было совсем не густо. Заявки высвечивались в различных частях города, но, как назло, ни одной рядом или их перехватывали более удачливые конкуренты. Между тем вечерело, жара стала спадать и постепенно сгущались сумерки. Заказ поступил, когда Сергей уже хотел сдать и ехать домой. Клиент появился совсем рядом, везти требовалось довольно далеко, на другой конец города, так что вырисовывалась неплохая возможность наконец-то подзаработать.

Правда, район, куда предстояло ехать, глухомань ещё та – промзона с убитыми напрочь дорогами, но выбирать не приходилось.

Когда Сергей довёз пассажира, подвыпившего грузного мужика по указанному адресу, стало уже совсем темно. Нечастые фонари светили тускло, и многочисленные ямы на дорожном полотне сливались с тёмным асфальтом. Поэтому назад Сергей ехал медленно, старательно объезжая выбоины на асфальте. Это и предотвратило столкновение...

На дорогу из кустов внезапно вывалился молодой парень, и Сергей резко дал по тормозам. Почти сорвавшееся ядрёное ругательство замерло на устах, поскольку в свете фар стало понятно, что паренёк сильно избит: лицо перепачкано в крови, рубашка порвана. Он затравленно оглянулся и развёл руки в стороны, как бы перегораживая дорогу:

– Пожалуйста...

Больше он ничего сказать не успел, из кустов появились несколько парней. Они не спешили, понимая, что их жертве некуда скрыться. Один из них коренастый, по всему виду спортсмен, развязано приобнял парнишку за плечи и, глядя на Сергея, сказал:

– Всё нормально, братишка перебрал немного, ща оклемается. Езжай давай.

Сергей заметил, как вздрогнул паренёк, когда рука коренастого опустилась ему на плечи. Его затравленный взгляд метался по лицам преследователей.

Коренастый толкнул парня плечом и повёл его на другую сторону дороги, за гаражи. Сергей проводил их глазами. «Плохи твои дела, чувачок, эти так просто не отпустят. Что ж ты, хлюпик делаешь один ночью в таком районе?» – с сожалением подумал он.

– Чо встал? Тоже получить хочешь? Вали отсюда!

Сергей перевёл взгляд, на него щурился худощавый тип, лет двадцати максимум. Глаза маленькие, злые, рот перекошен в презрительной гримасе. За спиной ещё двое стоят, ухмыляются. Сергей опустил глаза и медленно тронулся дальше.

– Давай, давай, не оглядывайся, – вслед прокричал ему кто-то из них, и все они также неспешно направились вслед за коренастым, который вёл хлюпика за гаражи, нестройным рядом растянувшиеся вдоль дороги.

Сергей знал таких парней хорошо. Слишком хорошо... Они как шакалы, не пропустят никого, кто слабей. Он поморщился, представив, что они сейчас сделают с хлюпиком. Будут бить, конечно, долго и с наслаждением ломать. И никакие мольбы о пощаде их не остановят, только раззадорят. Таким ублюдкам доставляют наслаждение чужие боль и унижение. Взгляд его остановился на руках, вцепившихся в руль так, что побелели костяшки сбитых в бесконечных тренировках кулаков.

«Это не моё дело», – сказал себе Сергей, но вышло как-то неубедительно.

Сергей вздохнул и остановился на обочине: «Главное – начать, а дальше уже легче, дальше по накатанной. А то, что страшно, так это хорошо. Как говаривал Валентиныч – страх наш помощник».

Закрыв машину аккуратно, стараясь не хлопнуть дверью. Лёгкой трусцой пробежал назад, оглядываясь по сторонам, но куда они ушли, гадать не приходилось. Сергей, стараясь не шуметь, завернул за гаражи. Они стояли спиной к нему, один из них сидел на корточках над лежавшим на земле хлюпиком и что-то толковывал ему.

– Мы же тебя предупреждали, тварь, чтобы ты здесь больше никогда не появлялся. Ты что, тупой!

Это был тот самый, худощавый с маленькими глазками. Он встал и пнул лежащего в живот. Голова хлюпика беспомощно дёрнулась, и он скрючился, обхватив руками живот:

– Не надо...

– Что не надо, тварь? Что не надо? Ты что, мне указываешь, что делать?

Я тебя, чмошник, забью сейчас в фарш.

Долговязый, стоящий спиной к приближающемуся Сергею загоготал:

– Вмочи ему, Хлыст, ещё разок!

Настала пора вмешиваться.

– Мужики, – негромко позвал Сергей.

Все резко обернулись. Долговязый мгновенно при этом поднял руки, стал в стойку. «Рефлекс однако. Возможно, боксёр», – отметил про себя Сергей.

– Ты кто такой? Ты чё хотел?

Сергей включил простачка:

– Эта, мужики... Всё нормально, я таксист. Я за этим приехал по вызову, дайте я его заберу, ему хватит уже.

Худощавый зло зашипел:

– Это я буду решать, когда хватит.

– Ты не вовремя, таксист, – угрожающе процедил коренастый.

– Да ладно, мужики, это просто мой клиент.

– Не, таксист, это наш клиент, – загоготал долговязый.

Парни потихоньку стали приближаться, один из них, низенький, «плюгавенький», как про себя назвал его Сергей, стал потихоньку обходить справа, норовя зайти за спину.

«Этот под ноги кинется, и тогда остальные навалятся», – Сергей чуть повернулся, стараясь не терять плюгавенького из виду.

Долговязый подошёл вплотную и ткнул Сергея пальцем в грудь:

– Ты зря сюда пришёл, таксист.

– Мужики, вы чего? Я лучше пойду, наверное, – Сергей старался, чтобы голос его прозвучал заискивающе и даже испугано. Это сработало.

Долговязый гаденько заулыбался, почувствовав лёгкую добычу, расслабился, напряжение спало, плечи опустились, и зря.

– Никуда ты не пой... – Договорить долговязый не успел.

В следующее мгновение Сергей мощным, хорошо поставленным хуком в челюсть отправил его в нокаут. Тот даже не успел удивиться, только лязгнул на прощанье зубами и завалился, как подрубленный столб.

Сергей хорошо знал, как развиваются события в таких ситуациях, у него имелось всего несколько секунд, пока остальные придут в себя и начнут действовать, и это время никак нельзя терять. Стремительно развернувшись к плюгавому, который застыл в изумлении, провожая взглядом внезапный отход товарища, Сергей выбросил короткую двойку точно в его голову. Тому

хватило, и он рухнул, уткнувшись лбом в землю. Он ещё не успел упасть, а Сергей рывком развернулся к остальным шакалам. И тут же сам упал на землю, сбитый мощным ударом ноги в грудь. Откатившись назад через голову, чтобы увеличить расстояние между собой и противником, Сергей вскочил и увидел, кто нанёс удар. Коренастый смотрел исподлобья и потихоньку приближался. Тощий выхватил откуда-то короткий обрезок металлической трубы.

«Так, халява кончилась, – подумал Сергей, – дальше будет трудно».

Тощий ринулся вперёд, занеся для удара руку с трубой, но тут же остановился, увидев, что Сергей подхватил с земли увесистый обломок кирпича. Коренастый тоже не спешил нападать и стал оглядываться, видимо, в поисках подходящего оружия. Возникла пауза. Сергей знал по опыту, что это плохо, это уже не в его пользу, у подонков появляется время оценить ситуацию и, возможно, даже позвать на помощь кого-то из своих дружков.

– Ты, тварь, тебе жить надоело? Мы тебя здесь закопаем, понял! – завизжал тощий.

– Копалку надорвёшь.

– Ты кто такой, вообще? Ты кто, твою мать, такой?

– Я ментов вызвал, они уже едут сюда, – соврал Сергей, стараясь, чтобы его голос звучал ровно и спокойно.

– Чё ты лечишь, какие менты? – тощий бесновался в крике.

– Сейчас узнаешь, какие. Я диспетчеру передал, что совершенно нападение на такси.

– Ах ты, гнида!

Коренастый за всё время не произнёс ни слова и стал потихоньку обходить слева, Сергей отступил чуть назад, оставляя обоих в поле зрения.

Похоже, нехитрая уловка про звонок в полицию на них не произвела впечатления, но Сергей особо и не надеялся, что это сработает.

– Комар, мочи его, – завизжал тощий.

Коренастый рванул вперёд и легко увернулся от кирпича, брошенного Сергеем в его сторону. Комар оказался опытным бойцом и с лёту обрушил на Сергея град ударов, легко связывая атаки руками и ногами. Двойка в голову, пропущенная Сергеем, была весьма ощутима. Однако он устоял и, несмотря на то, что немного поплыл, достал коренастого боковым в ухо. Тот встряхнул головой и отскочил – зауважал.

Краем глаза Сергей заметил движение сбоку и успел увернуть голову, труба хлётко врезалась в плечо и левую руку сразу отсушило. Выравнивая корпус, Сергей крутанулся и вплепил тощему в нос, вложив вес тела в вылетевший кулак, и с удовлетворением услышал хруст носовой перегородки. Тощий отлетел с коротким жалобным вскриком и затих в неглубокой луже. Труба, которой он жажнул Сергея, отлетела в сторону. Сергей тут же отскочил назад и вовремя, кулак коренастого просвистел рядом, обдав ветром лицо.

«Ну, теперь один на один танцевать проще будет», – подумал Сергей. Правда, левое плечо онемело, и рука почти не слушалась, но он не подавал виду.

Коренастый оглянулся на товарища, распластавшегося в луже.

– А ты резкий, таксист.

– Что, Комар, испугался, что и тебе клюв расплющат?

Комар недобро ухмыльнулся и сплюнул:

– Я тебя сделаю, таксист, ты, конечно, шустрый, но я и не таких укладывал.

Сергей осторожно повёл левым плечом и поморщился – дела плохи.

Коренастый покачал головой из стороны в сторону, разминая шейные позвонки:

– Ну держись, таксист.

Раздался глухой стук, голова Комара дёрнулась, и он упал на землю бесчувственным мешком. За ним, пошатываясь, стоял хлюпик с широко открытыми глазами, с обрезком трубы в руках, той самой, которой худощавый чуть не попал Сергею по голове. Сергей с облегчением выдохнул и опустил руки.

В машину прыгнули и сразу рванули с места, не выясняя, куда, собственно, ехать, лишь бы подальше отсюда.

Некоторое время ехали молча, напряжённо всматриваясь в темноту за лобовым стеклом. Потом хлюпик перевёл на Сергея взгляд и негромко сказал:

– Спасибо.

Вместо ответа, Сергей перехватил руль левой рукой, поморщившись при этом от стрельнувшей в ней боли, и протянул хлюпику правую:

– Сергей.

– Саня, – отозвался тот.

Сергей взглянул на паренька, даже в полумраке салона было видно, как сильно тому досталось, глаза уже начали заплывать, на правой брови, похоже, рассечение.

«Сотрясение, как пить дать, – отметил про себя Сергей, – хорошо если почки не отбиты».

– Ты как там, живой, Санёк?

Тот кивнул:

– Живой вроде. Но это не точно.

Сергей усмехнулся.

– Салфетки вон, в бардачке возьми, а то ты весь в крови.

– Спасибо. – Санёк достал салфетку и стал осторожно вытирать лицо. –

Первый раз я попал в такую передрыгу, не доводилось как-то.

После небольшой паузы Сергей обронил негромко:

– А мне случалось.

Он отвёз Сашу домой, по адресу, который тот назвал, и отмахнулся от предложения оплатить хотя бы дорогу.

Прежде чем выйти из машины, Саша повернулся к нему и тихо спросил:

– Ты ведь меня, можно сказать, спас сегодня, но почему?

– В смысле почему? – Сергей пожал одним правым плечом, потом поправил ароматизатор, болтавшийся на зеркале заднего вида. – Вышло так, оказался рядом. А потом всё как-то завертелось.

Саша отрицательно покачал головой и медленно произнёс, словно с трудом разлепляя разбитые губы:

– Большинство прошли бы мимо. Ты ведь не единственный, кто рядом оказался. Там до тебя три машины проехало. Все видели, что происходит, и ехали дальше.

Сергей тяжело вздохнул и, глядя куда-то в сторону, буркнул:

– Ну, а я вот остановился.

– Но почему?

Сергей поморщился:

– Да что ты привязался, почему да почему? По кочану!

Санёк посмотрел на Сергея долгим взглядом, хотел было что-то сказать, но не стал, медленно кивнул, поджав губы, и вышел из машины.

Двор панельной пятиэтажки, в которой проживал Санёк, погрузился в непроглядный мрак, и только над одним подъездом горел яркий фонарь, отрезая неестественным холодным лучом небольшое пространство у тьмы.

Провожая взглядом пошатывающегося Санька, Сергей достал сигарету, но почему-то не подкуривал её, долго мял пальцами в задумчивости, глядя в одну точку, пока та не поломалась. Потом очнулся, увидел рассыпавшийся табак на ладони, отряхнул в окно, выжал сцепление и поехал домой.

Татьяна ДЕ ВРИЗ

Окончила факультет журналистики Уральского государственного университета и экономический факультет БГТУ им. Шухова. Автор книги стихотворений «Бирюзовые бусы». Занимается в творческой мастерской при БРО ООО СПР. Живёт в Белгороде.

Отсмеялось ласковое лето

Отсмеялось ласковое лето,
По просёлку убегая вдаль.
Полыхнуло ярким горлиццветом –
И надело тонкую вуаль.

И повсюду на просторах дачных,
На полях и заливных лугах
Паутинка в воздухе прозрачном
Вьётся, как легчайшее «пока».

По ночам – осенняя прохлада,
Улетают за море стрижи.
Перестали распевать цикады,
Схоронившись среди колосьев ржи...

«Лето, стой!» – прошу я, но куда там!
Вот уже короче стали дни,
И на поле, высохшем и сжатом,
Васильки да лютики одни.

Январское утро

В заснеженное утро января,
Где иней рассыпается в осколки,
Рассвет румяный, искрами горя,
Рисует серебром на белом шёлке.

Проснулся на пригорке старый дом,
В рябиновом плену, за частоколом;
Там детская фигурка за окном
К стеклу приникла личиком весёлым.

Оденься-ка теплее и – во двор!
Январским утром нужно прогуляться:
С друзьями убежать за косогор,
На санках деревянных покататься,

В сугробе извальяться невзначай,
Почувствовать, как холод щиплет носик,
А позже – к маме, там горячий чай
И шанежки на жестяном подносе.

Ночной бой

Были сумерки: мглистые, вязкие,
И дышала тревогою осень.
И стеною – вершины кавказские,
И сержант – необычно серьёзен.

Вы сидели не так, чтобы голодом,
Но осталось лишь манки полпуда.
– На прорыв! – прозвучало, и холодом
Вдруг повеяло из ниоткуда.

Будет бой, полуночный и жаркий,
Будут взрывы, стрельба, чьи-то крики.
И бессмысленно звать санитарку,
И враги – фанатичны, безлики.

Утром хмарь понемногу развеется,
Но останется дым от развалин.
У остатков пожарища греется,
Серый кот, запылён и нейтрален.

А потом... позолоченный колокол
Огласит перезвоном окрестность.
Ты обнимешь Её синим облаком,
Забывая свою бестелесность.

Сыну

Если цель поставил пред собой –
Честен будь с собою и людьми
И в погоне за своей мечтой
Честь свою, мой сын, не посрами.

Выбирай одну из двух дорог:
Третью не подарят небеса.
Выбирай, но так, чтоб после мог
Смело людям посмотреть в глаза.

Светлая дорога нелегка:
Нужно долгий путь по ней пройти.
Тёмная дорога коротка,
Плата за проезд – в конце пути...

Я – странник, заблудившийся в ночи

Я – странник, заблудившийся в ночи,
И эта ночь – длиною в жизнь земную.
А что за ней? Друзья иль палачи
Нас ждут? Ответа нет... Я протестую!

Мы – зёрнышки кофейные, мы – плоть,
И твой удел – быть сдавленным до хруста
Чтоб в мельнице тебя перемолоть,
Арабика ли ты или робуста –

Всех перемелют эти жернова.
Но почему, под звон часов хрустальный,
В кругу друзей, на пике мастерства
В бессмертие уходит гениальный?!

Уходит светоч, праведник, мудрец,
Уходят дети – молча, тихой тенью.
Уходит столько любящих сердец,
Нас оставляя в горе и смятенье!

Извечное невежество! Впотьмах
Мы познаем Законы и Запреты,
И нет свечи в трепещущих руках,
И остаётся только – ждать рассвета.

Василёчки-васильки

Спит станица, отгорожена
От нескошенных полей
Ровной лентою дорожною,
Чередою тополей.
Всё здесь новое, добротное.
Помнят только старики
Степь да детство бысролётное,
Василёчки-васильки.
За отарами кудрявыми отступала старина,
За распаханными травами исчезала целина.
Годы падали в безвременье...
Как теперь вы далеки,
Шлях чумацкий, степи древние,
Василёчки-васильки.

***

Каждый текст пророческий, даже не проверяй:
Осознаешь в ужасе ход судьбоносных схем.
В даровании литер с сердца снимать печаль,
Извлекая из боли рождественский Вифлеем –

Сила слова, которой можно сжигать мосты.
Но помягче с написанным – рукопись не горит.
Когда мысли в чернилах находят свои черты,
Бог тебя отправляет в тобой же рождённый трип.

Запускает цепочку особо желанных дел.
Ты их спонсор, кормилец, жертва и кукловод.
Слово помнит, чего ты когда-то душой хотел.
И оно всегда, чего ты хотел, даёт.

Потому очень важно думать, что говоришь,
Чем питаются мысли и что ты вплетаешь в стихи,
Ибо словом ты точно завтрашний день творишь,
Потому что слово – сильнейшая из стихий.

***

как утро перемальвывает в дым
всё то, что прошлой ночью было важным,
так город остаётся нелюдим,
и бары, крикнув в спину «поглядим»,
швыряют самых стойких персонажей
с роскошных вечеринок да в didi.

так вороны несут благую весть
способным её вовремя услышать.
и ты решишь оставить всё как есть,
сбивая с ночи ввевшуюся спесь,
и «desert rose» сделаешь потише,
и нехотя запомнишь – пять ноль шесть.

так сотни тысяч одиноких солнц
закурят, отработавши ночные,
стряхнув на землю пепел папирос,
задав тебе всего один вопрос:
– твоё ли это от рожденья имя?
– не знаю, но другого не нашлось.

Татьяна МЕЩЕРЯКОВА

Родилась в с. Н. Таволжанка Шебекинского района Белгородской области. Автор поэтических сборников «А завтра – лето» и «Жизнь прекрасна!». Лауреат конкурса-семинара «Новые имена Белгородчины-2019» в номинации «Проза». Живёт в с. Н. Таволжанка

Я ВАС ЖДУ

Перед глазами у меня картинка: лето, утро, солнышко в окне на кухне, маленький букетик левкоев на столе. Я хлопочу: вымешиваю творог на сырники. Спит глаза от его белизны. Вскоре сырники поджариваются и полу-чаются такими круглыми и золотистыми, как маленькие солнышки.

Завариваю чай из свежих душистых трав и жду. Сейчас ко мне приедут мои дети и друзья.

И будет чай, и будут разговоры, смех, воспоминания. Ну а пока – минуты тишины. Я наливаю в пиалу ароматный мёд и вижу, как за приоткрытым окном, наматывая круги, проносятся молодые ласточки. А сразу за стеной дома плетётся китайский лимонник, сплошь покрытый ароматными, кисловатыми ягодами. Можно и их нарвать к чаю. Благодатное время, щедрое! Сейчас свежее, яркое, летнее утро. Август.

Хочется, чтобы так было, как можно дольше, потому что я очень люблю такие встречи. Они не бывают слишком частыми, ведь все очень заняты: заботы, спешка, суета каждый день. И мы устраиваем маленькие праздники среди будней.

В приоткрытое окно слышу стук калитки, голоса. Предчувствие радостной встречи переполняет меня. Я спешу выйти на крыльцо, мы обнимаемся. Всем с улыбкой говорю: «Ну, здравствуйте! Я вас уже заждалась. Проходите скорее. У меня всё готово, дорогие мои!»

КАК ПТИЦЫ...

В детстве, когда нам было лет по десять-двенадцать, мы любили лазить по деревьям. Мальчишки устраивали на вербах или тополях наблюдательные пункты в виде шалашей. А мы, девчонки, любили волю. Находили очень вы-

сокие деревья, взбирались почти на макушку, обхватывали ствол и так сидели, оглядывая окрестности.

Но особенно нам нравилась ветреная погода, когда деревья раскачивались из стороны в сторону. Тогда мы качались вместе с ними. От сильного порыва ветра тебя резко раскручивало, потом швыряло то влево, то вправо, то вперёд, то назад, как будто огромный человек, взяв твоё дерево – веточку, решил отмахнуться от надоевших мошек.

Терялось ощущение пространства, мы парили высоко над землёй, как птицы. Эмоции захлёстывали нас через край. Мы кричали от страха и восторга одновременно.

Но страх побеждал, и мы спускались вниз. А на следующий день опять всё повторялось.

Когда теперь я вижу очень высокие деревья, воспоминания возвращаются ко мне. Я подхожу к дереву, обнимаю его, закрываю глаза и представляю, что я опять лечу, лечу, лечу...

РАЙСКИЙ УГОЛОК

Дом моего детства был расположен недалеко от реки. Место там очень красивое, живописное. От дома к реке простирался зелёный заливной луг, а дальше виднелись поросшие густым лесом большие меловые горы.

Когда-то давно на холме, напротив нашего многоквартирного одноэтажного дома, была генеральская усадьба. Но от неё уже ничего не осталось. А чуть пониже располагались каменные добротные конюшни. Они были переделаны в квартиры, вот это и был наш дом. И всё это место называлось не иначе как Генеральским.

Все здесь друг друга хорошо знали и дружили и ссорились тоже – всякое бывало. Всем многочисленным двором провожали в школу, потом – в армию, играли свадьбы. Приходилось, что и хоронили всем двором. Если надо было, кого-то учили уму-разуму, заступались за незаслуженно обиженного. Пососедски присматривали за детьми. Угощали пирогами, конфетами, передавая всё прямо через забор. Делились последним. Выхаживали всем двором, если случалось кому заболеть.

Сколько себя помню, наша соседка Ксения Потаповна для меня уже тогда была бабушкой, а потом бабушкой стала и моим детям. А её муж Иван Тимофеевич – мастер на все руки: всегда что-то строгал, пилил, умело клал кирпич, косил траву всем, кто попросит. Но и взрослым, и детям очень нравились его прибаутки. Если Иван Тимофеевич чему-то удивлялся или радовался, он всегда добавлял к сказанному: «Эх, забодай тебя комар!» И мы, дети, по поводу и без повода, подбегали к нему чем-нибудь похвалиться, чтобы только

услышать эту весёлую фразу. А ещё он очень гордился надписью на своём заборе, которую сам и придумал. Там было крупно написано «КИТ». И любопытным объяснял, что это его так зовут – Козленко Иван Тимофеевич.

Чуть дальше от нас дружно жили старенькие сёстры Сергеевны. Мы с подружками часто стояли у их заборчика, любуясь цветущей клумбой. Там было настоящее царство анютиных глазок.

Всегда в нашем большом дворе было много детей. По квартирам не сидели: играли в мяч, в прятки, в классики. А взрослые, справившись по хозяйству, выходили посидеть на скамеечки, поговорить. И скучно здесь не было никогда.

А вот сразу за окнами всего нашего дома был виден настоящий райский уголок – школьный огород. Сюда во время занятий в школе приходили ученики на уроки труда, а когда были летние каникулы, здесь многие отработывали практику – рыхлили грядки, поливали, собирали урожай.

То, что было на школьном огороде, поистине впечатляло! Кроме большого количества аккуратных грядок с морковью, луком, огурцами, капустой, здесь росли диковинный горох, фасоль. Чуть дальше была плантация кустов чёрной смородины, участок разных видов крыжовника, много клубники. Здесь же щедро произрастала очень вкусная сладкая кукуруза. Были ещё яблони, груши, вишни, целые заросли малинника. А вокруг этого огорода плотной стеной стояла дикая смородина, тоже очень вкусная.

Каким было праздником, когда детям из нашего дома сторож разрешал немного погостить в смородине и малине! Кажется, что вкусней тех ягод я нигде ничего не пробовала потом.

И вот, когда прошло уже много лет, я, вспоминая тот маленький рай с разнообразием овощей, фруктов и ягод, с большей теплотой и грустью думаю о моём добром, шумном доме.

Ничего лучше и надёжнее этого места не было в моей жизни. Я часто вспоминаю тех людей, с которыми было столько вместе пережито. Только теперь я понимаю, что настоящим райским уголком был этот дом и люди, которые жили со мной в то время. В самое лучшее и счастливое время моего детства!

КАРУСЕЛЬ НА ЛЬДУ

Раньше, в моём далёком детстве, кроме санок, лыж и коньков, зимой больше не на чем было покататься.

И вот однажды отец моей подружки Наденьки дядя Коля решил нас повеселить немножко. Расчистили мы снег на нашей речке. В том месте она неглубокая, дно песчаное. Дядя Коля рыбацким буром просверлил дырку во льду до самой воды, вставил в неё железную трубу и хорошенько забил её в песчаное дно.

Потом дядя Коля принёс колесо от телеги и надел его на трубу. Затем взял длинный крепкий шест, вставил наискось в колесо. К более длинному концу этого шеста он прикрутил проволокой вместительные деревянные санки. А там, где конец шеста был короче, дядя Коля вокруг колеса насыпал лёд углем (тогда у нас ещё топили печки), чтоб не было скользко ходить.

Народу прибавлялось. На наше развлечение пришли посмотреть все соседи, живущие недалеко от реки. И взрослые, и малыши с интересом наблюдали, как мы, по очереди, садились в санки, а другие дети по два, три человека раскручивали эту самодельную карусель. Скорость была такая, что санки просто летали над ледяной рекой. Какой же это был восторг! Ведь каруселей мы отродясь не видели. А потом стали подходить любопытные зрители и с других улиц, чтоб увидеть наш аттракцион.

Смех и визг стояли на реке до темноты. Радость и счастье просто переполняли нас.

Домой мы вернулись уставшие, покрасневшие, под впечатлением от восхитительного праздника.

Сколько прошло лет, но, когда наступает зима, я, глядя на замёрзшую реку, до сих пор вспоминаю с ностальгией и теплотой нашу весёлую карусель на льду.

РАДОСТНЫЕ СОБЫТИЯ

Это происходит каждую весну. И всё равно я жду с особым нетерпением и трепетом повторения этих событий.

Из окна кухни хорошо видны заросли китайского лимонника. Когда он начинает цвести, то даже от лёгкого дуновения ветерка разносится божественный аромат, гармонично соединяющий запахи лимона и ландыша.

В это время прилетает парочка коноплянок. Они начинают исследовать китайский лимонник, находят самое удобное для себя место. И я вижу, как быстро и умело птички строят себе гнёздышко.

На улице тепло, и окно в кухне у меня приоткрыто постоянно. Сколько радости я слышу в щебетании этих птичек во время строительства их жилища! Я думаю, что не мешало бы людям поучиться у них неуёмному трудолюбию, заботе друг о друге, верности.

Через несколько дней я наблюдаю, как самочка тихо и терпеливо сидит в гнёздышке, а самец, трепеща, кормит её из клюва.

Чтобы в этом укромном уголке никто бы из детей не смог потревожить эти милые, беззащитные существа, я устраиваю преграды в виде больших цветочных горшков с петуньями.

Конечно, на самом деле кошка запросто может подобраться к гнезду. Но всё так устроено, что даже когда появляются птенцы, то они не пищат, ожидая корма, а молча открывают клювики. Какие умные птички!

Потом пернатым малышам становится тесно вместе. Я наблюдаю, как они уже рассаживаются на веточках растения, ждут родителей с кормом, знакомятся с окружающим миром, но всё равно ведут себя при этом достаточно осторожно. А вот когда подлетают взрослые птицы, молодёжь их встречает радостным трепетом крылышек и открытыми клювами. Я готова просто бесконечно любоваться такими моментами!

Проходит совсем немного времени, гнездо пустеет, становится тихо. Но уже наливаются, растут ягоды лимонника, а значит, скоро будут новые впечатления. Все увидят, как хороши и ароматны эти диковинные ягоды!

Одно событие сменяется другим. Пролетит осень, пройдёт зима. А весной я снова у открытого окна буду встречать моих маленьких пернатых друзей. И они мне, сами не ведая того, подарят столько счастья и тепла, что этого хватит на всю долгую, морозную зиму, до следующей встречи!

СОЛНЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Хорошо, когда в детстве и когда уже взрослеешь – у тебя есть бабушка и дедушка, ну или хотя бы кто-нибудь из них. Они всегда и встретят тебя, и обнимут, и постараются накормить или угостить чем-нибудь вкусным. Здесь тебе будут рады, у них ты – самый любимый ребёнок!

Я с самых малых лет так думала о бабушках и дедушках, может ещё и потому, что у меня их не было. А мне так этого хотелось... И я иногда с подружкой бегала в гости к пожилым соседям. Там бабушка учила нас вязать крючком, очень интересно рассказывала о чём-нибудь из своей жизни, а потом угощала нас сладкой лапшой и чаем с печеньем. Но часто мы не могли её беспокоить, так как здоровье у бабушки было слабое.

Но я ещё навсегда из своего детства запомнила одного дедушку, который приходил в наш шумный двор, именно к нам в гости. И ходил он из другого села, которое было на противоположном берегу реки. Путь его был совсем неблизким.

Когда этот удивительный человек бывал у нас, меня переполняли гордость и радость оттого, что дедушка приходил именно к нам. Он приносил в двухлитровом алюминиевом бидоне молоко, отдавал маме и говорил, что это его жена «передала свеженького для вашей Танюшки», а потом доставал из кармана носовой платок, где всегда для меня были припрятаны бублики, или конфетка, или печенье.

В эти минуты я была самым счастливым на свете человеком! Я чувствовала себя любимой внучкой, и у меня, как у всех, был настоящий дедушка!

Потом он неторопливо разговаривал с мамой, расспрашивал её обо всём, рассказывал о том, какая у них уродилась картошка, сколько заготовили сена. А во время разговора обнимал меня, гладил по голове, хвалил за то, что я подросла, пока его не было.

Моя мама хорошо знала его жену, так как они вместе работали, пока та не вышла на пенсию. Но и потом они продолжали встречаться и помогать друг другу.

Мама угощала дедушку чаем с пирогами. И так много было солнца у нас в доме в этот час! А как необыкновенно он улыбался! Его лицо будто светилось в эти минуты. И мне хотелось, чтоб эта встреча не заканчивалась, длилась бесконечно...

А потом дедушка собирался уходить, договаривался, когда снова сможет прийти, и звал меня: «Танюшка, пойдём, проводишь меня через двор».

Пока мы шли, он держал меня за ручку, а всех встречных взрослых весело приветствовал. Ходил он в кепке и, поравнявшись с кем-нибудь, улыбаясь, слегка кланялся, придерживая козырёк.

Таким он и остался у меня в памяти – добрым и светлым дедушкой. Самым солнечным человеком из моего детства.

ДОРОГИЕ ЛЮДИ

Так сложилось, что моих родителей уже давно нет на свете, и для меня ими стали родители моего мужа. Вся их жизнь – это постоянная забота о детях, внуках и уже о правнуках.

Бывает, бабушка и дедушка ссорятся. Бабушка что-то доказывает, а дедушка не уступает ей. Потом обижаются друг на друга, не разговаривают.

Уже через некоторое время бабушка зовёт: «Деда, иди есть! Я тебе омлет приготовила». Дедушка откликается, спешит на кухню. И размолвки как не бывало.

Совсем нельзя представить ни дня, чтоб дедушка сидел просто так. Он постоянно во дворе что-то подделывает, подпиливает, подстраивает, стучит молотком, подметает.

А когда бабушка печёт пироги, то невозможно находиться рядом у дома. Ароматы разносятся на пол-улицы.

Бывает, иногда наблюдаем: сидят бабушка и дедушка во дворе на старом диванчике рядом, о чём-то разговаривают, греются на солнышке. И, глядя на них, чувствуешь, как сжимается всё в груди оттого, что ближе и дороже этих людей никого нет на белом свете.

Ссорьтесь, обижайтесь друг на друга, миритесь, только живите, будьте рядом с нами! Нам надо знать, что вы – есть! И пока вы живы, мы будем чувствовать себя детьми, и с нами будут, как талисман, оберег, благословение, ваши любовь, мудрость и защита.

СЛАДКАЯ МЕЛОДИЯ

За окном раннее июньское утро. Тихо. Хотя всю ночь окно было открыто, в комнате очень душно. Я проснулась, но встать не спешила.

Больше двух недель на улице стояла жара за тридцать градусов. Благодарь была только для отдыхающих на речке. Днём раскалённые улицы пустели, народ прятался от зноя в своих домах.

Я лежала и думала: «Неужели и сегодня будет продолжение этого изнуряющего пекла? Опять надо поливать, растениям тоже тяжело переносить такой зной».

Но тут вдруг я услышала редкие звуки падающих капель. Этот шелест потихоньку усиливался. Я поднялась, подошла к окну, всматриваясь в небо. Старалась еле дышать, боясь спугнуть радостное звучание. Природа медленно выходила из оцепенения, словно не веря в приближающиеся добрые перемены...

Я ходила по дому, настезь открывая во всех комнатах окна. Потянуло долгожданной свежестью. И тут вдруг дождь спустился с такой силой, что железная крыша загрохотала.

Дождь то затихал, то усиливался. Каждый лист на дереве, каждая травинка трепетали, жадно наполняясь живительной влагой. Смолкли лягушки в речном затоне, притихли птицы.

Я не стала включать телевизор, ничего не хотелось слышать, кроме шума дождя. А он всё сильнее барабанил по крыше. И какая это была сладкая мелодия!

ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА!

Такая долгая была в этом году зима... Некоторые сугробы стояли, как ледяные монолиты, и таяли очень медленно, почти незаметно. Только к концу марта зима стала сдавать свои позиции: ночью и по утрам было ещё довольно холодно, а вот днём по переулку всюду журчал весёлый, шумный ручей.

Таким вот мартовским утром я прохаживалась по двору, размышляя: «Ну, вот приходит новый день со своими хлопотами, заботами, необходимостью выполнять повседневные дела. Будет ли он каким-то особенным или же повторит предыдущие дни, похожие друг на друга своей монотонностью?»

И тут я услышала какие-то приближающиеся звуки, почувствовала еле ощутимое движение. Посмотрев по сторонам и ничего не увидев, я машинально подняла голову и обомлела: высоко в небе летел большой клин гусей. Птиц было так много, что в один ряд они не помещались, а летели несколькими рядами. Я насчитала их шесть или семь. Их голоса становились всё громче и отчётливей.

От радости у меня в глазах появились слёзы, я им помахала рукой и прошептала: «Милые мои, хорошие, летите, летите домой! Спасибо за то, что вы вернулись! Я знаю, что теперь всё изменится к лучшему».

Меня вдруг заполнила такая нежность, такое глубокое ощущение чего-то необыкновенного, яркого, чудесного! Внутри меня произошёл такой мощный подъём жизненных сил, что тут же захотелось взбежать на пригорок, стать лицом к ветру, раскинуть руки. И тогда, кажется, можно представить, что ты взлетаешь. Хочется закричать от радости, обнять всех своих самых близких и дорогих людей, поделиться с ними этими чувствами. И весь мир в это мгновение наполняется теплотой и любовью. Ты вдруг осознаёшь, что жизнь прекрасна здесь и сейчас и во всех своих проявлениях!

Хочется продлить эти мгновения, продлить ощущения радости и восхищения!

Максим КУКОБА

Автор книги стихотворений «Сегодняшнее завтра». Занимается в литературной студии «Творческий фонарь». Живёт в Старом Осколе.

***

Не ночь, а так – пятно в тетрадь
небес, растёкшаяся клякса.
Минута, чтобы умирать
за то, что стоит меньше бакса.

Мгновенье, чтобы замолчать
на слове, сказанном не к месту,
и, чуть помявшись, разбухать,
подобно маминому тесту.

Зевнуть, налить стакан воды –
на утро. В полночь – что покрепче.
Ночь салит нас – идём водить.
Ночь водит – прячемся и блещем.

И не понятно, что к чему:
игра проста, законы те же,
но, знаешь, взрослому уму
ребячья мысль даётся реже.

Затем и пачкаем тетрадь
небес, где сами мы – как клякса,
что, почернев, идёт играть
на жизнь, не стоящую бакса.

***

Я – твой мишка плюшевый
в зипке оверсайзовой.
Запах мятно-грушевый
от тебя. Завязывай.

Сумочка с висюльками.
Маникюр со смайликом.
День – с тупыми суками.
Ночь – с пушистым мальчиком.

Детка, белоснежная,
глянь – глаза как бусинки
стали. Разве прежде мы
этого не трусили?

Капельки солёные –
на белки застывшие.
Ни к чему не склонные.
Ко всему затихшие.

Полночь – со снежинками.
Ночь – с медведем плюшевым.
Шёпот вместе с криками.
О, малютка, лучше бы

нас с тобою не было.
Не совсем, а рядышком.
Ты б умчалась в небо, но
я б остался катышком

на зипхуди плюшевой,
зипке оверсайзовой –
прикасаюсь к лучшему,
говоря: «Завязывай...»

***

Я плевал на глагольные рифмы.
Этот стих далеко не о них.
Этот стих не для публик, believe me.
Я пишу этот стих для двоих.

Никаких золотых описаний,
Объяснений, надежд – ничего,
Кроме нежных вишнёвых касаний
И воздушного сна твоего.

Вещи на пол (к чему нам комоды).
Ты питаешься мною взаимно.
Я не создан для всяческой моды,
Но, мне кажется – созданы мы.

Третьи сутки к нам ломится ливень.
Прогнозисты всё чертят, следят.
Но каких ни вычерчивай линий –
Это наши с ней три дня дождя.

Ты – мой мир, мои утро и вечер.
Хоть и Бог нас для ночи сваял.
Как ни дружен с фигурой я речи,
Всё же больше по вкусу твоя.

Посмотри – все патроны в покое.
Я живой. Ни слезы на Неве.
Мне гадали на картах иное,
Но не знали, что ты в рукаве.

«Я люблю тебя...» Правда? Не знаю.
Верить хочется. Верю. Курю.
Шаг до ада. Два шага до рая.
Ты сильнее, чем тысячи Ру.

«Я люблю тебя...» Правда? Не знаю.
С этим словом – все мысли к нулю.
«Ну а ты меня? Ты меня, зая?»
Ну а я тебя – правда – люблю.

***

Мы играем, и нами играют.
Жалко, в разные игры порой.
Кто-то ставит, шагая по краю.
Кто-то всё забирает с лихвой,

И домой, будто не было ставок.
Будто чёрная кошка прошла,
Не убив, а пожертвовав навык –
Убивать, превращая в дуршлаг

Чьё-то сердце. А знаешь, куда нам
Говорить о сердцах, вообще?
Ведь в вопросе, природою данном,
Слишком много неясных вещей.

Нам, как в детстве бы, листик – на вавку.
Я влюблён. И к чему тут молчать?
Дай мне сделать последнюю ставку.
Я попробую всё отыграть.

Дмитрий МИНЕНКОВ

Окончил Курский ГМУ по специальности лечебное дело. Работает терапевтом в Старооскольской больнице Св. Луки Крымского. Является членом литературной студии «Творческий фонарь» при БРО ООО СПР. Автор сборников рассказов «Пятая комната» и «Новый день». Публиковался в альманахах «Светоч», «Пять стихий» и др. Финалист Всероссийского конкурса «Мицри».

ПО ТУ СТОРОНУ РЕКИ

– О, неужто сам Гермес решил почтить нас своим присутствием! – приветливо оскалился Харон, правя лодку к берегу. – С кем на этот раз?

– Парменион, странствующий поэт и философ, – представил Гермес любопытно озирающуюся по сторонам тень крепкого мужчины.

– И чем же он так угодил богам, что удостоился твоего сопровождения?

– Нёс людям учение о справедливом устройстве Аида, в котором достойно жившим на земле не стоит бояться тёмных глубин Тартара, ибо им уготовано место в безмятежном Элизиуме.

– Хмм... Элизиум... и слово-то какое интересное. Будем надеяться, что его ожидает то, во что он верил.

– Так, вы трое, – Харон торопливо указал веслом на группку теней, стоявших поодаль от берега, – приготовьте монеты и залезайте в лодку.

Те поспешили к перевозчику, протягивая ему тускло поблёскивающие серебряники.

– Парменион! – прикрикнул Харон на внимательно наблюдавшего за робкой процессией философа. – Ты здесь собираешься остаться? Давай обол и садись скорее в лодку, мы и так задержались.

Парменион беспомощно развёл руками и, ища заступления, умоляюще посмотрел на стоящего подле Гермеса.

– Что?! Нет обола?! – расвирепел Харон. – Хорошо же ты изучил устройство подземного мира! Счёл себя таким великим, что решил, будто явишься сюда и сможешь наплевать на вековые обычаи?!

В гневе он замахнулся веслом на дрожащую в страхе тень, но Гермес жестом остановил его.

– Успокойся, Харон. Мы же давно знаем друг друга. Парменион был хорошим человеком, поверь мне. Давай сделаем исключения для его доброй души.

- Нет! Без обола он останется на этом берегу!
- Зачем тебе эти бесполезные монеты, безумец?! – выйдя из себя, воскликнул Гермес. – Ты даже не сможешь их потратить!
- Не мною это было заведено... – устало бросил Харон, отплывая от берега.

***

Харон причалил и небрежно указал теням на дремавшего неподалёку Цербера:

- Спокойно проходите мимо, он вам не навредит, а там вас будут ждать.
- Сам же он сошёл на берег и торопливо спустился по крутому склону в каменный овраг, где за угловатым валуном хранил свои скорбные сокровища. С трудом сдвинув тяжёлый камень, Харон, озираясь, ссыпал несколько серебряных поверх других монет, наполнявших широкую трещину в горных породах.
- И вдруг овраг наполнился жутким смехом налетевших со всех сторон эриний.
- Разбогател на несчастных душах и доволен!
  - Неужто решил купить новую лодку или жадность всё ещё не позволяет?!
  - Нет, этот жалкий старикашка хочет себе трон как у самого Аида!
  - Смейтесь, ненавистницы, – лишь бросил привыкший к издевательствам эриний Харон, – скоро это утратит для меня всякое значение.

***

– Гермес! Гермес! – кричал окружённый недоумевающими тенями лодочник.

Едва уловимый ветерок пронёсся в извечно неподвижном и тяжёлом воздухе Аида, и Гермес впорхнул под тёмные своды подземного царства.

- Что случилось?! Что-то важное? Или ты опять решил отчитать меня за какую-нибудь нерадивую душу, явившуюся к тебе без обола?
- Нет, мне нужна твоя помощь.
- Да? Говори же скорее.
- Ты вестник богов и знаешь их лучше любого. Упроси Гефеста изготовить для меня мост через Стикс.
- Ты обезумел! Где взять ему столько крепкого металла, что выдержит бурные потоки Стикса? И как переправить опоры с Олимпа сюда? Прости, но...
- Послушай, у меня вдоволь драгоценного металла. На том берегу весь овраг заполнен серебряными монетами, которые я собирал с теней всё это время, их можно переплавить в опоры для моста.
- Ха, ты всё продумал! И я бы с радостью тебе помог. Но даже спусти Гефест части моста ко входу в Аид, никто бы не решился заносить их сюда и уж тем более ставить опоры, стоя в печальных водах Стикса. Боги страшатся здешних мест не меньше смертных, и ты это прекрасно знаешь. Мне же не под силу возводить конструкции, что создал бог-кузнец. Я не могу тебе помочь.

– Гермес...

Но олимпийский вестник улетел, оставив лодочника посреди его печали и скорби тех, кому не суждено было покинуть этот берег.

Тогда разгневанный Харон отправился в пустой лодке к своим сокровищам в горных разломах. Он вытащил лодку на берег и, не жалея, поволок по острому валунам в овраг. Там жилистыми руками он загребал горсти монет и доверху наполнял жертвами живых своё потрёпанное судно, больше не желая оставаться в долгу у мёртвых.

Он возвращался к берегу, толкая лодку, полную оболов, впереди себя, и высыпал монеты в Стикс, сужая раз за разом её русло, пока до берега с теньями не осталось всего пары шагов. Как ни пытался лодочник, но эту узкую прореху в серебряной плотине, что шла наперекор водам унынья и печали, засыпать он не мог. Стикс собирался в поток невероятной силы и размывал любые преграды на своём пути.

Харон стал подзывать тени умерших, чтоб те прыжком перебирались на плотину и шли по ней туда, где так давно мечтали оказаться. Но страх быть смытыми свирепыми потоками реки вынуждал тени остановиться и сквозь слёзы смотреть в лицо бессильного Харона.

Берег кишел несчастными теньями, все они жаждали скорее узнать свою загробную судьбу, что ждёт их за рекой. И переправой для них стал сам Харон.

Он закопался по колено в серебро и уцепился пальцами за скалистый берег, вытянув в струну своё худое жилистое тело. И толпы теней тут же устремились по костям Харона на груды отданных их предшественниками жертв.

Под тысячами ног тело Харона прогнулось, и голова, не выдержав, склонилась в воды Стикса.

И стало ему так горько и нестерпимо пусто, что от отчаяния утратил он сознание, но даже будучи в беспомощности ещё сильнее стиснул край скалы.

Столь долго томившиеся в ожидании души теперь бежали нескончаемым потоком, и только Парменион, не зная, как помочь Харону, стоял поодаль на берегу, с ужасом взирая на его мученья.

Заметив жуткие страдания Харона, которые тот ничем не заслужил, эринии, всё знавшие о замысле с мостом, может, впервые за своё существование, сжалились и возопили к вестнику богов:

– Гермес! Скажи Гефесту, пусть куёт опоры – в сокровищницах лодочника ещё полно монет. Как только части переправы будут у преддверия Аида, мы сами заберём их и воздвигнем мост.

***

Когда Харон очнулся, подле него уже сияло олимпийским блеском детище Гефеста, эринии кружили над серебряным мостом, Гермес же, стоя рядом, наблюдал, как тени, не задерживаясь, покидают берег.

– Ты сделал великое дело, Харон.

– В этом нет моей заслуги, я лишь следовал Его замыслу. Он знал, что всё закончится именно так, ещё когда обязал меня брать плату за переправу. А я ... сделал то, что было мне предуготовано. Гермес, не мог бы ты помочь мне ещё один, последний, раз?

– Слушаю.

– Принеси мне сверху девять кусков отборной говядины. У меня должно быть припрятано ещё немного монет.

– Не стоит, я скоро вернусь. – И Гермес тотчас исчез лёгким дуновением ветра.

– Я поражён твоим подвигом, этой великой жертвой, – раздался знакомый голос позади Харона.

Это был Парменион – единственная тень, оставшаяся по эту сторону Стикса после возведения моста.

– Почему ты не ушёл вместе с остальными?

– После того, что я увидел, мне незачем идти дальше: то, для чего я жил и умер, случилось здесь. И теперь всё, чего бы я хотел, это стать хоть немного сопричастным произошедшему на этом берегу.

– Хорошо. Оставайся здесь. Тебе всегда будет чем заняться. Встречай тени, говори с ними, убедись, что они готовы. А если случилось так, что тень не готова идти дальше, возвращай душу обратно на землю, пусть доживает своё.

– А что же теперь будет с тобой?

– В моей работе больше нет нужды, я ухожу на покой.

Как всегда неожиданно появившийся Гермес протянул Харону свёрток с говядиной.

– Держи скорее, а я полетел – у олимпийцев назревают какие-то проблемы, может, ещё успею им помочь.

– Прощай, Гермес!

– Ещё увидимся.

– Вряд ли...

Харон устало побрёл по мосту среди других теней, на ходу снимая своё рубище, пропитанное водами многовековых горестей человечества. Выбросив изорванное тряпье в Стикс, Харон направился к тому, кто, как и он, был столь же долго жесток не по своей воле.

– Пойдём, больше мы здесь не нужны, – сказал Харон, угощая Цербера мясом и уводя вслед за собой к прозрачному истоку Леты.

Чистая вода подарила двум неусыпным стражам долгожданный покой. Они забрались поглубже в заросли асфодели, и Харон задремал, уткнувшись в мохнатый бок уснувшего Цербера.

СМЕРТИ НЕТ

– ...Я вам так скажу, ребята. В этих вот существах... бражниках, да... великая тайна скрыта. Огромное значение эти Божьи создания имеют.

Виталик выглянул из-под капота. Посмотрел на странного мужика, протягивавшего в его сторону грязную ладонь в дырявой перчатке, на которой умиротворённо сидела крупная пёстро-коричневая бабочка.

Следом из машины показался Паша. Незнакомец дружелюбно поприветствовал его чумазой улыбкой и продемонстрировал насекомое.

– Виталь?! – обеспокоенно позвал товарища Паша.

– Ау... – отозвался Виталик.

– Что происходит?

Незнакомец не спешил продолжать рассказ, видимо, дожидаясь пока так называемые «ребята» оставят свои пустые заботы и как следует рассмотрят бражника.

«Ребятам», к слову, было глубоко за сорок, и они уже около шести часов возились со старенькой «Волгой», которую угораздило заглохнуть прямо посреди оживлённой магистрали. Машина досталась Виталику по наследству и стояла без дела, пока Пашка не предложил перегнать раритет к себе в гараж, немного подлатать и сплавить любителям винтажных авто. Но оказалось, что её ходу хватило ровно на треть пути. И теперь, кое-как дотолкав эту колёсную баржу к бордюру, друзья силились снова вдохнуть в неё жизнь. Увы, безуспешно.

– Не расстраивайтесь. Смерти нет! – ошарашил наконец товарищей чудак и подкинул бражника над головой.

Насекомое резво скрылось, оставив мужчин наедине.

Паша как-то разнервничался и стал протирать очки засаленным рукавом спецовки.

– Чего делать будем? – тревожно спросил он.

– Хе-х, послушаем, – Виталик сдвинул на затылок потрёпанную красную кепку с логотипом «Ferrari», аккуратно хлопнул крышкой и устало присел на белоснежный капот.

На дворе стояла тёплая осенняя погода, но чудак уже был готов к грядущим холодам. Бродяга нацепил стёганую куртку поверх истасканного дерматинового плаща. На его голове красовалось некое подобие тюрбана, а шея была закутана в бесформенный выгоревший на солнце платок, от чего старик был похож на разорившегося караванщика из арабских сказок.

Мысль о восточных преданиях немного успокоила Пашу, и он решился спросить:

– А что за тайна? Расскажешь или нет?

– Конечно, – бродяга подошёл к ним ближе, освободив тротуар для озирающихся на него прохожих.

– Не томи, отец, – Виталик зевнул, – тут дел невпроворот, – он ласково постучал по капоту отцовской машины.

– Да ты не грусти, нету смерти, обман всё это. А бражники – они тому живое свидетельство.

– М-мммм, – протянул Паша.

– Они из праха были созданы нам для напоминания... Только люди всё равно забыли. А бражники так и рождаются из праха, летают себе, резвятся и потом снова в прах обращаются, чтобы опять из него возродиться. И так испокон веков было, чтобы смотрели на это чудо и помнили... да только глядим, а видеть перестали.

Бродяга махнул рукой и тихонько всхлипнул.

Паша поёжился. Ему стало как-то не по себе. То ли от жалости к безумному старику, то ли от незаметно прокравшейся в город вечерней прохлады.

Виталик насупился:

– Слушай, отец... ты зла не держи, иди своей дорогой с господцем. Нам ещё машину надо завести до темноты.

Старик по-детски искренне улыбнулся:

– Да, ребятки, пора мне. А с машиной не мучайтесь, она больше не заведётся. Только зеркала, как будете уходить, завесьте, примета такая.

Виталик хотел было возразить дурным прогнозам, но бродяга уже отвернулся и беззаботно поплёлся вдоль улицы.

– Ну и жук... – процедил Виталик, поднимая крышку капота. Слова чудака о машине он воспринял как личное оскорбление.

***

Два часа как стемнело. Паша сказал, что надо заканчивать, ссылаясь на то, что с одним фонарём в темноте делать нечего, да и к тому же завтра с утра на работу.

Скрепя сердце Виталик согласился и ушёл в ближайший ларёк за утешительным кофе.

Паша закрыл машину и уже хотел выдвигаться вслед за другом, когда ему послышались странные звуки из салона.

Он открыл дверь, чтобы на всякий случай ещё раз всё как следует перепроверить. И вдруг из машины вылетели несколько больших бражников и, натыкаясь на испуганного Пашу, полетели на зов ночных фонарей.

Бледный Паша, не помня себя от страха, завесил зеркала заднего вида попавшимися под руку тряпками, наскоро перекрестился и быстрым шагом отправился навстречу Виталику, чтобы сесть в автобус и, потягивая горячий кофе, болтать о чём угодно, лишь бы не вспоминать о чудаковатом бродяге и его бессмертных бражниках.

Эльвира МИНЕНКОВА

Окончила Курский ГМУ по специальности лечебное дело. Работает терапевтом в Старооскольской больнице Св. Луки Крымского. Является членом литературной студии «Творческий фонарь» при БРО ООО СПР. Публиковалась в альманахах «Светоч», «Пять стихий» и др. Финалист Всероссийского конкурса «Мицери». Автор призового сборника стихотворений «Море волнуется раз» как победитель VI регионального фестиваля молодых дарований ЛитАртФест «ЛАФ».

***

Они укрывались медвежьими шкурами,
Спали голыми,
Ели голыми,
Брили головы.

Их мать была громом, отец был спорами,
Огонь – иконою,
Смех – иконою,
Смерть – иконою.

Мир их был чёрным, покрытым копотью,
Тела их красными,
Губы – красными,
Слёзы – красными.

Земля стала лавой под звук их топота,
И день стал праздником,
Ночи – праздником,
Жизни – праздником.
Я смотрю на людей свысока-высока,
Так, что видно лишь мелкие точки.
Плечи мне – пики гор, эвкалипты – рука,
А лишайники – кожи кусочки.

Я вплетаю себе асфодель-асфодель
В непослушные косы-лианы,
Опускаюсь в покрытую мхами постель,
И со мной говорят великаны:

Шелест крон, грохот бурь, города-города –
Все шумят на своём и о разном,
И лишь только бурлящая в реках вода
Во всём мире поёт на абхазском.

***

Ты не таешь.
Как камень, холодная.
И даже весна-дурочка в тебя не вдыхает силы –
Ты слишком красивая (красивее, чем она).
Ты лежишь
Вся белая,
В белом.
На белом,
В руках маки красные –
так контрастно.
Ты спокойна, остальные кажутся грубыми –
Тянут ко лбу твоему губы свои
И зачем-то
пытаются
разбудить.

***

У меня от тебя голова болит,
Я курю. В твои лёгкие въелся дым.
Я рисую из окон туманный вид
И задумчиво-серый осенний Крым.
Там вдали – горизонтная полоса,
У меня снова кашель, наверно, грипп.
На холсте – осень с лентою в волосах
Среди дремлющих елей и голых лип.
Море мрачно качает янтарный шар,
Новый Свет погружается в царство сна.
Я цвету изнутри, значит, я не стар,
А с тобой всегда на душе весна.

***

Мы иссохли, иссякли, до дна были кем-то
выпиты,
Всех себя отдавая, остались в итоге ни с чем,
Мы – уставшие дети, мы – чьи-то чужие
родители,
Мы – источник проблемы, который бежит
от проблем,
Стойкий запах лаванды, меж простынями
сложенный,
Сделка с дьяволом, проповедь, вся мировая
суть.
Это наша девятая жизнь – предыдущие
прожиты,
Но
Я отдам её только за то, чтоб к тебе
прильнуть.

Лис

Я бегу. И меня окружает лес.
Стая псов догоняет и дышит в хвост.
Я один, явно численный недовес.
Я бегу! Этот выбор чертовски прост.
Я бегу. Не туда, где так ждут в норе
Пара рыжих носов, твой пушистый мех.
Но я помню, а значит, бегу быстрее.
Я бегу! Ради вас я проворней всех!
Я бегу. Впереди мишура реки.
Тростника янтарно-зелёный цвет.
Точно эхо, их лай, и близки шаги.
Я лежу на траве... Меня больше нет.

Анжелика ОСТРОВСКАЯ

Родилась, живёт и учится в п. Прохоровка Белгородской области. Начала писать с семи лет. Сотрудничала с районной газетой «Истоки». Серьёзная публикация была в литературном издании «Футарк».

ЭЛЕКТРИЧКА

Катаюсь каждую неделю из Прохоровки в Белгород, я редко встречаю попутчиков, а если и встречаю, неохотно поддерживаю разговор.

Электричка для меня – провожатый из страны действительности в мир грёз. Смотря в окно, я всегда размышляю о будущем, и лишние уши и глаза тут ни к чему.

Сегодня, стоя на вокзале и в очередной раз ожидая электричку, я перебирала в памяти всё накопившееся за последние дни. До прибытия поезда оставалось всего несколько минут. Словно по чьей-то указке я обернулась.

Ко мне подошла моя учительница по ИЗО. Настроение испортилось, хотелось хотя бы час побыть наедине с мыслями.

Серая меховая шапка и такое же серое длинное пальто, лицо в бледных веснушках, которое у меня никогда не вызывало доверия.

Остановившись подле меня, она сразу начала о чём-то рассказывать. Я слушала её краем уха и лишь иногда поддакивала и кивала, как бы давая понять, что не настроена общаться.

Мы зашли в вагон. Я всё ещё надеялась, что смогу поехать одна, но волей судьбы ноги сами свернули к соседнему с ней месту.

Она разговаривала со мной о школе и учителях, об уроках. Голос был настолько тихим, что половины слов я просто не слышала. Потом учительница как-то резко переключилась. Она рассказала о том, как совсем недавно защитила диплом. Глаза её сладостно загорались при рассказе о вузовских буднях среди юных студентов, хотя её возраст был далеко не студенческим. Речь лилась из неё столь бурным потоком, что она не давала мне вставить даже слово. Потом она рассказывала о своих собственных детях и показывала фотографии крохотной внучки. Маленьких «человеков» я не очень люблю, но для

приличия улыбнулась. Под конец поездки она совсем раззадорилась и стала шумно рассказывать, попутно бурно жестикулируя руками, о белых котках, которые «вот так» пьют молоко и, когда хотят выйти на улицу, говорят «нау».

Мы вышли из вагона. Уже не помню, чем закончилась беседа, но явно не о котках. Когда прошли пункт досмотра на вокзале, она почему-то сказала:

– Ты мне словно двоюродная дочка, – и взяла мою руку.

Потом довела меня до тринадцатого автобуса, крепко обняла, попрощалась и попросила написать СМС, когда доберусь до квартиры.

Когда я села на место у окна, ее маленькая темная фигурка уже скрылась, и музыка из наушников заполонила мою голову. Но сейчас уединение почему-то не радовало.

БРУКЛИНСКАЯ НОЧЬ

Тони вместе с отцом уже несколько часов трясся в маленькой и воняющей бензином красной машине. Сколько они уже едут? Море и пальмы проносятся за окном. Ветер бьёт Тони по лицу, врываясь в открытое окно.

Они с отцом уезжают куда-то далеко. Но куда? Туда, где не будет войны. По ночам Тони до сих пор плачет, а ещё до ужаса пугается громких звуков.

Машина то и дело застревала в глубоких бороздах и колеях, проделанных танками. В таких ситуациях отец выходил наружу, выкуривал одну, а иногда и две сигареты, потом наваливался всей грудью на красную рухлядь, а Тони садился за руль и давил на педаль газа.

Вскоре они выехали на грунтовку. Тут, конечно, тоже были и борозды, и ямы, но выбраться из них труда не составляло. Рядом с пустой автомобильной трассой лежали железнодорожные пути. А море всё не кончалось, и лишь его хвост уходил густой фиолетовой массой за горизонт.

Война – ужасное время. Тони и его отец оставили всё и сбежали, спасая жизни. Дом, воспоминания, друзей и могилу матери – всё оставили в городке Блэра. Тони не надеялся ещё хоть раз увидеться с приятелями

Отец был слеп на правый глаз и почти полностью глух, поэтому от военной службы его отстранили. После того обстрела, где он получил все эти травмы, начал курить. Когда он брал в руки сигарету, взгляд его устремлялся далеко в небо, и он долго-долго смотрел на ярко палящее солнце. Он всегда говорил Тони, что просто хочет увидеть птиц. Но мальчик знал, что отцу в эти минуты было особенно не по себе. Все устали от войны. Тони подходил к нему и тяжело вздыхал.

– Чего только не творят, выродки, Господи... – говорил мужчина, выпущенная сигаретный дым. – А ты чего скис?

– Сам-то...

– Сам-то – сам-то. Заладил. Садись в машину. Поедем дальше...

ГУЛ РЕК

Бурная река шумно пробегает меж острых камней, нежно обнимая серые груды. Куда и зачем стремится этот быстрый поток? Никто не знает. Да и зачем это знать?

Крошечные травинки тянутся к небу, стараясь ухватиться за убегающий лучик солнца. Белые цветы, разбросавшие изящные ветви по поляне, поворачивают головы к теплу. Как подует ветер, среди зелёного общежития начинается многоголосая болтовня. И длится эта беседа так долго, сколько потоки свежего воздуха обдувают нежные стебельки.

Ели, разросшиеся по всему зелёному лугу, мирно покачиваются. Могучие стволы старых деревьев скрипят, прорезая ветер жутковатым гулом.

– Чудесное солнце! Чудесное солнце! – весело посвистывают молодые стройные ёлочки.

Тёмно-серые горы гордо возвышались над туманом, обнажая поросшие елями бока. Облака нежно касались их острых вершин, словно играя. Горы молчали, лишь прислушивались к журчанию реки. Живой поток так весело бежал у подножия, что хотелось подпевать этому сладостному голоску.

Листья, напуганные ветром, слетали с деревьев. Они с удовольствием слушали речную песнь, оживляющую всё вокруг.

ПОРТРЕТ БЕГЛОЙ ЭЛРОНД

Ах! Как прекрасны её русые волосы, что спадают аккуратными прядями на изящные плечи. Лицо всегда серьёзно, но сейчас оно так лучисто и ярко улыбается, что сердце замирает в груди... А какие тёмно-серые глаза! При первой встрече они показались карими или вовсе чёрными. Изящные движения, что производит её тело во время танца, заставляют сердце учащённо биться. Мы сели в мягкие кресла. Вокруг сновали толпы людей, что пришли повеселиться, а я не мог отвести глаз от моей прекрасной Элронд. Любое движение нежных рук или ярко-розовых губ заставляло учащённо биться моё сердце. Ах, милая, милая Элронд, сердце моё пропитано искренней любовью к тебе!

Ты прижимаешься ко мне, как котёнок, и тихо напеваешь любимую песню. Нотки твоего прекрасного голоса ласкают слух. Я осторожно касаюсь милых плеч, а затем ладонь сама тянется к розовой щеке. Нежная кожа столь приятна, словно трогаю бархат. Аккуратно нарисованные стрелки подчёркивают загадочный взгляд прекрасных глаз. Что же ты таишь внутри, милая Элронд? Почему не раскрываешь до конца столь удивительную душу?

Наши взгляды встречаются, и аккуратные розовые губки растягиваются в милую улыбку. Ах, Элронд...

Элронд...

***

В сонном царстве уюта домашнего
Я люблю перечитывать Блока.
Не забытого, не вчерашнего
И до боли совсем одинокого.

Если б в те года полутёмные
Жил я рядом с Поэтом тоскующим,
Кем бы был тогда? Недотёпою,
Что погнался за прошлым и будущим.

Но окончен бал, свеч погашенных
Собралось на Руси слишком много...
В сонном царстве уюта домашнего
Я люблю перечитывать Блока.

***

Оттремели весенние грозы
И вернулась осенняя боль.
Подойду, обниму берёзу,
Свою первую вспомню любовь...
Эта боль навсегда со мною,
Этой боли уже не унять...
И прижавшись к берёзе щекою
Я молчу, хоть не в силах молчать.

Антей

Я в землю врастаю руками,
Касаясь земли головой,
Становятся руки корнями
А волосы чёрной травой.

Пulsируют синие жилы
Черпая таинственный сок,
И вновь появляются силы
На самый последний рывок.

Я землю несу сквозь пространство!
Мне больше земля не нужна!
И в вихре безумного танца
Я вижу, как плачет она.

И бездна сияет под нами
Холодной своей синевой...
Становятся руки корнями,
А волосы чёрной травой.

Евгений ТОЛМАЧЁВ

Выпускник НИУ БелГУ двух факультетов: журналистики и историко-филологического. Работает корреспондентом департамента информационной политики НИУ «БелГУ».

ХУДОЖНИК

К бабе Мане приехали сыновья – Михаил и Пётр. Бывший шофёр и бывший шахтёр. Разные профессии, разные судьбы, но было и общее: страсть к рыбалке и... водочке. Правда, в разных степенях. Если Михаила из-за пристрастия к злодейке бросила жена, хотя и жил с ней в одном доме, но с разными входами, да к тому же турнули с работы за год до пенсии, то Пётр зацепился за жизнь крепко – образцовый семьянин, лет тридцать проработал горным мастером на шахте, заслужил достойную пенсию, пел в хоре ветеранов. Дома пил мало – жену побаивался, но в деревне у матери давал слабину. Другое дело Михаил – отрывался по полной. Об этих «отрываниях» свидетельствовал шрам в пол-лба (врезался по пьяному делу в дверной косяк), о котором он, когда выпивал, рассказывал, что это – «след белогвардейской сабли», да и вся жизненная неустроенность свидетельствовала о пагубном увлечении.

Баба Маня – крепкой породы старушка, широкая в кости, обрадовалась приезду сыновей. На словах осуждала их пристрастие, но в день приезда на кривых толстых ногах поспешила к соседке за самогоном и с радостью несла домой под подолом лукаво булькающую бутылку мутного. Но иногда и у неё терпение заканчивалось.

– Да сколько можно её пить, и пить, и пить, – причитала она.

– Да что ты узнылась, завтра уеду! – хрипло покрикивал похмельный Пётр.

Её старик Николай Терентьич, ушедший из жизни лет пятнадцать назад, по молодости тоже выпивал. Но это не мешало ему работать председателем ревизионной комиссии. Его уважали, просили «списать», угощали, наливали... Универсальная валюта многих столкнула в пучину греха.

Бывало, в воскресенье лежит он на печи – хворает. Баба Маня идёт в погреб за картошкой, ест поедом:

– Что? Ляжишь? Ну ляжи, ляжи... Чтоб тебя черти взяли.

Возвращается с полным ведром:

– Хвораешь? Ну хворай, дюжее хворай!

И так до тех пор, пока Терентьич не слезал с тёплой печки и шёл одеваться.

– Иди, иди, чтоб ты шею ув овраге свярнул! – бубнила Мария Тимофеевна, сидя на скамейке и чистя картошку, со злостью бросая её в эмалированную кастрюлю с водой.

Николай Терентьич накидывал драповое пальто, поправлял кепку, глядел сердито на супругу, играя желваками, и, ничего не сказав, уходил... Шёл огородами. Распаханная земля дышала теплом, ждала семена в нутро для новой жизни. Молодые ветра гнали по небу всклокоченные облака, жидко зеленел за рекой лес. Вечером Николай Терентьич возвращался домой пьяным в дымину – отвёл душу с замом председателя и главным агрономом, затягивая под ядрёный самогон «Тёмную ночь».

Как свернуло за полтинник – резко бросил курить и выпивать, словно клин вошёл в сознание. Ругал сыновей за пьянство. Тогда реже приезжали, но успевали во всём помочь родителям – картошку посадить или выкопать, дом подремонтировать, ворота подправить и прочее по хозяйству. Но как не стало старика – пустились ласкать глотки. Возьмутся за инструмент, а в мыслях звенят стаканы...

– А тебе самой не стыдно? – укорял бабу Маню внук Дима – племянник Михаила и Петра, художник, в июне получил диплом. – Тебя не поймёшь: ноешь, что водку глушат, а сама в подоле носишь им! А потом получается картина «Два поросёнка», и ты, бабушка, её автор...

– Ничё я не ношу! – протестовала обиженная старушка. – Напраслину на бабушку кажешь!

– Да я ж сам видел.

– Ничё ты не видал!

– При дедушке так не пили...

– А что я изделаю, – разводила узловатыми руками баба Маня. – Рази я запрещать им буду!?

– Возьми и запрети!

– Так ездить же не будут...

Дима, махнув рукой, уходил в сад – посидеть на лавочке среди вишен и яблонь, подумать о чём-то своём, глядя вдаль, словно не здесь пребывал... Ему хотелось сделать стоящую работу. Немногочисленные картины были хороши, но душа желала чего-то более возвышенного, сложного. Точно звала куда-то. На молодого художника поглядывал с ветки яблони любопытный воробей.

Когда ехал в деревню, то рисовалась в воображении рыбалка с дядьями, клочья тумана над водой, тихий шёпот камыша, работа по хозяйству, отдых

от городской жизни среди кроткой, прекрасной природы. Однако во дворе его встретила нагло разлёгшаяся под лавочкой опустошённая бутылка водки и посрамлённое разобранное крыльцо. Дядя решили сложить новое, уже кирпич и цемент приготовили, но дали слабину – надумали обмыть начинание. С тем так и не начали.

Дима любил рыбачить с дядей Петром. Он рассказывал интересные истории из жизни, когда на рассвете шли лугом на реку, напевал бархатным баритоном песни:

– Яблони в цвету – како-ое чу-у-удо! Дари-дарам! Яблони в цвету – весны творе-е-ень!

Если начинался дождь, то укрывались в старой, заброшенной церквушке, которая, словно стыдясь утраченной красоты, ссутулившись, белела среди берёзок и ольх недалеко от реки. Дима с детства помнил церковь, отсыревшую, облупившуюся роспись, суровый взгляд Ильи-пророка, ласковый и проникновенный – Богородицы, сильного духом, победившего смерть Христа в вышине и Святую Троицу над ветхим алтарём. Помнил гулкое эхо. Когда утихал дождь, в окна под куполом бил свет, образуя в вышине светящийся крест. В такие минуты Диме казалось, что он жил в глубине веков и расписывал храмы...

По приезде навстречу из дома вышел, пошатываясь, всклокоченный, словно полуоблетевший одуванчик, дядя Пётр.

– Ты погляди на него: как китаец! Вот тебе и рыбалка, – с укоризной сказал отец Димы, который его и привёз в деревню.

– Китайцы-ы-ы, китайцы-ы-ы-ы! – хрипло загудел припухший родственник и добродушно заулыбался.

Он любил Диму, как сына – свой-то, родной, трагически погиб. На заспанном лице краснел рубец от подушки.

В горнице лежал на диване дядя Михаил, бормоча какой-то бред:

– Принесите мне пояс бессмертия, пояс бессмертия мне! Быстро! Пленного врага нужно вести на рас...расстоянии в два метра!

На штaketнике сушилась перина с бурыми кругами...

Накануне обрушился ливень, и свирепствовала гроза. Блеском молнии озарялись окна, словно неподалёку шло сражение. В доме было душно, позванивали на подоконнике рюмки. Баба Маня вздрагивала при каждом раскате и крестилась, твердя:

– Ляжу у святых горах, ангали по боках...

Небольшой старушкин дом среди необъятной беспокойной ночи казался жалким, затерянным среди крошечной тьмы, озаряемой молнией. Сгорел телевизор. Михаил и Пётр спали в забытьи, когда среди ночи молния хлестнула антенну.

– А что ж я таперича буду делать без телевизора? – заблажила баба Маня, глядя на приехавших сына и внука.

На следующий день купили новый. Дима настраивал (искал каналы), а за его спиной, вылупив глаза, сидели ненавистные ему гости бабы Мани: соседка Танька и её тридцатилетняя дочь Надька. Они нигде не работали – обе на третьей группе инвалидности. У Таньки – врождённая патология глаза, а у Надьки – горб. Однако этот изъян не мешал ей гулять с мужиками и делать аборт. При жизни деда к бабе Мане не заходили, а как не стало его, то старушка начала их привечать. И чтобы о ней вдруг не сказали плохо, расплывалась в ласковой улыбке, приглашала в гости.

– Как ты можешь их к себе пускать? – возмутился Дима. – Во-первых, они у тебя деньги воровали из-под перины, а во-вторых, о чём с ними можно разговаривать?!

– Да если никого не пускать, тады люди осудють! – оправдывалась старушка.

Чтобы никто не осудил, баба Маня выходила на улицу, присаживалась на лавочку под сиренью и глядела по сторонам: не выйдет ли кто-нибудь. И если даже подходил местный дурачок по прозвищу Патипоха, то и с ним сердобольная баба Маня находила общие темы для разговора.

– А холодильник есть можно? – спрашивал Патипоха.

– Можно, – улыбаясь, отвечала старушка.

– А корову есть можно?

– А то нельзя?! Можно!

– А хвост?

– И хвост можно.

– А я своего меньшого брата у тюрьму посажу. Чтоб у школу не ходил.

– Да нищё.

Так и беседовали.

Телевизор был настроен, Дима нашёл в меню игру «настольный теннис»: на экране двигались две ракетки – били по шарикам.

– Надь, Надь, гляди – палочки! – восторженно закричала на весь дом Танька. – Гляди, Надь!

– Да я гляжу!

– Гляди!

– Гляжу!

Когда соседки ушли, то рассказали про чудные палочки своему сожителю Никите, обитавшему у них в летнюю пору, чтобы пропалывать, обрабатывать от колорадского жука и копать картошку. На зиму его прогоняли.

– Ой его-о-о-о! – закричал во дворе изумлённый Никита. – Па-а-алочки!

Так телевизор сотворил на улице сенсацию.

Баба Маня стряпала неумело. Однако имела свои достоинства: в огороде работала за троих, а свою пенсию без сожалений раздавала сыновьям и внуку, оставляя себе самую малость на обиход. Когда наконец-то сыновья взяли

себя в руки, решила преподнести им сюрприз – сварить купленные в магазине пельмени по оригинальному собственному рецепту: сначала разморозить, а затем, как и полагается, кинуть в кипяток. После того, как внук с дядями управились с крыльцом, на столе, в большом блюде с синей каёмкой, их ждала слипшаяся масса парующего теста. По краям этого липкого, косматого клубка лежали старательно уложенные мясные шарики.

– Ну что, укуйкала пельмени?! – насмешливо негодовал Михаил, любивший подтрунивать над матерью.

– Да какую я беду изделала?! – запричитала старушка.

– Да-а-а, – баритонально оценил материну стряпню Пётр, усаживаясь за стол и добродушно улыбаясь.

...Глава района решил вернуть церкви былой вид и значение, а у главы сельской администрации заболела голова: где найти человека, который бы расписал обновлённый храм и взял за работу недорого. Дима узнал из газеты про решение районного начальства и пошёл к главе.

– До холодов успеешь? – спросил тот в сомнении.

– Успею. Церковка небольшая, думаю, два месяца хватит.

Художник взялся за работу, от зари до зари пропадая в церквушке. Роспись поначалу продвигалась легко. Дима вспоминал давние события дорогого сердцу времени детства. Порой ему казалось, что он жил в глубине веков и расписывал церкви... Иногда в церковь, возвращаясь с рыбалки, заходил дядя Пётр, хвалился серебряными, почти круглыми карасями и вдохновенно произносил:

– Да-а-а. Красота будет.

Эхо прокатывалось по стенам и ускользало под купол. Он присаживался у входа, закуривал, и откуда-то приходила волнующая мысль, что апостол Пётр был рыбаком... Запах краски смешивался с табачным дымом. Работа кисти племянника располагала к размышлениям о своей жизни.

Михаил тоже наведывался к племяннику и скептически кривил губы:

– Иконописец, а иконописец, оно-то, конечно, красиво, только для кого это всё, а? Для Надьки горбатой, а? Людей в деревне почти не осталось – одни старики, и те еле дыбают, а церкву решили ремонтировать. Не туда деньги вбухивают.

– Для души это... Для народной памяти.

– Пустое дело. Ты людям колбасу по сто рублей кило сделай, тогда я пойму. Память... А знаешь, племянничек, что мне на память приходит?

– И что же?

– Как в нашем магазине в девяносто первом году на полках кроме калош сорок пятого размера ничего не было.

– Так, надо хорошенько виноград прорисовать, – Дима сосредотачивался на работе.

– Какой там виногра-ад?! Винограду и подавно не было! Только если у кого свой, синий этот.

Посидев в молчании, дядя уходил. Отдаляясь, он своей важной походкой, чуть наклоненный вперёд с заложенными за спину руками, напоминал аиста.

Когда с деревьев полетели золотистые и багряные листья, а на рассвете над рекой начали клубиться густые туманы, работа завершилась. Художнику на открытии торжественно вручили «Благодарность» за подписью главы района, заплатили по договору, но, как говорил он, главным стала работа по зову сердца, творчество по неуловимому требованию души. Дима уехал в большой город. В деревне среди берёзок и ольх на возвышенности гордо выпрямилась обновлённая церквушка. И сама деревня будто ожила, обретя утерянную связь с прошлым.

Михаила разбил инсульт, а Пётр по-прежнему приезжает к матери. Выпивает редко, рыбачит. Когда идёт к реке, заходит в церковь, расписанную племянником. К горлу подступает ком, и почему-то хочется плакать...

Евгений ХАРИТОНОВ

Окончил Белгородский юридический институт МВД России. Стихотворения начал писать ещё в школьные годы. Печатался в журналах и альманахах «Берега», «Звезда Востока», «Александръ», «Наша Молодёжь», «Пять Стихий», и др. Автор книги стихотворений «Абрикосовая осень». Лауреат Всероссийского конкурса молодых поэтов имени Бориса Богаткова, Международного литературного конкурса «Большой финал 2021», победитель V Межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалея, поэт», Занимается

в литературной творческой мастерской при БРО ООО «Союз писателей России». Живёт в Белгороде.

***

Бес ликует, а ангелы мечутся,
Наблюдая у Божьих ворот,
Как собралось опять человечество
Уничтожить свой собственный род.

Я не верю в судьбу и пророчество,
И о карме гадать не берусь.
Просто знаю, когда всё закончится –
Возродится Великая Русь!

***

Дрожит земля, когда «Пион»* цветёт.
Полёт «Грачей»* – не к летнему веселью.
Как не писать, когда война идёт
Ни где-то там, а за парадной дверью?

Не хватит мне исписанных страниц
Сдержат порыв, манящий пулю к плоти.
Как мне стерпеть все стоны из больниц
И сил предать штурмующей пехоте?

*Пион – 203-мм самоходная пушка 2С7, стоящая на вооружении ВС РФ.

*Грач – штурмовой самолёт СУ-25, стоящий на вооружении ВС РФ.

Вот эхо снова материнский крик
Несёт в руках, не смея их ослабить.
Ах, сколько надо взять Варшав и Риг,
Чтоб мир решил в покое нас оставить?

Вы слышите, глупцы, – ревёт медведь
И когти точит о стволы историй.
Он к вам придёт! И не удастся впредь
Прогнать его с исконных территорий!

Исповедь потомка

Войну нельзя направить по течению,
Она – круги от гальки на воде.
Приехал я на кладбище в деревню
Поведать деду о большой беде.

Смотрел ему в глаза, а сердце с болью
Кольнуло в грудь, не зная как сказать.
Я пыль с его лица смахнул ладонью,
Пытаясь слёзы горькие сдержать.

Внезапный крик кукушки, будто плетью,
Разрезал воздух, душу теребя.
Мой дед погиб в далёком сорок третьем,
Припав к траве на склоне октября.

Был лютый бой, сродни свирепой буре.
Текли дожди свинцовые с небес.
Он в этот раз не смог уйти от пули,
Шагнув своей судьбе наперерез.

Он, как и все в то время, жил мечтою,
Что будет мир однажды на земле.
В тот страшный день он всю страну собою
Прикрыл, чтоб в ней жилось спокойно мне.

И вот он здесь, не видевший Победу –
Былой войны обычная стезя,
Но точно знавший, что народу беды
Несёт фашизм и их стерпеть нельзя.

И я стоял пред ним, сказать не смея
О том, что враг его опять в строю,
Что брызжет яд с клыков зловещих змея,
Уничтожая Родину мою.

Что снова свищут пули, как когда-то.
Горят в лазурном море корабли...
И только мы, потомки, виноваты,
Что ту мечту его не сберегли.

Весна на «Азовстали»

Притих скворец, опять пугаясь взрыва.
Хоть май расцвёл, его не ловит взгляд.
Глохнет смерть людей без перерыва
И день и ночь, нещадно, всех подряд.

Косым дождём снаряды захлестали,
Вскрывая норы подлого врага.
Который день мы бьём по «Азовстали»
Да так, что гарь впитали облака.

Да так, что глотку режет привкус серы,
А звон в ушах вовеки не унять.
«В атаку, братья! – крикнут офицеры.
И чтоб не смели нынче умирать!»

И мы идём, за метр цепляясь каждый,
В расход пуская весь боеприпас,
С одной простой мечтою, чтоб однажды
Вздыхнул свободно наш родной Донбасс!

Предатели

Один сказал: «Да что мне эта Рашка?»
Собрал узлы и двинул за кордон.
Таким, как он, хрустящая бумажка –
Давно уже и Родина, и дом.

Другой подлец, войны боясь до дрожи,
Сыскал в себе покорного слугу.
Предав свой род, он лезет вон из кожи,
Чтоб быть полезным чем-нибудь врагу.

А сколько их ещё средь нас томится,
Пригретых на груди святой Руси?
И нам осталось только лишь молиться,
Чтоб Бог помог страну от них спасти.

Лирика

В том лесочке, где пышные ели
Обнимает раскидистый дуб,
Мы с тобою невольно посмели
Насладиться касанием губ.

Лишь секунда, а сколько волнений
Было до и осталось потом.
Лишь секунда, а сколько сомнений
Растворилось в лесочке густом.

Я запомнил все звёздные ночи,
Что толкали в объятия нас,
И как дуб мне тогда напрозорчил
Гроздь росинок солёных из глаз.

Не поверил я шёпоту листьев
С этих мудрых могучих ветвей.
Только помню, как тропкою лисьей
Я спешил на свидание к ней.

Небо спрятало яркие звёзды.
Ветер был по-осеннему груб.
Даже птичьи остывшие гнёзда
Не сберёт обессилевший дуб.

А листва, наполняясь печалью,
Опадала на спины корней.
Словно вязаной жёлтою шалью
Их старалась укутать сильней.

Я не спал в эту ночь до рассвета,
Всё надеясь услышать шаги.
А тоска и в руках сигарета
Душу мне издевательски жгли.

Это время, где был я влюблённым,
Вспоминал в своей жизни не раз.
Как и гроздь росинок солёных,
Что к утру покатались из глаз.

Деревенское детство

Помню я, как пело утро
Петухами за заре.
Как играли перламутром
Росы в шёлковой траве.

Как с колонки одичалой
Шла студёная вода.
То, как гуси величаво
Шеи гнули у пруда.

***

А давай мы с тобой соберём чемоданы,
Сядем в поезд... Подальше от скучной рутины.
Пусть мелькают в окне города-великаны,
Мы повесим их в памяти, словно картины.

Проводница порадует байховым чаем.
Пусть плацкартный вагон – не хочу замыкаться!
А потом мы с тобой что-нибудь намечтаем,
В нашем возрасте это – как снова влюбляться!

Будем щупать на стёклах прилипшие звёзды,
А луне нарисуем фломастером глазки.
Ну давай собираться, покуда не поздно
Нам с тобой в этой жизни довериться сказке.

Совы

Кончился день, и зажмурилось небо,
Месяц явился босой.
Звёзды, на землю скатившись нелепо,
Станут под утро росой.

Звери закрыли дома на засовы,
Чтоб не случилась беда.

Запах скошенного сена,
Что по осени витал.
Как трухлявое полено
Огонёк в печи глотал.

И как дедушка, зевая,
Окружённый детворой,
О России напевая,
Вёл коров на водопой.

Лишь, от бессонницы мучаясь, совы
В ночь улетят из гнезда.

Будут кружить над землёю в дозоре,
Крыльями чёрная тишь,
Грезя найти в этом чёрном просторе
Тоже неспящую мышь.

Наталья ТРУБНИКОВА

Родилась в г. Алексеевка в семье военного офицера. Первые рассказы были опубликованы в местной газете «Заря». С 15 лет принимала участие в разных турнирах Черноземья, Москвы и С.-Петербурга. В 2020 году стала победителем международного конкурса «Разреши себе жить» в номинации «Сюжет достойный фильма». И в этом же году вышел первый сборник рассказов «Моим любимым тинэйджерам посвящается». В 2021 году вышел сборник рассказов «О жизни так, как есть» и роман «На пути к примирению»,

а несколько стихотворений автора вошли в поэтический сборник С.-Петербурга «Когда расцветёт весна». Работает в МБУК «ЦБ Алексеевского городского округа» методистом МБОУ и по совместительству художником.

ПО ЖИЗНИ, КАК ПО РЕЛЬСАМ...

Мария, приподняв край рукава пальто, посмотрела на часы. Оставалось ещё двадцать минут до прибытия поезда. Она сжала ручку своего чемодана и подкатила его к окну, так и не пересилив себя, чтобы присесть на свободное место в зале ожидания. Какая всё-таки странная точка – железнодорожный вокзал. Кажется, здесь, в небольшом, прибитом временем, пылью и затоптанном миллионами ходящих ног здании, останавливается время. И на какой-то промежуток времени снующие туда-сюда транзитные гости посвящаются в члены «вокзального братства». И в этом братстве все становятся равны: здесь нельзя будет рассмотреть видимого социального расслоения, здесь не будет сидячих мест премиум-класса, здесь не разносят шампанское, а бомжи спокойно покупают себе горячий чай в том же киоске, что и обычный путешественник.

Мария почувствовала ощущение какой-то тоски и безысходности. То ли дело – аэропорты. Вот где чувствуется уверенность, безопасность и финансовое благополучие готовящихся к полёту путешественников, смешанных с ароматом кофе и дорогих духов. Сколько же она за всё свое время проживания в городе Н** летала на самолётах? Наверное, и не сосчитать. А в какие красивые и комфортные аэропорты доставляли её летящие металлические птицы! Чего только стоит семиэтажное здание, которое открыло для Марии международные воздушные ворота Китая. Или птицеподобное здание

«Крылатая чайка», которое встречало её с коллегами по работе в Нью-Йорке. А как забыть один из красивейших аэропортов Европы с таким нежным, умиротворяющим названием «Голубка» в Испании... Томные воспоминания Марии прервал скрежет слов диспетчера, объявляющего прибытие поезда.

Женщина вышла на платформу, где такие же, как и она, «отправляющиеся» ожидали огромное, тархтящее по рельсам, железное чудовище. Поезд – по-своему уникальный транспорт. В отдельных вагончиках, летящих через всю страну, встречаются абсолютно случайные люди, которые волею судьбы купили билеты с одинаковым маршрутом и датой отправления.

Высокий седовласый мужчина помог Марии поднять её единственный чемодан через высокие ступени тамбура. Слегка улынувшись ему уголками губ и произнеся «Спасибо», женщина направилась к своему купе. Именно оно на 23 часа станет для Марии временным пристанищем. Дверь была открыта, и, на удивление, в самом купе попутчиков пока не наблюдалось. Погрузив чемодан под нижнее сиденье, девушка присела у окна и достала из дамской сумочки упаковку салфеток. Запах спирта миглом ударил в нос, но Марии нравилась именно эта фирма, которая обещала «убивать бактерии до 99%», и именно этот аромат свидетельствовал, что салфетки пропитаны не одной отдушкой, а именно проверенным средством. После того, как тщательно были вытерты руки, дезинфекции подверглись стол, ручки двери и даже само сиденье, на котором девушке предстояло ещё спать. Мария услышала, как издал тяжёлый вздох локомотив, готовясь к очередной затяжной пробежке по рельсам до следующей станции. Вагоны качнулись, и колёса медленно стали перекачиваться по блестящей металлической глади. Мария бросила прощальный взгляд на здание вокзала. Но казалось, она бросила прощальный взгляд на всю свою прежнюю жизнь: работу, квартиру, друзей, коллег...

Может, ещё не поздно вернуться? Может, она совершает ошибку? Может, эта жизнь, которая была у неё в городе Н**, и есть та самая, о которой можно только мечтать?

Мария росла в обычной советской семье: мама – преподаватель музыки, папа – инженер на единственном в небольшом городке заводе. Жили, как и все в то время: не на широкую ногу, но и не бедствовали. Было всё: хорошее питание, достойное образование, летний отдых в детских оздоровительных лагерях и несколько раз даже на море с родителями. Мария училась отлично, она словно губка впитывала знания, ей было всё интересно и всё легко давалось. Словно судьба сама ей пророчила грандиозное будущее и не в родном городке «на краю света», а в самом лучшем образовательном учреждении города Н**.

Всё так и случилось. С золотой медалью девочка приехала поступать в институт. Хотя слово «поступать» было неуместно, так как «светлую голову» видно было сразу, и Марию взяли, как говорится «с руками и ногами». И шесть лет пролетели как одно мгновение. И красный диплом грел душу ро-

дителям девушки, и планы были грандиозные: продолжать учиться в ординатуре на узкого специалиста. Но тут грянули перемены в стране, и всё пошло кубарем. За то, чтобы учиться по профилю, необходимо было выложить кругленькую сумму, которой у простых работаг-родителей Марии просто не было. Все сбережения, которые им удалось накопить за годы работы, они вложили в однокомнатную квартиру дочери. Всё в том же городе Н**. В городе, как тогда казалось, больших возможностей. Но Мария взяла себя в руки, чётко зная, что возвращаться «на край света» она не собирается, а жить на что-то надо, и устроилась вначале в государственную поликлинику. Там ей повезло – она попала под шефство «мастера своего дела», «знатока души человеческих» – невролога Евгения Климчука, который за два года своей совместной работы с Марией научил её всем тонкостям и премудростям работы. И хотя многие не считали неврологию серьёзной профессией и считали, что данные специалисты лишь умеют «вытирать сопли» пациентам и выписывать антидепрессанты или сеансы массажа. Но всё то же наступившее сложное время приоткрыло и другую сторону данной профессии. Стали открываться частные медицинские центры, спа-салоны, центры-красоты, семейные центры, и в каждом была вакансия специалиста «души человеческих». А поскольку по стране ещё и семимильными шагами развивалась компьютеризация, то и вытекающие из неё проблемы с искривлением позвоночника и остеохондрозами, перегруженные суставы на кистях рук, головные боли не отставали в развитии тоже. И Мария сменила работу в поликлинике у дома на работу в медицинском частном центре за несколько десятков километров. И дела в центре пошли настолько хорошо (пропорционально растущим заболеваниям обеспеченных жителей), что в скором времени Мария купила собственную машину, чтобы не трястись в автобусах и не тратить время, которое теперь имело цену. И девушка точно знала, какую именно!

Дверь купе приоткрылась, и в проходе появилась проводница, которая заносила номера билетов пассажиров в электронный планшет и теперь добралась до Марии. Женщина достала свои документы, и пока проводница делала запись, поймала себя на мысли, что мир внутри поезда за столько лет совсем не изменился.

Мария несколько раз путешествовала с родителями на поезде к морю. И она помнит эту долгую дорогу из их родного городка в такой, казалось бы, далёкий и такой жаркий город Сочи. Да ещё и с пересадками. И ехали они не в купе, а в обычном плацкарте, с такими же обычными попутчиками, как сами. Кто были эти самые попутчики, Мария уже не помнила. Но зато крепко в памяти засели босые ноги лежащих путешественников; аромат жареной курицы и яиц, и крепкий сладкий чай в легендарных латунных подстаканниках.

Мария осмотрелась вокруг: такого же неопределённого, то ли серого, то ли синего цвета форма у проводника, та же коричневая обивка сидений, те

же сетки-полочки над ними. Интересно, а чай в подстаканниках носят до сих пор? С того времени, как профессия женщины стала востребованной в определённых кругах и стала приносить постоянный вполне достойный доход, Мария путешествовала только на самолётах. Но вот сейчас, когда в пункт её назначения самолёты не летают, а добраться туда можно только по железной дороге, она словно вернулась в своё детство. Никаких самолётов, скоростных поездов, только мерный стук колёс, летящие за окном пейзажи и, возможно, случайные попутчики, лиц которых она точно в скором времени не вспомнит.

Когда проводник вышла из купе, Мария достала из сумочки бутылку воды, книжку и, поджав ноги под себя, села поближе к окну. Но заставить прочитать себя хоть одну страницу так и не смогла. Она всё смотрела по ту сторону стекла, где мелькали столбы электропередач, серые кусты и деревья, которые ждали своего часа, чтобы пробудиться после затяжной зимы, и пенки облаков, плывущих, в отличие от поезда, неспешно и несуетливо над всей этой картиной.

Всё ли Мария сделала правильно? Не пожалеет ли о принятом решении? Смогла ли точно отделить желания ума от желания сердца? *Ведь вся её жизнь, начиная с окончания университета до последних дней, была словно в тумане. Нет, у Марии жизнь кипела: постоянные клиенты, новые знакомства, вечера в шикарных ресторанах, свидания, расставания, опять новые знакомства, перелёты в разные страны. Вначале работа забирала у неё много сил, она старалась помочь каждому пациенту на все сто процентов, искала к каждому индивидуальный подход, повышала свой уровень знаний на разных семинарах и заграничных практиках. Но потом всё больше к ней на приём попадали так называемые светские львицы, которые удачно вышли замуж, купались в роскоши, но не знали, чем занять своё свободное время, и придумывали массу проблем со здоровьем. Особенно стало модным болеть душой. И так, незаметно для себя, Мария переквалифицировалась в семейного психолога. Хотя, конечно, семьями к ней не приходили (мужья знали, чем занять своё время – они зарабатывали деньги), а вот женщины считали своей прямой обязанностью раз в неделю посещать чудо-доктора, которая спокойно выслушивала рассказы о выпавшей на их долю участи нести тяжёлый «крест жены олигарха». Марию вначале раздражали откровенные глупости, которые ей приходилось записывать и анализировать. Ей прямым текстом хотелось подсказать каждой «уставшей львице»: взять в руки веник и вымести из головы бред вместе с мусором на улицах города Н**. Но потом она поняла, что, во-первых, это бесполезно, а во-вторых, такие сеансы оказались весьма прибыльными и постоянными. А чтобы жить и ни в чём не нуждаться в большом городе амбиций, необходимо было прилично зарабатывать.*

Но рано или поздно у каждого человека наступает время задуматься, а что на самом деле представляет его жизнь, куда она ведёт и чувствуется ли

в ней полное удовлетворение. Так случилось и с Марией. Она не гналась за роскошной жизнью, но судьба сама завертела её в круговороте связей, денежных средств и принципов «каждый выживает, как может». Время было нелёгкое, и если одни успевали неистово богатеть, то другие, пропорционально им же, с трудом сводили концы с концами. Марии повезло оказаться с той стороны баррикад. Но жизнь сложная штука... Вот она осыпала тебя удачами, а вот в самый неожиданный момент ударила так, что невозможно отдышаться...

И этот момент случился с Марией во время отдыха на Гавайях. Когда в городе Н** мела метель и морозы сковали реку, превратив её в сплошной ка-ток, женщина взяла неделю отпуска, чтобы отдохнуть на сказочном острове. Ей настолько надоели ежедневные сплетни и душевные излияния, которые приходилось выслушивать в личном кабинете, что ни длительный перелёт, ни пересадки не остановили Марию на пути к безмятежности и абсолютной тишине. И этот отель, расположенный на западном берегу острова, белоснежного пляжа и бескрайнего Тихого океана, словно сам нашёл её и выдернул из пучины сумасшедшего движения города Н**.

Мария только пару дней смогла насладиться успокаивающим шумом волны, ласкающей песок, и отсутствием болтовни в окружении, как раздался тот страшный звонок. Звонок, разделивший её жизнь на «до» и «после».

После слов о том, что её родители погибли в автокатастрофе, Мария больше не слышала ничего. Она словно впала в фазу оцепенения. Неизвестно сколько прошло времени, когда отрывистые гудки в телефоне вернули её в реальность. В реальность, где больше нет родителей. А остались лишь чувства печали, обиды, тоски и даже злости. Возвращаясь обратно в город Н**, ещё в самолёте Мария никак не могла избавиться от мыслей «не уберегла», «не предотвратила», «не сказала, как любит их». Женщина не успела на похороны из-за долгого перелёта. Она перечислила всю необходимую сумму соседке тётке Глаше, чтобы прощание прошло по всем правилам. Мария планировала приехать на девятый день, но так и не смогла воспользоваться купленным билетом. Она отключила телефон, чтобы не слышать слов соболезнования. Она не ходила на работу, чтобы не видеть в глазах коллег сочувствие. Пока женщина оставалась дома, в её мыслях, перед её глазами родители продолжали жить.

Мария как никто другой знала, что когда случается беда, необходимо говорить о ней. Проговаривать, осознавать, признавать случившееся... Но её организм решил по-другому справляться с горем: отчуждением от всего и от всех. Казалось, что в жизни больше ничего ценного и не осталось. Работа, финансы, машина, коллеги – всё пустое, ненужное, не греющее душу.

Мария вышла в тамбур и смотрела на мелькающие за окном рельсы. Она представила свою жизнь именно такой – прямой линией. Только сначала она её вела в одну сторону, в город Н**, а теперь возвращала обратно, по тому

же самому пути. Непрерывное движение поезда напоминало все прошедшие годы Марии: работа – клиенты – дом – отпуск – работа... В какой момент в этом движении перестала существовать остановка «родительский дом»?

И вот теперь Мария возвращается на станцию «родительский дом». Теперь она готова принять, что близких людей нет в живых физически, но они навсегда остаются в её сердце. И что теперь она хочет жить именно в своём родном городке и помогать обычным людям, с реальными, а не надуманными от безделья проблемами. И пусть не будет больше огромных сумм за приём, отпусков на белоснежном пляже, ужинов в дорогих заведениях... Она насытилась всем этим в городе Н**. А теперь будет иное: вечер за чашкой горячего какао в папином кресле, закутать себя в мамину тёплую кофту и смотреть семейный альбом. А по утрам приходиться в городскую поликлинику, где ей обещали сразу ставку невропатолога и полставки массажиста. И обсуждать насущные, жизненные проблемы пациентов, а в обед пить чай в ординаторской с домашним вареньем и делиться рецептами пирогов с медперсоналом. Не зря же существует поговорка «Где родился, там и пригодился»... Главное – чтобы это понимание не пришло слишком поздно.

Кирилл ФИЛОНОВ

Родился в г. Петропавловске (Казахстан). Окончил Омский государственный университет путей сообщения. Публиковался в журналах «Провинция», «Врата Сибири», «Родничок», «Простор», альманахе «Отражение», в коллективных сборниках поэзии «Созвучие», «Я хочу говорить с тобой...» и «Городские мечты». Учитя на факультете журналистики в Омской гуманитарной академии. Автор сборников прозы «Близкие люди» и «Что запомнилось». Председатель областного литературного

объединения имени М. Аверина. Дипломант литературного конкурса «Мир и Отечество». Живёт в г. Петропавловске (Казахстан).

СЕСТРА

В пятьдесят седьмом году стояло сухое, жаркое лето. Редкие, коротенькие дожди с грозами да тёплые ночи не могли не запомниться Лиле. Знойными днями всплывала в памяти родная Алма-Ата – солнечный, ласковый среднеазиатский город с неповторимыми садами, парками, с его вкусным мороженым, приветливыми жителями, говорливыми торговцами на восточном базаре. Лильке казалось, что лучше нет места на земле.

Не хотелось, ой как не хотелось студентам из сибирского города прощаться с деревней, но уезжать всё равно было нужно. Закончилась летняя отработка на льняных полях, но молодые сердца грела мысль о будущей новой жизни: их ждала интересная работа, знакомство с коллективами, где придётся трудиться. Лильке предстояло уехать в Томск, где царила полная свобода. На светлицу, худощавую и глазастую девушку накатывало какое-то необъяснимое ликование, когда хочется делать простые, милые глупости: прыгать, танцевать и кричать что есть силы звонким девичьим голоском задорное «ура».

Лиля вернулась в одноэтажный деревянный барак, который трудно было назвать «общежитием», однако неприхотливым студентам не важна обстановка: главное – крыша над головой и весёлая компания. В тесной, но уютной комнате оставалось собрать чемодан, перекусить на скорую руку – и в путь. Девушка заметила на столе записку. Небольшой обрывок бумаги был испи-сан не совсем ровным, торопливым почерком. Лилька прочла: «Любимая моя сестричка! Меня направили на достойную работу, которую я долго ждала. Времени нет, нужно спешить. Все вещи взяла с собой, кроме посуды. Сложила

её в узел. Дорогая, у меня просьба к тебе: привези мне её. Надеюсь на тебя. Только смотри не разбей!»

Далее следовал адрес.

Возле старенькой кровати обнаружился узел внушительного размера.

– Вот это подарок! – невольно вырвались слова. От бывшего восторга не осталось и следа на лице жизнерадостной девчушки. – Как же я это утащу? И как добраться до той деревни?

В душе Лилька протестовала, но послушаться старшую сестру Тамару не могла.

Сёстры давно остались без родителей. Отец погиб на фронте. Он командовал ротой связи в Прибалтике. Мать сильно переживала его смерть и сразу после войны тяжело заболела. Умерла она в сорок шестом, а Лилю и Тамару забрала мамина сестра. Жили они бедно. Тётя Вера, заменившая самого дорогого человека, старалась дать девочкам всё необходимое: одевала как могла, кормила. Работала тётя Вера на двух работах. Утром она уходила в быткомбинат, где числилась закройщицей, а по вечерам мыла полы в конторе домоуправления при трикотажной фабрике. Воспитывала своих, как она говорила, «девиц» в строгости, хотя была и ласкова с ними.

Лилька ещё в школе мечтала стать врачом. Ей нравились биология и химия, хотелось помогать людям. Бывало, притащит домой грязного, блохастого и больного котёнка, выхаживает его, молочком отпаивает. Тётя Вера ругается. Потом увидит, как старается Лилька, сидит будто над ребёнком, ночами не спит – и раздобритя. Смотришь, сама уже наглаживает нового члена семьи. Тамара посмеивалась над сестрой: «Приходите к ней лечиться и корова, и волчица!»

Тамара выпустилась из школы первой, а Лиля через год. Старшая до последнего не знала, куда хочет поступать. Ни спорт её не интересовал, ни музыка с танцами, не шила, не вязала. Зато неплохо давались точные науки.

Светловолосая девушка словно старалась выделиться: красила волосы в тёмный цвет, одевалась по моде, а потом отдавала свои наряды Лильке, которая хотела походить на старшую сестру. Тётя Вера шила девочкам наряды, но Тома всегда просила их делать разными, сама придумывала фасоны, а тётя исполняла пожелания взыскательной племянницы.

Когда пришло время подавать документы, Тамара, подумав две минуты, выдохнула: «В педагогический!»

– Не понимаю, зачем тебе педагогический? – спросила раздражённая после двойного рабочего дня тётя Вера, доставая из сумки купленные пряники.

– А куда ещё? – безразлично сказала Тамара.

– Ты должна выбирать сердцем, ответственно!

– Лиля, кем ты хочешь стать? – спросила тётя Вера, сворачивая продуктовую сумку. Усталые глаза тёти смотрели пристально, растрёпанные волосы

были неаккуратно подколоты шпилькой. Ещё недавно тётя Вера выглядела моложе. В свои сорок лет она высохла и согнулась.

– Я буду врачом, – сдержанно проговорила Лиля.

– Вот, учись у родной сестрёнки!

– Ни на кого смотреть не буду!

– Не повторяй, а учись её целеустремлённости! – поправила Тамару тётя Вера. – Пойми, что кроме вас двоих на земле никого нет ближе! Учитесь друг у друга! Я не могу вам заменить родителей, мне очень было тяжело все эти годы, пока вы росли. Да, я старалась, как могла, давала вам тепло и уют, учила, кормила, одевала. Теперь вы стали большими и вправе искать свой путь в жизни, но мне бы хотелось видеть вас счастливыми людьми, поэтому выбирайте будущую профессию сердцем! Особенно это касается тебя, Тамара! Тебе легко давалась учёба, ты быстро считала и любила математику, но поведение хромало всегда. С тобой мне было труднее, чем с Лилей!

– Ах вот как! – обиделась Тамара. – Я была чужой!

– Это неправда!

– Я чувствовала, что Лилия ближе вам, с первых дней!

– Вы для меня одинаково родные! Даже теперь, когда вы стали большими, работаю на износ: пол мою, одежду крою! Голова болит о том, чтобы вы хорошо питались и выглядели опрятно. Дома, уставшая, сажусь за машинку, чтобы побаловать вас свежими платьями! Уж не знаю, как угодить... Какая глупая у вас тётя Вера, наивная...

Едва не расплакавшись, тётя Вера хотела уйти на кухню, но Тамара с обидой в голосе проговорила:

– Не нужны мне ваши платья! Вы никогда не задумывались, почему я держусь с вами на расстоянии? Только Лилия для вас божество! Мне твердили всегда, что равняться нужно на младшую сестру. А чтобы не путаться под ногами и не давать поводов для сравнений, я... знаете, вот возьму и уеду подальше от всех! – крикнула Тамара.

– Не делай глупостей, доченька! – взволнованно сказала тётя Вера, пытаясь напомнить, что именно она, Вера Павловна Бардышева, стала матерью двум маленьким девочкам, когда умерла её сестра. Если Лилия спустя время иногда робко называла тётю мамой, то Тамара так не смогла пересилить себя.

Всё-таки уехала Тамара в далёкую и холодную Сибирь. Кажется, старшая сестра затаила обиду на всех: на тётю Веру, Лильку и вообще на весь белый свет. Поступила она в пединститут, на физмат. Писем домой почти не писала, так, несколько слов: «У меня всё хорошо, получаю стипендию, денег хватает, питаюсь нормально...» В начале зимы от Томы пришла бандероль. Прислала сестра своей младшенькой Лильке новое светло-голубое платье. В бумажном пакете вместе с платьем лежало письмо, полностью адресованное Лиле.

«Дорогая моя сестрёнка, – писала Тамара, – ты даже не представляешь, как я скучаю без тебя! Мне не хотелось говорить о старых обидах, но тётя Вера наговорила нам обоим много глупостей! И неудавшуюся жизнь свалила на нас, и тяжёлую работу. Разве наши с тобой платья, вечернее шитьё испортили ей жизнь? Я специально купила тебе голубенькое летнее платье, чтобы тётя Вера не тратила своё драгоценное время на обновления для тебя. Мне хочется, чтобы ты знала: ни в чём мы не виноваты! Не показывай письмо тёте Вере, про платье скажи – подарок.

Хочу рассказать тебе о Томске. Город старинный, много особняков прошлого века. Летом в городе жара под сорок, а зимой – морозы под пятьдесят! В городе продают настоящие кедровые орехи, Лилька!

Знаешь, приезжай сюда! Будем учиться вместе, нам порознь жить нельзя! Встаёшь утрами на занятия, а на душе холодно, сразу вспоминаю маму... Приезжай, Лилька, сестрёнка!»

Итак, отъезд в Томск откладывался. «Ехать автобусом?» – мысленно спрашивала себя Лиля и тут же отвечала: «Что-нибудь придумаю, найду Томкину деревню: не на острове ведь живу!»

Бодрые мысли как-то обнадёжили, появились силы, и девушка решительно собралась искать сестру в отдалённой местности. Она отправилась прямо в чём была – в лёгком платьице, подаренном Тамарой, и босоножках, не переодевшись. Взяла сумочку с деньгами, взвалила на спину огромный узел с посудой и побрела на автостанцию.

Походила девушка по автостанции, тишина: нет ни автобусов, ни пассажиров. Решила она спросить в кассе про рейс на Кузьминки. Там сидела деловито-неприветливая девушка лет тридцати. Кассирша считала деньги, записывала какие-то цифры в большой журнал.

– Девушка, вы что! Автобус на Кузьминки ушёл тридцать минут назад!

– Как ушёл? – запаниковала Лилька.

– Спать надо было меньше!

Встревоженная, она едва не разрыдалась, как неожиданно к ней подошёл пижонского вида немолодой мужчина, словно чего-то опасаясь, подозрительно осмотрелся и спросил вполголоса:

– Слышал, тебе в Кузьминки. Могу подбросить, правда, в кабине уже занято. Есть место в кузове. Вас будет трое.

– Долго ехать? – бодро заговорила Лиля, глядя на водителя как на чудное спасение.

– Часа три. Будет остановка на обед.

– Я согласна.

– Деньги вперёд.

В кузове находилось две женщины, которые помогли забраться и устроиться возле кабины, чтобы меньше трясло.

Ехали быстро. Ветер трепал Лилькины волосы, не давал поговорить с попутчицами. Машина грохотала, ревел мотор. Просёлочная дорога тянулась к горизонту длинной извилистой змейкой. Вокруг стояли густые леса. Девушка задумчиво смотрела вдаль, кажется, позабыв о том, что её ждёт впереди: найдутся ли те самые Кузьминки.

Машина остановилась на окраине большого села, недалеко от фермы. В странных раздумьях пролетел день. Жара сменилась какой-то, не по времени года, сентябрьской прохладой. С востока потянулись серые, низкие тучи. Стало пасмурно, накрапывал мелкий дождь. Сибирь – ничего не поделаешь! Лиля была в одном платье и поэтому быстро продрогла. Попутчицы объявили, что они приехали. Пожелав счастливого пути, женщины торопливо скрылись за углом деревенской улицы. Возле машины стали слышны грубые мужские голоса. К кузову подошли трое: подозрительный шофёр, всё время воровато оглядывающийся по сторонам, парень с неровным, уродливым шрамом на левой щеке и бородатый мужик в кожаной куртке. Бородач, бывший явно навеселе, встал на колесо, заглянув в кузов, недовольно выругался и возмущённо заорал:

– Поеду в кабине, иначе не согласен, поняли меня! А ты, пацан, садись в кузов!

К Лиле забрался парень, лет восемнадцати, с какой-то задорной, совсем детской длинной чёлкой.

– Тебя как зовут? – немного задиристо спросил парень.

– Лиля.

– Алексей, – серьёзно представился попутчик, подавая руку.

Лиля поздоровалась, но резко отдёрнулась, как от огня.

– Ты городская? – спросил Алексей.

– Да.

– Сразу вижу вас – городских, – с лёгким пренебрежением сказал пассажир. – А я вот деревенский...

Лиля промолчала: не хотелось ссориться с незнакомым человеком.

– Учусь в политехническом, – не без гордости проговорил Алексей, – на заочном факультете.

– Хорошо, наверное, учишься? – не смогла удержаться от вопроса Лилька, уж очень парень задира нос.

Алексей начал охотно рассказывать о себе, оказавшись на редкость общительным и действительно серьёзным человеком. А Лиля поведала ему о поручении сестры.

– Слушай, а ты не боишься садиться в машину с незнакомыми людьми? – спросил Алексей, с интересом глядя на Лилю.

– Мне добратся надо...

– Просто они что-то затевают против тебя, мне кажется...

– Ты думаешь?

– До твоего села осталось километров пять, если раньше остановить грузовик, то можно уйти. Я подам тебе твой узел, а ты беги в кусты. Притаись и жди, пока машина не поедет дальше, а потом топай вдоль дороги, пока не увидишь огни деревни.

Темнело. Мелкий дождь то припускал с новой силой, то вовсе переставал. От холода и нахлынувшего страха Лилю стало буквально трясти. Грузовик резко затормозил посреди хвойного леса. Послышались быстрые шаги. За борт зацепились мощные руки.

– Беги! – закричал Алексей и, оттолкнувшись от противоположного борта машины, со всего маху пнул водителя прямо в лицо.

Пижон упал вниз. Алексей схватил узел, быстро спустился. Рванув Лильку за худенькую, слабую руку, шмыгнул в густые придорожные заросли. Ветки царапали девушке лицо, цеплялись за платье. Сзади слышались гневные крики догоняющих мужчин.

– Я их задержу! – крикнул Алексей. Передав девушке узел с посудой и подтолкнув её, побежал вглубь леса.

Лиля побежала что было сил, но, внезапно запнувшись, упала, больно ударив правую руку, расцарапала локоть. Посуда явно тоже пострадала. Поднявшись, беглянка вновь пустилась наутёк. Звуки погони утихли: Алексей увёл преследователей. Перепуганная Лилька продолжала бежать, будто спортсменка, у которой открылось второе дыхание. Всё же вскоре девушка устала и остановилась, пытаясь отдышаться. Что-то не видела она долгожданных огней деревни, но нужно было двигаться дальше. Страшные звуки сумеречного леса не давали ей покоя. Где-то подавали голос неведомые птицы, были слышны громкие шорохи не то людей, гнавшихся за ней, не то животных, готовящихся напасть. Девушка приседала возле трухлявых пней, пыталась закрыть уши своими маленькими ручками, чтобы не слышать этих звуков. Наступила полная тьма, сопровождавшаяся каким-то сумасшествием: скрипели покачиваемые на лёгком ветру деревья, таинственно потрескивали ветки на земле, будто на них кто-то наступал. Лилька не разбирала дороги, заходила всё дальше и дальше в глухой и жуткий лес. Она чувствовала слёзы на щеках.

«Ужас! Какой ужас!» – шептала девушка, пытаясь молиться. Ей вдруг вспомнилось, как тётя Вера часто размашисто осеняла себя крестом. Молитв Лиля не знала и поэтому пыталась творить обращения к Богу сама, как могла. Судорожно всхлипывая, Лилька шептала, неумело поднося руку ко лбу, затем опуская её к животу и поднимая к правому плечу: «Помоги мне, Господи! Спаси! Дай мне обрести дорогу! Заблудилась я! Гнались за мной дяденьки, спас меня от них мальчик! Помоги ему, Господи, уйти от погони!»

Почувствовала Лиля, словно отступил от неё страх и поутихли глухие звуки шелестящей листвы. Ночь начала медленно отступать. Первые лучи утреннего солнца прорвались сквозь плотную шапку густо растущих берёз

и размашистые ветви елей. Девушка вышла на просёлочную дорогу. Свет приветливо разливался по мокрой земле. Лёгкие облака медленно плыли по тёплому небу. На дороге показалась лошадь, запряжённая в скрипучую повозку. В ней сидел бородатый старик в потёртом коричневом пиджаке. Лиля обрадовано пошла навстречу.

– Дедушка, вы куда едете? – проговорила Лиля, подойдя к телеге. Дед растерянно поднял взгляд, лошадь остановилась.

– А зачем тебе это знать, милая?

– Мне нужно попасть в Кузьминки.

– Я еду в район. Это в другой стороне.

Человек улыбнулся и по-доброму заговорил:

– Меня спровадили в РОНО, отвезти книги.

– В РОНО? – изумилась девушка странному слову, но спрашивать не стала. Пусть везёт, самое главное – попасть к Тамаре. Пусть через район, лишь бы поскорее добраться.

Лиля сразу сообразила, что именно в районе она может узнать, где сестра, и сразу воспряла духом, распрямились плечи.

– Ой, а меня с собой возьмёте? – Она была сама не своя от радости.

Возница согласился: вдвоём веселее ехать. От чудного деда в старомодном пиджаке веяло домашним уютом.словно родному человеку, Лиля рассказала ему всё, что с ней произошло за время путешествия. Старик её не перебивал, не задавал вопросов, только в конце рассказа покачал головой и заметил:

– Оно видно сразу – молодо-зелено. Кто же едет на ночь глядя, незнамо с кем, незнамо куда...

Солнце стало припекать. Листва берёз блестела от прошедшего вечером дождя. Где-то пела одинокая птица, будто просила: «Отзовись, отзовись!» Но – кричи не кричи – кроме двух едущих через лес, в округе никого не было. Под мерный скрип повозки Лильку сморил глубокий и спокойный сон. Пробудилась девушка от лёгкого прикосновения попутчика. Возница проговорил мягким и добрым голосом:

– Эко тебя сморило, девонька!

– Мы приехали?

– Подъезжаем.

Время пролетело незаметно. Они быстро добрались до районного города Молчаново. Старые дома, ещё дореволюционной постройки особнячки из дерева, уютно расположились вдоль узких улочек, поднимающихся в горку. Девушка заметила церковь: белое здание с покосившимся неподалёку забором. Берёзовая рощица подступала к старинным стенам и словно поглаживала высокую колокольню своими раскидистыми ветвями. Почувствовала Лилька тёплый свет в душе и вспомнила, как молилась всю ночь и как незаметно наступило утро, пришёл рассвет.

Телега подъехала к большому трёхэтажному зданию с колоннами. Оно напоминало, скорее, дом культуры. Крутая лестница вела к площадке с массивными дверями.

– Это что, театр? – удивлённо спросила пассажирка, оглядываясь вокруг. Старик не услышал девушку, а лишь рассеянно посмотрел на неё, перебирая какие-то записки, извлечённые из внутреннего кармана пиджака.

Взвалив на спину тяжеленный узел с посудой, Лиля вошла в двери, забыв прочесть название учреждения. Массивная дверь закрылась за ней, едва не задев узел. Просторное здание напоминало вокзал в большом городе: мраморная отделка, огромная люстра посередине. Лилька подошла к вахтёрше, которая сидела за столом. Пожилая женщина в больших очках подняла взор на вошедшую незнакомую девушку в светлом платье и, поразившись, сказала:

– Вы что, девушка... как можно в РОНО с узлом!

– Куда я попала?

– В РОНО...

– Какое ещё РОНО?! – едва не закричала Лилька, ставя на пол посуду.

– Районный отдел народного образования, девушка!

– А... Где у вас отдел кадров?

– Второй этаж, налево от лестницы. А узел оставьте!

– Спасибо вам! – подпрыгнула от радости Лиля.

Она хотела расцеловать от счастья незнакомое человека, но взяла себя в руки. Вахтёрша, ничего не понимая, с опаской смотрела на Лильку, которая резко поднималась на второй этаж.

В большом, светлом кабинете с цветущей геранью на окне находились две девушки. Они сидели за столом, заваленным папками с документами.

– Гладкова Тамара Степановна направлена в среднюю школу села Кузьминки учителем математики, – ответила чернявая, слегка похожая на цыганку девушка.

Покинув учреждение с рычащим названием «РОНО», Лилька думала, как добраться до Кузьминок. Недалеко от входа стояла подвода, похожая на ту, что привезла её в район. Девушка подошла к телеге, в ней лежали учебники. Рядом с лошадей стоял мужчина лет сорока и курил, поглаживая пегую кобылу по морде.

– Вы, случайно, не в Кузьминки едете?

– Нет, но буду проезжать мимо: в Листвянку дорогу держу.

Попутчик оказался неразговорчивым, дорога прошла в полном молчании, оттого показалась длинной. Одно радовало Лильку, что телега не скрипела. Вспоминала Лиля паренька, который помог ей удрать из грузовика. Всё размышляла: как сложилась его судьба. Ближе к вечеру показались Кузьминки – большое село. У каждого дома разбиты палисадники с яркими и пышными бархатцами, переливающимися на ярком летнем солнце. Деревня была как на ладони. Дорога вела с горки к речушке, по берегам заросшей камышом.

Когда въехали на центральную улицу, девушка заметила мальчика в синих шортах, который шёл с ведром и удочкой, похоже, к озеру.

– Мальчик, скажи, где живёт учитель математики Тамара Степановна Гладкова?

– Тама, – недовольно проговорил малец, показывая в неизвестном направлении пустым ведром, – за школой третий дом справа.

– Ты что такой сердитый?

– А чего она, ваша Тамара Степановна, ставит двойки! Не успела приехать, уже три шкуры дерёт!

Лиля рассмеялась и пошла дальше пешком, простившись с мужчиной на подводе. Она следовала мимо новой двухэтажной школы с зелёным деревянным забором. Свежая краска ярко блестела, сливаясь с яркой травой. Добротный дом стоял немного отдельно от остальных. В окне виднелась знакомая фигурка сестры. Тамара с кем-то оживлённо разговаривала, но увидев Лильку, заторопилась выйти на улицу. Послышался топот, дверь распахнулась, и Тамара закричала от радости:

– Лиленька, приехала! Молодец! Пошли в дом. Я давно места себе не нахожу: как ты доберёшься.

Сестра трещала без остановки, видимо, чувствуя вину. Прошли в горницу. Лилька молчала: в ней кипело негодование.

«Радуешься?! Радуйся, как твой близкий человек был чуть не достигнут бандитами, шёл по ночному лесу, вторые сутки голодная, без сна, ради чего? Да пропади она пропадом – эта посуда!» – подумала Лилька и с силой ударила ненавистным узлом прямо об пол. Раздался звон разбитой посуды.

– Получ-ч-чай свои черепки, остолопка! – отрывисто закричала Лиля, заплакав в голос.

Тамара бросилась к узлу, но, поняв, что большинство тарелок и чашек не выжило, принялась успокаивать сестру.

– Ну что ты, что ты! – гладила Тамара её по голове. – Бог с ней, с посудой! Надо было ехать в Томск, а посуду я бы забрала сама.

– Что! – с обидой и возмущением, шипя, проговорила Лиля. – Выходит, можно было не ехать?! Ах вот оно что! Я проехала столько километров, чтобы ты мне заявила: «Бог с ней, с посудой!»

– Не стоила посуда таких больших трудов, – спокойно ответила Тамара, продолжая поглаживать сестру.

– Убери свои руки! – отшатнулась Лиля и, ещё больше негодуя, захотела высказать, что Тома не права во всём.

Её обида на тётю Веру, высокомерие к людям – признаки дурного характера.

– Не буду с тобой мириться, пока не напишешь письмо тёте Вере, пока не попросишь прощения у человека, который искренне переживает за тебя, за твою судьбу! За нашу судьбу!

– Ну что ты! – опешила Тамарка, впервые увидев всегда мягкую и добрую сестру такой настойчивой. – Ерунда...

– Нет, не ерунда! – Лиля решительно пошла к выходу, но взволнованная сестра подскочила к ней.

– Хорошо! Что ты как маленькая! Подумаешь, два человека не поняли друг друга, бывает...

– Ты должна помириться с тётей Верой! – твёрдым голосом сказала Лиля.

– Честное слово, извинюсь! – заулыбалась Тамара. – Пожалуйста, только не смотри на меня исподлобья!

Только после ужина Лиля рассказала о своих приключениях. Вспоминать было очень трудно, но слёзы уже не текли по горячим от волнения щекам, они остались там – в лесу, где её едва не настигли незнакомцы. Из головы не выходила судьба Алексея: где он, что с ним? Глубокой нежностью наполнялось сердце, когда возникал его образ – равнодушного, умного, отважного человека – настоящего защитника. Выслушав сестру, Тамара подняла взгляд и тихо произнесла:

– Знаешь, сестренка, посуда бьётся на счастье...

Вокзал был полон народу. Пассажиры сновали, то и дело толкая друг друга.

– Ну, теперь точно в путь, – глядяваясь в глаза, весело проговорила Тамара. – Передавай привет старинному Томску! Скажи, что я ещё приеду посмотреть на него.

Вышли на перрон, залитый солнцем. Раздался оглушительный, похожий на вой, гудок паровоза. Сёстры прощались.

– Двоек своим сорванцам не ставь, училка! – засмеялась Лиля, стоя на площадке вагона. – Жалуются: три шкуры дерёшь, говорят!

– Как без двоек?

– Кстати, смотри! – протянула конверт Тамара. На нём было написано: *«Город Алма-Ата. Зелёный переулок, 7. Квартира 11. Бардышевой Вере Павловне».*

– Молодец! – обрадованно крикнула Лилька. – Она ждёт это письмо...

Раздался гудок. Поезд дёрнулся. Махнув рукой, девушка хотела было занять место в вагоне, но неожиданно увидела Алексея. Сердце готово было выпрыгнуть из груди, участилось дыхание.

– Алексе-е-ей! – Лилька окрикнула парня, но её голос беспомощно растаял среди шума.

Алексей шёл по перрону. Он словно почувствовал, что его зовут, его ждут и, наверно, любят. Парень оглянулся. Всё тот же чуб, по-мальчишески свесившийся на брови, большие, добрые глаза... Огромные клубы паровозного дыма пронесли мимо Лилькиного вагона и белой пеленой, сплошной стеной непреодолимо разделили двух разминувшихся в жизни людей.

Людмила ШАПОВАЛОВА

*Окончила БелГУ по специальности – историк.
Занимается в литературной творческой
мастерской при БРО ООО «Союз писателей
России». Живёт в Белгороде.*

АККОРД

– Первый курс, в автобус! Живее, живее, диггеры, не то до вечера не доедем!

«Диггеры» неторопливо стали подниматься с насиженных рюкзаков и баулов. «Всехний» староста Димочка суетился около автобуса, помогая девочкам пристроить багаж. Вот ведь неугомонная натура...

– Юль, идём, я сумку донесу.

Юлька нарочито медленно подняла на говорившего взгляд своих невероятно-бирюзовых глаз, приглушённый пушистыми ресницами. Тёма всегда оказывался рядом в нужный момент – вот как сейчас, например. Теперь не придётся тащить самой увесистую дорожную сумку, большую часть содержимого которой составляли домашние варенья и печенья – проявление непрестанной маминой заботы. Шутка ли, бедная девочка на месяц едет в чисто поле рыть землю и спать в палатке, а о нормальной еде и прочих благах цивилизации и думать не приходится. Улыбнувшись, оперлась на протянутую руку: «Спасибо, Тёма!» Артём, с тощим рюкзачком на спине и с острыми мальчишескими лопатками, неся в руке Юлькину сумку, направился к автобусу. Юля, всё ещё улыбаясь, шла чуть позади. Всё-таки есть в этом что-то – иметь собственного рыцаря. Ле шевалье сан пёр э сан репрош. Впрочем, ничего особенного.

Сан Саныч, сутулясь и поправляя то и дело соскальзывающие очки, озабоченно складывал у багажного отделения автобуса запасной инструмент: совковые и штыковые лопаты, пилу, топорик и с особой осторожностью – фотоаппараты и нивелир с рекой. Поймал Димочку, в запале нарезавшего сотый круг по месту сбора: «Дмитрий, будьте добры, поторопите ребят. По прогнозу дождь к вечеру, а нам ещё устраиваться, палатки ставить...» Скорость передвижения Димочки возросла кардинально, и через десять минут все уже

расселись по местам, а из автобуса понеслись дребезжащие аккорды плохо настроенной гитары – Мишка Северин заиграл «Дорожную». И поехали.

Дорога в Хотмыжск была недолгой и живописной, а компания в автобусе – юной и полной оптимизма. Взрывы смеха на каждую удачную или почти удачную шутку, всем знакомые песни под гитару и без – два часа в пути пролетели незаметно. Надрывно гудя, автобус вполз по крутому склону на плоскую вершину холма – место будущего лагеря археологов. Не терпелось осмотреться, но до вечера оставалось совсем немного времени: нужно было обустроить быт. Нашлись среди мальчишек умельцы, и через пару часов каторжного труда под благожелательно-требовательным взглядом руководителя экспедиции цель была достигнута: среди корявых морщинистых стволов акаций гордо поднялись остроконечные головы ярких нейлоновых палаток.

Лагерь зажил своей особой кипучей жизнью. Не торопясь, основательно занялись ужином, и к шести вечера полевая кухня выдала здоровенную кастрюлю манной каши на сгущённом молоке и ведёрный бачок ячменного напитка «Балтика», щедро сдобренного той же сгущёнкой. Едва успели помыть посуду и собраться на вечернее построение – налетел, откуда ни возьми, прохладный ветерок и принёс обещанные прогнозом осадки: шумный нахальный ливень, перешедший в не по-июльски мелкий противный дождик. Археологическую смену можно было считать открытой.

Первое, что увидела Юлька поутру – в оранжевом полусумраке палатки прямо над ней висела капля. Скованная по рукам и ногам спальным мешком, юная археологиня обречённо наблюдала, как капля увеличивается в объёме, словно набирая силу от непрекращающегося дождика снаружи. Видимо, спецы по палаткам были те ещё – полотнище натянуть поленились как следует. Судорожно попыталась освободить хотя бы одну руку – и в этот момент капля, которой наскучило висеть, звонко шлёпнула её прямо по носу: «С добрым утром, Юлечка – можешь не умываться!»

Первый день смены оказался прохладным и сыроватым после недавнего дождика. Начальство здраво рассудило потратить его на знакомство с окрестностями и выстраивание стратегической диспозиции. Забрались на холм со срезанной верхушкой – бывший детинец, а ныне – объект приложения усилий археологов. Полюбовались с невероятно крутого склона на излучину Ворсклы, петлявшей среди зарослей ракут и черёмухи, – от красоты этого пейзажа просто дух захватывало. Поотстав от остальных, Юлька заглянула в каменную церковь с полуразрушенным куполом и еле различимой росписью на потемневшей, в потёках, штукатурке – здесь все голоса снаружи звучали приглушённо, словно само место это предполагало торжественное безмолвие. Церковь была сумрачна и печальна, а в центре, под самым куполом, почти касаясь ржавой цепи от паникадила, высилась груда увесистых соломенных брикетов – нелепое вторжение брэнного мира. Юльке стало по-

чему-то очень грустно. Хруст кирпичных обломков под чьими-то шагами заставил обернуться – конечно, он, Тёма. Забеспокоился за свою даму сердца, не обнаружив её среди остальных.

– Юль, скорее! Там работу распределяют, Сан Саныч сказал – есть у него одна идея.

Юлька усмехнулась: у Сан Саныча – и всего одна? Да ни в жисть! Но потопилась всё же дойти до лагеря, где вовсю шло бурное обсуждение – видимо, той самой идеи. Вникать пришлось с середины фразы.

– ...как видите, коллеги, сезон на исходе, и погода неустойчивая. А здесь вполне определены два участка. И оба хочется освоить за эту смену, поскольку Бог весть, выделят ли средства в будущем году. Основной раскоп на территории крепости, а отдельная группа из шести-восьми человек будет заниматься разрезом крепостного вала. Сразу скажу, эта работа труднее, но должна быть выполнена в кратчайший срок – максимум три недели. Жду ваши предложения по кандидатурам.

И тут же, не делая паузы, что напрочь лишало смысла предыдущую фразу:

– Артемий, уважаемый, не согласились бы вы возглавить будущую бригаду и определиться с её составом? На условиях аккорда.

Последнее слово заставило фыркнуть смешливых Юлькиных однокурсниц. Да и Юлька с разбегу не поняла, о чём речь – но уж точно не о музыке! Сан Саныч, тонко-иронично улыбаясь, смотрел на недоумённые лица «коллег».

– Эх, ну и молодёжь пошла! Элементарного не понимают. Аккордный подряд, или аккорд по-нашему, по-простому – когда работа выполняется до победного конца в максимально сжатые сроки, а расчёт – по окончании. В вашем случае чем раньше завершите, тем раньше отправитесь по домам.

Вот с этого бы и начать разговор. Желających скостить себе срок в обнимку с лопатой нашлось достаточно. Артём, исходя из личных предпочтений, свято соблюдая традиции кумовства и местничества, выбрал ещё трёх ребят, с которыми легко ладил, а девчоночью часть бригады поручил комплектовать Юльке, ибо её участие в этой аванюре под сомнение даже не ставилось.

Через полчаса, собрав отдельным кружком свой небольшой коллектив из восьми человек, Тёма встал в позу митингующего оратора и с воодушевлением провозгласил:

– Товарищи! Объявляю создание аккордной бригады состоявшимся и предлагаю присвоить ей гордое имя борца за поправленные империалистами права рабочего класса незабвенного Патриса Лумумбы!

От увосьмерённого хохота посыпались сухие ветки с акации, а у кашевара дрогнул черпак и не донёс содержимое до чьей-то миски – так весело и мажорно начал звучать этот необычный аккорд.

Бери!.. Больше!.. Кидай!.. Дальше!.. Пока... Летит... Отдыхай!

Третий час в Юлькиной голове ритмичным призывом звучала шутейная папина фраза, употребляемая при нечастых земляных работах. Ну что ж, ритм подходящий, хотя ни разу не довелось ей кинуть настолько далеко, чтобы хоть немного отдохнуть. Плечи и спина ныли с непривычки, а запястья отдавали тупой болью. Первые дни серьёзной работы дали себя почувствовать на все сто.

А скажите-ка, любезные, доводилось ли вам орудовать совковой лопатой с кривым черенком? С таким нюансом это привычное орудие труда становится совершенно неуправляемым, да ещё и со скверным характером, и потому грунт с неё летит в непредсказуемом направлении. А черенок Юлькиной лопаты был именно таким, да ещё и с противным сучком как раз под рукой. Юлька обречённо посмотрела на левую ладонь со вздувшейся «водяной»: и что помешало взять из дому перчатки? Любуйся теперь, красавица...

На полтора метра ниже раздавалось мерное «Тук! Дзинь! Тук! Дзинь!». Ребята поочерёдно пускали в дело лом и лопаты. Работали упорно и, не снижая темпа, вгрызались в тяжёлый сыроватый грунт. Где-то там, в глубине, маячила искомая цель, поставленная Сан Санычем – дойти в кратчайшие сроки до «материка», и не до Евразии родной, а до чистого грунта без признаков культурного слоя, оставленного древним человеком. Грунт отваливали уступами, и раскоп напоминал поставленную вверх тормашками шумерскую пирамиду.

Внезапно музыкальный Юлькин слух уловил изменившееся звучание роющих инструментов: из глухого оно стало неожиданно звонким. Ребята внизу притормозили.

– Сан Саныча позовите – есть на что взглянуть! – Артём улыбался, глядя снизу на девчонок и утирая со лба пот, струящийся из-под банданы.

Маленькая смуглая Танюшка, стоявшая на самом верху, побежала к основному раскопу. Спустя четверть часа пожаловало начальство в лице Сан Саныча, Ивана Семёновича и вездесущего Димочки с неизменным фотоаппаратом и рейкой.

– Что тут у вас? Череп нашли? – Сан Саныч, прищурившись, заглянул в раскоп и поднял очки на лоб – что-то там, внизу, не на шутку его заинтересовало.

Попросил девчонок освободить уступы и не по возрасту легко спрыгнул вниз. Через минуту, позвав коллегу Ивана Семёновича, отправил Димочку за подмогой со щётками и скребками. Аккордная бригада тихонько стояла поодаль, наблюдая, как специалисты ловко и бережно очищают от въевшейся земли что-то... Сверху Юльке не понять было, что же они обнаружили под полутораметровым слоем почвы. Но когда ювелирная работа по очистке завершилась, Сан Саныч всех пригласил полюбоваться находкой. Юля с опаской спустилась в раскоп и увидела нечто совсем неожиданное: толстенное,

в обхват почти, бревно с длинным продольным сколом – видимо, от ретивого Мишкиного лома. Тихонько, словно боясь спугнуть, Юлька погладила ладонью розовато-золотистое дерево, которое на ощупь оказалось шелковистым и чуть прохладным. Как оно здесь очутилось – в крепостном земляном валу?

А хриловатый голос Сан Саныча уже пояснял этот феномен – при строительстве крепостей на Засечной черте в земляных насыпях по периметру устраивали караульные помещения. Вот на такое и наткнулись мальчишки в своём стремлении достичь «материка». Маститые археологи были весьма довольны находкой: она подтверждала сразу несколько гипотез и чётко указывала, что работа движется в верном направлении. А Юлька всё не отрывала взгляда от розоватого скола бревна, словно излучающего ровный тёплый свет. «Солнце! – вдруг подумалось Юльке. – Это ведь солнце, то самое, что триста лет назад согревало и освещало своими лучами это дерево. А сейчас, пролежав столько времени в земле, дерево дарит эти лучи нам...»

– Аккордной бригаде за ударный труд объявляю благодарность! – голос Сан Саныча обрёл торжественно-фанфарные ноты. – Награждение почётной сгущёнкой будет произведено на вечернем построении.

После отбоя, лёжа поверх спальных мешков, Юлька и её соседки по палатке поочередно прикладывались к жестяной банке и тянули сладкое содержимое через пробитую в крышке дырочку. С последними каплями сгущёнки всем невероятно захотелось пить. Ринулись с кружками к бачку с питьевой водой, но он, как назло, оказался пуст – нерадивые дежурные по кухне не озаботились загодя его наполнить. На счастье, Юлькина предусмотрительная мама положила ей в сумку несколько помидоров – ими и заели сгущённое молоко, и, как писал незабвенный Козьма Прутков, «не столько вкушаемое печенье оказалось приятно, колико приправа, оное сопровождающая». Помидоры пошли «на ура», и вся палатка хором благодарила Юлькину маму за спасение от жажды.

А наутро аккорд зазвучал своим мажорным ладом – так же мерно стучал лом, по-прежнему неожиданными пируэтами радовала Юльку её бессменная изящно изогнутая лопата и, расшалившись, порой вываливала содержимое на обгоревшие под солнцем спины мальчишек. Полторы недели промчались – глазом не моргнуть. И вот настал день, когда последний удар штыка лопаты обнаружил девственно чистый песок – без черепков, костей, бронзовых наконечников и прочей мелочи. Мальчишки дошли до «материка» – работа аккордной бригады была завершена.

...Стоя перед дощатым столом, Юлька рассеянно царапала ноготком с облупившимся ярким лаком тёмный глиняный черепок. Определимый фрагмент керамики, роменская культура. Скорее всего, венчик какого-то небольшого лепного сосуда. Осторожно погладила вдавленные впадины по краю – довольно примитивное украшение, следы чьего-то пальца. Только пальцу этому больше тысячи лет – вот ведь штука-дело.

Юльке было одиноко. Накануне ребята полностью завершили разрез крепостного вала, и Сан Саныч, свято верный долгу чести, отпустил их с миром по домам – на неделю раньше остальных. Параллельно выяснилось, что «аккордный» договор девчонок не касался – Юльку и её соратниц ожидало продолжение банкета. Это казалось несправедливым и нечестным, хотя не так уж и горело прямо сейчас очутиться дома. Ребята уехали с утра, и самое обидное – с Тёмой не удалось толком попрощаться. Кивок головы, короткое «Ну, до сентября!» – рыцарь пустил вскачь своего белого коня и растворился в лучах утренней зари. Как, пожалуй, большинство нынешних рыцарей.

После вечернего построения Юлька улизнула на край холма, круто спускавшийся к Ворскле, и присела на подсушенную августовским солнцем траву. Слева темнел заброшенный барский сад, над деревьями возвышался купол церкви, совершенно целый с этого ракурса. Казалось, мир застыл: в закатных лучах запуталась утомлённая тишина. И вдруг снизу, с реки раздался мерный плеск – полоскали на мостках бельё. Снова заголосили неугомонные лягушки, над ухом пропищал невидимый комар. Откуда-то со стороны лагеря донесли знакомые заунывные аккорды с не менее печальным текстом:

«Такова кулинарная доля –

В нашей жизни часто так бывает:

Мы на вечер варим ячменный кофе –

От него полгруппы умирает...» – это Мишка Северин развлекал дежурных по кухне своей «Кулинарной».

Мир ожил. Звуки становились слышнее, переплетаясь друг с другом, как серебряные нити в метёлках ковыля, и слились, наконец, в один могучий аккорд. И тогда Юльке почудилось, что в нём она различает далёкие голоса из давних времён: плотников, ставивших сруб для караульных, и караульных, гревшихся холодными ночами у низенького очага, и древнего мастера, отпечатавшего след своей руки на крохотном глиняном кусочке, который только что держали слегка огрубевшие от лопаты тонкие Юлькины пальчики. И сотни других голосов, незнакомых, но странно близких и понятных. Аккорд звучал, вбирая в себя Ворсклу, старую церковь и шумный лагерь за холмом, и саму Юльку, которая, боясь шелохнуться, пыталась запомнить это неповторимое звучание, что наполняло её сейчас. Единое. Целое. То, что связывает всех живущих – ощущение в один короткий миг прошлого, настоящего и будущего.

Наваждение исчезло так же неожиданно, как и возникло. Юлька некоторое время сидела, тихонько поглаживая колкие травинки, потом легко поднялась и направилась к лагерю – такая же, как и четверть часа назад. Или чуточку иная. Ведь в душе у неё всё ещё звучал аккорд – гармонией ушедших и грядущих времён.

Елена ИВАНОВА

Родилась и живёт в Белгороде. Автор двух сборников для детей – «Крошечки с ладошечки» и «Весёлая читалочка». Публиковалась в журнале «Роман-журнал XXI век», «Пересвет», «Светоч», «Тимошечка» и др.

Крошечки с ладошечки

Я в садочке на пенёчки
Ставлю две тарелочки,
Сыплю в них зерно для квочки
И орешки белочке.

– Как же так! – сорока злится.
– Жадная ты девочка!
Я хотела подкрепиться,
Где моя тарелочка?

– Не кричи, сорока, тихо!
И тебе есть крошечки.
Ты, случайно, не трусиха?
Ешь с моей ладошечки...

Про киску

Решила киска птичкой
Немножечко побыть.
– На дереве отлично
В гнезде могу пожить.

На дуб залезла киска.
И вот в гнезде сидит
И ждёт, когда сосиска
На завтрак прилетит.

До самой ночи киска
Свой завтрак прождала.
Спустилась и сосиску
Стащила со стола.

Тарарам

У акулы тарарам,
Что ни день, случается.
Чистить зубы по утрам
Долго получается.
Ведь зубов-то, ведь зубов
У акулы семь рядов!

Не подружлись

Из пенала выпал ластик
И сказал тетрадке: «Здрассте!
Я теперь твой новый друг».
А она: «С чего бы вдруг?
Может быть, ты и хорош,
Но меня до дыр протрёшь».

Воды...

– Пи-пи-пи, опять жара, –
слышен голос комара.

И оса жужжала:
– Ох, завяло жало!

Сохнет жало по жаре.
Вот бы спрятаться в норе.

Нам бы капельку водицы,
остудить бы наши лица.

– Плачь, оса, пусть слёзы льются,
ну а я подставлю блюдце, –

пропищал комар, – тогда
будет в блюдце нам вода.

У бабушки

Я сегодня помогал
бабушке с засолкой,
Огурцы по банкам клал.
Получалось ловко.
Соль с водой она сама
разводила в миске.
Я сказал: «Бабуля, ты –
главная солистка».

Светлана МАРКОВА

Много лет работала учителем начальных классов. В настоящее время продолжает педагогическую деятельность. Пишет стихи и прозу для взрослых и для детей. Творческие работы автора публиковались в альманахе «Светоч», журнале «Большая переменка», газетах «Смена», «Мост» и др. Подготовлена к изданию детская книжка «Галкина водичка». Живёт в Белгороде.

СЕЛФИ

Ёжик торопливо бежал по своим делам. Уже стемнело, и нужно было добывать себе пропитание. Очень проголодался ёжик. Путь его лежал через детскую площадку одного из дворов.

«Надо быстро пробежать, чтобы меня никто не заметил», – подумал ёжик и ускорил шаг. Вдруг он услышал восторженный крик:

– Ёжик, ёжик! Смотрите, ёжик!

– Посветите фонариком на него, ребята!

Зверёк недовольно фыркнул и свернулся клубком: «Поесть не дадут!»

Дети окружили ёжика:

– Ой, какой хорошенький!

– Погулять, наверное, вышел.

– А давайте сделаем селфи!

Ребята пытались взять ёжика в руки, чтобы с ним сфотографироваться, но он так напыжился, что его иголки стали ещё острее.

– Ай, колется!!! Надо принести перчатки.

– Кто пойдёт за перчатками?

«Ну вот, это надолго, а кушать так хочется», – грустно подумал ёжик.

За перчатками идти никто не хотел. Дети решили посчитаться. Они дружно произнесли считалку: «Подогрела чайка чайник, пригласила восемь чаек. Прилетайте все на чай. Сколько чаек? Отвечай!»

Пока ребята считались, ёжик решил сбежать. Но не тут-то было. Лишь только он сделал несколько шагов, дети завизжали:

– Ой, смотрите, он убегает!

– Ёжик, мы тебя не отпустим!

«Да уж, – подумал ёжик. – Убежишь от них...»

Тут и перчатки принесли. Дети по очереди брали в руки дрожащий клубок, позировали перед камерой, улыбались, даже пытались вытащить ежичный носик из-под иглолок:

– Ёжик-ёжик, ни головы, ни ножек! Ну покажи нам свой нос, пожалуйста! Такое красивое селфи с тобой получится. И нам все завидовать будут!

– Ну, пожалуйста, ёжик, покажи и носик, и глазки!

Перепуганный ёжик, бедняжка, от страха задрожал ещё сильнее. Он с нетерпением ждал, когда его отпустят и он сможет снова спокойно пойти полакомиться хоть чем-нибудь. Но не тут-то было. Дети так увлеклись селфи с колючим другом, что совсем забыли о том, что завтра в школу и нужно выполнять домашнее задание. Можно гулять, пока родители позовут и заставят делать уроки. Вот здорово!

– Дети, домой! – раздался строгий голос.

– Слышите, мама зовёт!

– Как не хочется расставаться с тобой, ёжик, но придётся.

– Приходи к нам ещё. Мы будем тебя ждать, а завтра после школы встретимся и сравним, чьё селфи лучше получилось.

– Пока, колючий!

Дети опустили ёжика на травку и убежали. Он несколько минут сидел неподвижно, потом открыл свою мордочку и посеменил обратно в свою норку. «Жучки и червячки, наверное, уже спрятались, поэтому придётся обойтись без ужина», – с грустью подумал голодный ёжик. Больше через детскую площадку он решил не ходить.

ПРАВИЛЬНАЯ БУКВА

В первом классе шёл урок письма. Учительница объясняла у доски правила написания заглавной буквы «Т». Дети старательно выводили букочки в тетрадках. Только у Юрика не получалось. Он сначала писал «крышечку» буквы, а потом палочки. От этого буквы получались разные: одни большие, другие маленькие. Совсем не такие, как на образце в тетрадке и на доске. Юрик даже заплакал. Анна Ивановна подошла к мальчику, погладила его по голове и сказала:

– Вот вырастет Юрик большой и станет строителем. Захочет построить красивый дом. А начнёт строительство дома Юрик... с крыши.

Мальчик внимательно посмотрел на учительницу, вытер слёзы и удивлённо произнёс:

– Почему с крыши? Надо доски положить, а потом крышей накрыть!

– Правильно, Юрик, – ответила Анна Ивановна. – Сначала стены, потом крыша. Вот так же нужно «строить» и букву «Т». Сначала пишем палочку с закруглением влево, потом наклонную линию. Дальше у нас идёт палочка с закруглением вправо. И только тогда мы пишем «крышечку» нашей буквы.

Юрик воскликнул:

– Я понял, Анна Ивановна! А можно я на доске напишу?

И, не дождавшись ответа, подбежал к доске и написал букву так, как нужно, почти как у Анны Ивановны.

Учительница похвалила мальчика. Теперь в тетрадке у Юрика красовалась правильная буква.

ГАЛКИНА ВОДИЧКА

Галка очень хотела пить. Было жарко, и она ходила по парку с открытым клювиком. Пройдёт по солнечной аллее, потом спрячется в тенёк, поклюёт травку и опять зашагает под палящим солнцем. Дождя давно не было. Лужицы на асфальте высохли.

Посреди аллеи парка был фонтан. Галка поспешила к нему. Красавец-фонтан поднимал струйки воды вверх и расплёскивал её вокруг себя. Галка хотела подойти поближе, попытаться поймать хотя бы капельку, но вокруг прохладного фонтана было много людей. Им тоже было жарко.

Галка боялась близко подходить и стояла в сторонке. Она очень надеялась, что скоро все разойдутся и она будет важно расхаживать вокруг фонтана. Её пёрышки станут влажными, а капельки воды будут сами запрыгивать в рот, как мошки. Но никто не расходился. Людей стало ещё больше. Кто-то ел мороженое, кто-то пил газировку, а галка стояла поодаль и мечтала о капельке воды.

Тут к фонтану подошли малыш с мамой. Позади мальчика гроыхала большая машинка с длинным прицепом, которую он вёз на верёвочке. Малыш решил прокатить свою новую машинку по аллее парка. И вдруг он увидел галку с открытым клювиком, внимательно посмотрел на неё и спросил:

– Птичка, ты пить хочешь?

Галка тоже внимательно посмотрела на мальчика, но ничего не ответила. Галки ведь не умеют говорить. Тогда мальчик подошёл к маме и сказал:

– Мама, там птичка! Она пить хочет.

– Сынок, но нам не во что водички ей налить, – грустно ответила мама.

Мальчик подумал и воскликнул:

– В машинку, нальём в машинку! На прицеп!

И вот уже машинка с водой в прицепе поехала к галке.

– Пей, птичка! – предложил малыш.

Но галка отскочила подальше.

– Боится, наверное, – сказала мама.

Малыш с мамой оставили машинку и сели на скамейку поодаль.

Галка, осмотревшись, приблизилась к машинке, деловито обошла её, заглянула в прицеп и начала пить. Потом что-то каркнула по-своему. И через некоторое время прибежали другие галки на водопой. Напившись водички, галки плескались в прицепе, и капельки воды разлетались в разные стороны, как у красавца-фонтана.

А мальчик с мамой, сидя на скамейке, радовались тому, что смогли помочь птичкам в жару.

СТРАШНЫЙ СОН

Мишке приснился страшный сон. Его не переводили в шестой класс. Нина Петровна на классном часе объявила: «Все дети будут учиться дальше, а Миша Перемножкин пойдёт учить таблицу умножения во второй класс». Мишка выбежал в коридор и заплакал. Ну не может запомнить он эту таблицу, постоянно подсматривает на обложке тетради, поэтому по математике за контрольные работы получает двойки. Вот в результате так всё и вышло.

Страшный сон продолжался. Нина Петровна привела Мишку во второй класс и представила детям. Теперь у Мишки были другие одноклассники, похожие на гномиков. Он не был этому рад и очень жалел, что не учил таблицу умножения. Мишку посадили за последнюю парту. Ведь он был намного выше одноклассников. Сосед по парте так его и называл: «Мишка-великан». Мишка не хотел быть великаном. Он хотел в свой класс попасть, но это было невозможно. Страшный сон не заканчивался.

Однажды на перемене к Мишке подошла девочка Оля. Она была отличница и знала всю таблицу умножения и деления. Оля спросила: «Миша, тебя оставили не на второй год, а на какой же, если ты пришёл к нам из пятого класса?» Мишка опустил голову и молчал. Оля продолжала: «Ты не огорчайся, Миша! В нашем классе все ребята знают таблицу умножения. Мы после уроков каждый день с тобою будем её учить». Мишка от стыда чуть не сгорел. Чтобы его второклашки учили??? Ну нет уж!!! Он выбежал из класса и закричал: «Я сам буду учить таблицу, только переведите меня обратно в мой класс!»

От этого крика Мишка проснулся. «Как хорошо, что это сон!» – с облегчением подумал он. После завтрака мальчик взял таблицу умножения и начал её учить. Он повторял её по дороге в школу, из школы, на переменах. Мальчик был рад тому, что страшный сон закончился и он учится в своём родном пятом классе. За следующую контрольную Мишка получил «пять», и его перевели вместе с одноклассниками в шестой класс.

ПОТЕРЯННОЕ НАСТРОЕНИЕ

Арина пришла на урок без настроения. Анна Ивановна спросила:

– Почему ты такая грустная, Арина?

– У меня нет настроения, – ответила девочка.

– А где же ты его потеряла? – удивлённо спросила учительница.

– Не знаю...

Тут Анна Ивановна с улыбкой произнесла:

– Значит, надо его искать. Наверное, ты своё настроение потеряла по дороге в школу.

– Наверное... – грустно сказала Арина.

На уроке математики девочке совсем не хотелось отвечать. Даже на перемене, когда Вовка Лаптев скорчил смешную рожицу, Арина даже не улыбнулась, хотя весь класс хохотал. Зато на уроке рисования у неё получилась красивая семицветная радуга. Девочка вспомнила весёлую считалочку: «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан». Вспомнила и подумала: «Где же я потеряла своё настроение? Надо его поискать. Красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый – все цвета на месте. Значит, и хорошее настроение должно быть со мной!»

После уроков Арина вышла на улицу. Ярко светило весеннее солнышко, щебетали птички. Стайка воробьёв прилетела на дерево и будто напевала:

– Не надо хмуриться! Чив-чив! Арина, радуйся! Чив-чив!

Вдруг девочка услышала плач. Ей навстречу шёл маленький мальчик. Он держался за мамину руку и жалобно всхлипывал: «Ма-ам, купи игрушку! Ну ма-ам, ну купи игрушку!»

Мама растерянно успокаивала мальчика: «Сынок, купим позже. Не плачь!» Но сынок не унимался. Даже воробышки перестали чирикать и, нахохлившись, наблюдали за плачущим мальчиком.

Тут Арина подошла к малышу и приветливо произнесла: «Здравствуй, малыш! А хочешь, я подарю тебе радугу?!» Мальчик поднял заплаканные глаза, недоверчиво посмотрел на девочку и спросил: «Какую радугу?»

– Самую настоящую! – ответила Арина.

– Хочу-у-у радугу, – плаксивым голосом протянул малыш.

– Вот, возьми! – девочка протянула яркий рисунок разноцветной радуги.

Мальчик взял рисунок, постоял немного, рассматривая его, и радостно закричал:

– Ура! У меня радуга! Радуга! Настоящая радуга! Мама, посмотри!

Мама улыбнулась и сказала:

– А что надо сказать, сынок?

– Спасибо, добрая девочка, – произнёс малыш и опять радостно закричал: – Радуга! У меня настоящая радуга!

Даже воробышки заёрзали на дереве, обрадовались и опять стали щебетать.

Арина улыбнулась. На душе у неё стало светло и легко. Ей хотелось вместе с воробышками щебетать и радоваться солнышку. Девочка воскликнула: «Спасибо тебе, малыш! Я нашла своё настроение. Ура-а-а!»

Светлана ПАНКОВА

Родилась и живёт в г. Старый Оскол. Окончила СОФ БелГУ, педагогический факультет. Пишет стихи и песни для детей. Автор книги «Озорные покатушки».

Россия

Манят травы на лугах
Терпким ароматом,
Здесь в ромашковых снегах
Утонула мята.

Васильков небесных синь,
Пижма золотая.
Клевер, донник и полынь
Без конца и края.

Зачерпну из родника
Огненное солнце.
Осторожно, по глоткам,
Выпью всё до донца.

И спокойно на душе,
Дышится свободно.
Не слетишь на вираже –
Светит путеводный

На холме церквушки крест,
К ней ведёт дорога.
Вдруг – ударил благовест,
В храм зовёт, дом Бога.

Там нисходит благодать
На больные души.
Чтоб во тьме нам не блуждать,
Слово Бога слушать.

Вот за это я люблю
Дух России славный.
Существом всем сознаю –
Нет России равной!

Жёлтый лист

С ветки жёлтый лист сорвался
И, кружась, свалился в лужу.
Мокро, зябко! Испугался:
«Никому теперь не нужен!»
Вдруг удача, вдруг везенье:
Маршируют под зонтом
Соня с Димой! Вот спасенье!
Говорят: «Домой возьмём
Жёлтый лист, поставим в вазу!»
Улыбнулся листик сразу:
«Буду радовать вас, дети,
В ярком солнечном букете!»

Листопад

В лесу осеннем листопад,
Листочки кружатся, летят.
Смешат ушастеньких зайчат,
В траве под лапками шуршат!

Гуляет рядом без пальто
Шутник, пострел – узнали кто?
Сентябрьский лёгкий ветерок –
Один поднял, второй листок.

Над головами закружил,
Смеясь, на землю положил.
Потом сказал:
– Ну всё! Пока!
Прогнать спешу я облака!..

Удивительный концерт

На лугу у тихой речки
Крики: «Браво! Браво! Бис!»
Там кудрявые овечки,
Утки-кряквы собрались.

И корова, и телёнок,
Три козлёнка, пять гусей.
Тут и рыжий жеребёнок –
Всех собрал концерт друзей.

Хором квакают лягушки:
«Ква!» да «Ква!» – с утра поют.
Пучеглазые квакушки,
И хормейстер цапля тут.

Прибежала кошка Блошка,
Не желает отставать.
Очень хочет кошка Блошка
Вокалисток поддержать.

Каждый зритель по кувшинке
Рад артисткам подарить.
Нет кувшинки – по травинке –
Веселее с песней жить!

Надежда СТАХУРСКАЯ

Окончила Московский государственный университет печати, факультет художественно-технического оформления печатной продукции. По специальности художник-график, иллюстратор. Работает в ООО «Медиацентр» г. Ст. Оскол старшим дизайнером-верстальщиком.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

(Сказка о мальчишке, рассказанная мамой на ночь)

Сказ 1

Мальчишке было шесть годочков от роду, когда он остался сиротой. Мама умерла сразу после рождения Илюши. Отец несколько лет ещё столярничал да что-то по дереву работал-резал. Но тосковал сильно, заболел, слёг, так и не встал.

Жил мальчонка с бабушкой Агриппиной Ивановной почти на самом краю деревеньки Луговая, что за Уральскими горами, в таёжном краю. Деревенька была маленькой, на тридцать дворов, но мальчишке она казалась огромной чудесной страной. Старый дуб над обрывом, сочный луг у реки Маслянки с разнотравьем, сиренево-розовый тимьян небольшими горстками, цветущий в конце июля, глубокие синие тени деревьев у воды – всё ему было бесконечно дорого.

В центре деревеньки возвышался барский дом – красивое строение на пригорке было видно издалека. Вот и все достопримечательности.

Жили мальчишечка с бабушкой скромно. Возделывали небольшой огород: росли там капуста, картошка, свёкла и морковь, лук, сельдерей, укроп и петрушка, репа, брюква, горошек сладкий зелёный, сочные огурцы и рыжая тыква. К августу в саду созревали краснобокие ранетки, а лимонно-жёлтые капустницы летали над травой.

Агриппина Ивановна худенькая была, маленькая, но юркая. Уныние не знакомо ей – не до того. Надо внука на ноги поставить. Хозяйничала серьёзно и вдумчиво, к тому же вышивала по вечерам барским детям сорочки. Дostatку не было, но и не голодали. Иной раз в её глубоко посаженных тёмно-карих глазах появлялись озорные огоньки: «Поживём ещё!»

Илюша от природы был мальчик шуплый, ростом чуть больше полутора аршин, силёнок хоть и маловато, но упрямый и смекалистый не по годам. Сам воду носил, хворост в лесу летом собирал. Глаза и без того слегка раскосые, зелёные (от матери достались) сощурит, каждую деревяшку подмечает: из этой – ложку можно бы вырезать, а вот сучок замысловатый, глядишь – птичка получится.

Ходил ещё малец на реку Маслянка ловить рыбку плетёнкой. Был улов – варили уху. Да коту рыжему, который по весне прибился, перепадало.

– Ты, бабушка, не гони его, – просил мальчишечка. – Гляди, какой солнечный да полосатый: мурлычет, песни поёт.

А она:

– Ну пусть мышей ловит.

Собирал мальчишечка летом в лесу грибы да ягоды: малину, ежевику, землянику. По осени – клюкву на болотах, калину в согре... Насушит бабушка боровиков и моховиков на суп – приберёт в льняные мешочки. Отварит груздей – и в бочку с рассолом. Всякой ягоды понемногу – в короба на компот. Травы на чай в пучки увяжут – к потолку подвешат: чабрец-тимьян, душицу, зверобой, ветки вишни, бессмертник, тысячелистник, левкой, шалфей... Зимой, если кто хворал в деревне, всегда к бабке Агриппине шли: за отвар на травах да мазь какую могли и яйца принести десятка два или молока, а кто и мукой одарит. Так и поживали мальчишечка с бабушкой.

В июле огурцов засолили в кадку: перестелили травой разной, добавили драконовой полыни, чтоб хрустели, листьев смородины и вишни для вкуса, заправили хреном, чесноком. К сентябрю собрали урожай, выкопали картошку, подвесили в сенцах связки укропа и лука. Илюша у реки чистого песка набрал, чтоб морковь в погребе пересыпать – так лучше храниться будет. Яблоки в ящики со стружками опустили, благо такого добра осталось от отца немало. Перед заморозками по первому инею заквасили капуста. К зиме приготавлились.

А тут и дожди зачастили. Скучать-то мальчишечка не привык, стал корабрики мастерить из остатков дощечек: ножом обстругает, чтоб форму придать, щепу где для убранства приклеит, мачту из подрезанных веток поставит, парус приладит из коры старой яблони или кусок материи использует, борта раскрасит – загляденье!

Агриппина Ивановна сядет у окна, вышивает да вот такое поёт:

Ай ту-ту, ту-ту, ту-ту, не вари кашу круту,

Вари жиденюкую, молошненькую.

Куму поминать. А де кума?

А й де кума? За ворота ушла.

А й де ворота? Водой унесло.

А й де вода? За горы ушла.
А й де горы? Черви выточили.
А й де черви? Гуси выклевали.
А й де гуси? Во тростник ушли.
А й де тростник? Девки выломали.
А й де девки? Замужья ушли.
А й де мужья? На войну пошли.
А й де война? Война выгорела.
А й де пепелок? Разнёс ветерок.
А й де ветерок? Улетел на восток.
А й де восток? Там, где солнышко встаёт!

Поздними вечерами полуграмотная Агриппина Ивановна понемногу читала внуку единственную книгу в доме.

– Знаешь, как я читать-то выучилась? Достану Библию, уложу на стол и мало-помалу буквы разбираю, складываю их в слова.

Малец спрашивает:

– Бабушка, что за буква?

– Веди, – отвечает. – Знать-познать.

– А эта вот, на жука похожая? – подмечает скелет буквы Илюша.

– Живите.

Мальчишечка слушал, с каждым разом всё больше запоминая. Очень ему хотелось разобраться, как знаки эти в слова собираются...

Кораблики у Илюши все удались – разные: с флажками, якорьками, где один парус, а где и три – в ряд.

Посмотрела бабушка на поделки и говорит:

– Дивно игрушки у тебя получились! Думаю, надо сложить все в лукошко да пойти в воскресенье на ярмарку в село. Глядишь, продадим. А на вырученные деньги купим что нам надо: вон мука давно уж закончилась – лето хлеба не видали. Я для младенчиков распашонки вышила. Садись-ка – кукол ещё намотаем. Пока лоскуты приготовлю, а ты чурочки сделай, глазки покрась.

Как Агриппина Ивановна загадала, так оно и вышло. Собрались в дорогу. Надел Илюша куртку, из отцовского зипуна перешитую, шапку натянул, взяли лукошко с корабликами, сверху положили вышивку. С рассветом побрели на ярмарку за реку Нейва, наказав пятнистой Белянке крепко стеречь двор. А идти надо было без малого шесть с половинкой вёрст.

Холодно и зябко, но им не привыкать. Лужи за ночь подмёрзли, покрывшись тончайшей корочкой, словно изразцы расписной глазурью. Облетела с деревьев листва, обнажив чёрные сырые стволы, поросшие мхом, к середине октября только кедры и ели сохранили мохнатую красоту.

Добрались не спеша в Мурзинку. Ярмарка была в разгаре. Отвернула бабушка платок, которым было укрыто лукошко, – люди вокруг просто ахнули: разноцветные кораблики да куклы многим понравились. Купили для деток своих селяне игрушки. Узнав же, что мастер по годкам до семи не дотянул, на копейки не поскупились. Выручили бабушка и мальчишечка за кораблики почти 12 рублей, по тем временам – большие деньги. Да ещё рубль и 47 копеек за рубашки и платочки вышитые. Рады были: на всё хватило. Купили масла и муки, крупы гречневой, сахару взяли, да ещё деньги остались – яиц приобрести и молока. Так довольные домой заспешили.

Мальчишечка дров наколот, печь затопил, воду согрел, похлёбку собаке запарил – всё успел, пока Агриппина Ивановна к соседям за опарой ходила. Погодя она тесто разное поставила: сдобное на закваске из пшеничной муки и на опаре ржаное для выпечки хлеба. Вот и день к исходу. Умаялся Илюша, уснул сразу. Да и бабушку сморило.

Встали затемно ещё. К утру избу выстудило. Сунул мальчишечка ноги в отцовы сапоги, побежал на двор за хворостом. Растопили как следует кормилицу-печь. Принёс воды ледяной колодезной. Умылся – и проснулся сразу! К утру тесто-то подошло, стала бабушка калачи да булочки лепить, каравай формировать. Выпекли немало – поели на славу! Особенно булочки с сахаром Илюше понравились. Оставшийся хлеб бережно нарезали на сухари, подсушили – и в холщовый мешок впрок.

Мальчишечка без дела сидеть не умел: взялся игрушки к Рождественским праздникам вырезать. Тут и фантазии место было – чего только не сделал: лошадок расписных, птичек, зайчиков, кукол вырезал. Расположились в ряд на столярном столе домики махонькие разноцветные с окошками, кораблики и лодочки, фонарики, саночки, сова, медведь, бельчонок и крохотные ангелы. Бабушка куколкам одежду шила да приговаривала:

– Пойдём опять на ярмарку. Золотые твои руки, светлая голова – красивые игрушки для деток получились! Роско-ошные! – протянула нараспев. – Раскупят люди к праздникам, а нам – денежка на житьё. Я платочков вышила, тоже авось кому сгодятся.

– Баба, жалко всё-то продавать, себе оставить хочется, хоть лошадку...

– Тебе баловать всё! Не до того нам! Лучше к празднику что купить. Кормить тебя надо. Ты мне крепкий нужен, здоровый. А то что я твоим на том свете отцу с матерью скажу?

– Бабушка, давай курочек купим да петушка одного, тогда яички свои будут. А остальное подождёт!

– И то верно.

Собрались когда на ярмарку – мороз трескучий стоял! Как столько вёрст осилить?

– Да, может, кто ещё поедет – на подводу попросимся. Игрушку какую подарим, глядишь, и довезут, – рассудила бабушка да пошла по соседям. И верно, Никифор – пасечник, что рядом жил, – в тот день тоже засобирались излишки мёда продать. Вот они и попросились в телегу. Согласился сосед: вместе-то веселее, да и весят бабушка с мальчуганом немного. От сына своего валенки им отдал, худые немного, но ничего, подлатали пятки.

До рассвета в путь отправились. В Мурзинку доехали быстрёхонько. Лошадка ладная у Никифора была, послушная, резвая, пегого окраса. А на ярмарке – гулянья, чего только нет! Ленты, отрезы, рубахи торгуют, пряники-баранки, самовары и утварь домашнюю разную, прялки, доски, крынки да горшки... Всё цветное, глаза разбегаются... А на одном прилавке шкатулки деревянные лаковые стоят. Так и ахнул мальчишка! Орнамент замысловатый по краям идёт, на крышке роспись цветочная.

– Ничего, вырасту, ещё лучше сделаю! – воскликнул.

– Ты кто таков? А ну катись отсюда, – заворчал старый ремесленник.

– Ты на што попало не глазей, – ворчит бабушка на Илюшу. – Мы по делу здесь, а не праздно гулять прибыли.

Продали игрушки быстро. Под Рождество каждый подарки детям своим покупает. Раньше-то в старину игрушки только вручную и делали. Да и платочки хорошо пошли. Выручили Илюша с бабушкой немало. Купили трёх пятнистых курочек, а петушка Никифор подарить обещал. Муки, масла, сахара и зерна, чтобы новых жителей кормить. Даже на сладкий леденец для мальчишечки хватило. Сильно он любовался, как на зимнем морозном солнце переливается прозрачный топлёный сахар красного петушка. Загрузились к соседу в телегу да домой отправились. Едет мальчишечка и всё бабушку просит:

– Давай веточек еловых к образам поставим? Я их подберу в лесу, на санках домой привезу, а Белянка меня проводит.

Сердится Агриппина, не надо бы в лес одному зимой ходить.

– Не пушу, как бы не случилось беды! – Бабушка была неумолима.

Тут сосед говорит:

– Не тужите! Поеду барским деткам за ёлкой с дворником Фёдором да и вам маленькую прихвачу.

– Ох, спасибо, мил человек! А то, вишь, в лес собрался... Куда ему, мал ещё! Отчего же ты петушка-то не ешь?

– Да, вишь, красивый-то какой, приедем, зарисую и похожего из дерева вырежу, – отвечает Илюша.

А мальчишечка пока ехал, всё думал о том, что будет теперь мастерить к весне. Видел он на ярмарке представление с куклами, понравились ему там лошадки на колёсиках. А потом мысль пришла: если сделать лошадку побольше да такую, чтобы двухгодовалый малыш мог усидеть... Где же взять дощечек на эту величину? Думает: всё равно в лес идти, нужно подходящих брёвнышек найти.

Встал спозаранку, наточил топор, взял отцову пилу, санки из сеней выволок, верёвку крепкую положил, словом, собрался. Кликнул собаку свою, пятнистую Белянку, и пошёл в сторону леса.

Погода в Сочельник с утра была морозная, но благо – солнечная. Ничего, решил, по морозцу работать веселее. Да и лес недалеко.

О ту пору в деревне колядовали.

Коляда, коляда,
Кто не даст пирога,
Мы корову за рога,
Кто не даст пышки,
Мы тому в лоб шишки,
Кто не даст пятачок,
Тому шею на бочок.
Колядка всё тише, да тише, бурый лес всё ближе.

Забрались с Белянкой они к оврагу поближе, где много поваленных деревьев лежало. Нашёл мальчишечка подходящие ему брёвнышки, обтесал, на санки уложил. Не быстро получилось, у шестилетнего-то. Глядит, а солнце спряталось за густые облака совсем, да ветерок поднялся нешуточный.

– Надо домой торопиться, – говорит он Белянке, – поздно уже. Темнеть начинается.

Стали они в сторону дома выходить из овражка, но тут метель поднялась. Да такая, что с ног сваливает, глаза снегом засыпает и не видать ничего, дорогу вовсе не разобрать. Мальчишечка совсем из сил выбился, шутка разве – санки с брёвнами по ухабам везти. Падать стал, Белянка смекнула, что дело плохо, потащила его под ель старую, санки туда же затянула. Есть же упрямство у обычных дворняг! Догадался мальчонка – надо лапы ели самые нижние друг к другу поближе нагнуть, брёвнышки скинул, санки развернул, лёг на них – так и расположился под ветками. А Белянка сверху залегла. Всю ночь мальчонку грела вместо одеяла пухового. Слышат – вой волчий... Испугался Илюша. Крепко Белянку обнял. Да так и заснул: утомился малец, пока брёвна собирал, метель ещё усталости добавила. Снилось ему – бабушка в фартуке на кухне пироги стряпает, тепло от печи и запах травяного чая, маленькая ёлочка в углу под киотом и лошадка на колёсиках расписная посреди горницы стоит...

Мела метель.
Звонарю дождаться б новый день,
А там к заутрене звонить.
Мела метель.

Меня положат на постель,
Скажут, Бог за всё простит.
Мела метель.
Летали ангелы под потолком
И разбивали лбы.
Мела метель.
Меня опустят на постель
С невероятной высоты.
Мела метель.
Мела метель.
Города закутались в дыму,
Смотрели сны.
Летали ангелы и рушились мосты.
Звезда висела на краю,
Смотрела в ад.
Мела метель –
Никто ни в чём не виноват,
Смотрели сны.
Мела метель.
С колокольни лучше виден дом,
А там ждут меня домой.
Мела метель.
Меня положат на постель,
Я замолчу как неживой.
Мела метель.
Сглотни солёную слезу,
И не дыши, и не сердчай.
Мела метель.
Я ничего не попрошу,
Не разглашу – не отвечай.
Мела метель.
Мела метель.
Летели перья,
Осыпая белый храм.
Подарков много на виски,
Но всё не нам.
Поднялась ведьма из трубы,
Я слышал смех.
Мела метель, звала метель,
Качался свет и белый храм.
Мела метель.

Мела метель.
Мела метель,
Как-будто кто-то звал домой.
Мела метель,
Как-будто кто-то звал домой.
Мела метель,
Как-будто кто-то звал домой.
Мела метель,
Как-будто кто-то постоянно звал домой.
Мела метель.
Мела метель.
Мела метель,
Как-будто кто-то звал домой.
Мела метель,
Как-будто кто-то звал домой.
Мела метель,
Как-будто кто-то звал домой.
Мела метель,
Как-будто кто-то постоянно звал домой.
Мела метель...

Сказ 2

Утренний свет разбудил Белянку, пробился сквозь верхние ветки к стволу. Та лизнула Илюшу за щёку. Мальчишечка глаза открыл... Вскрикнул:

– Ой! Белянка, где ж это мы? А как выбираться будем? Хо-олодно!

Но и тут Белянка не растерялась: стала сугроб лапами разрывать. До вер-ху добралась, выскочила наружу, мальчишечка за ней и вылез. Разгрёб он снег, поднял лапы ели, вытащил санки и брёвнышки, увязал заново. Ну – домой скорее. В какую сторону идти? Тропку замело, следов вчерашних не видать... Пригорюнился опять мальчишечка, но звонким лаем его Белянка от дум отвлекла, почуяла она дымок деревеньки, направление указала. Двинулись в ту сторону. Белянка впереди идёт, снег под ней проваливается, мальчишечка повеселел малость. Через некоторое время выбрались на опушку, глядят, а внизу, у берега речушки переполох, людей на краю деревеньки много, подвода, лошади, да вся толпа в их сторону движется. Догадался мальчишечка – их искать вышли...

Бабушка как увидела, что цел внук – в слёзы, забрали мужики его в сани, домой привезли, на печь положили. Дала бабка тёплый липовый чай с мёдом. Растёрла ноги. Уснул малец. А как проснулся, первым делом спросил, где Белянка.

– Да на месте, во дворе Белянка. Что ей станется?

– Бабушка, спасла она меня в метель-то! Как только сил у неё хватило?

Под ель затянула и грела всю ночь.

– Не бойся, Белянке твоей похлёбку всё село носило. Неделю теперь сыта будет.

– Целы ль мои брёвнышки?

– Ох, зачем ты затеял-то тако-ое? – запричитала бабушка. – Сам через то чуть не поги-иб!

– Я лошадку буду делать для малышей, чтобы могли кататься на ней. Чтобы в яблоках, и седло красное, уздечка настоящая, плетёная. Гриву вьющуюся приклею, глазки нарисую, хвост лентой заплету. Привиделась мне она, пока в лесу спал. Продадим лошадку – козу купим. Бабушка, знаешь, как я сделать игрушку хорошо придумал... Будет у нас молоко дома.

– Сегодня Рождество да к тому же день рождения твой! Семь годков исполнилось тебе, мой родной Илюша, завтра уж делать будешь.

– Можно я Белянку в сенцы заберу, мороз крепчает, несладко ей в будке сидеть.

– Забери, чего уж. Крещенские морозы впереди ещё. Пусть в доме будет.

Сбегал мальчишечка во двор, забрал свою собаку, постелил ей ветошь, кашу тёплую отдал да обнял крепко.

– Спасибо, милая, выручила ты меня!

Бабушка напекла к празднику пирогов и сладких коврижек с ванилью и сахаром. Соседи принесли молока. Огонь в печи потрескивал, мальчишечка после пурги в лесу уже совсем оправился и был радостен.

Наутро позавтракал Илюша булочкой с чаем и засел за работу. Бумагу достал, карандаши отцовы – чертёж делать нужно, так просто не приступишься.

...Прошла пара месяцев. На дворе – к весне будто. Мальчишечка лошадку красить стал. Глазки голубые, сама серенькая, да белые яблоки по бокам, уздечку из красной верёвки связал, седло смастерил, обил тканью бордовой из сукна, серебряную тесьму пришил. Не лошадка – загляденье. Покрыл лаком да выставил на крыльцо сохнуть на улице. А сам зашёл в горницу, присел на лавку – сморило в сон. Пока лошадку доделывал – последние ночи почти не спал.

Неподалёку от домика Илюши играли дети барские, увидали они лошадку.

– Настёнка, а давай возьмём поиграть, а потом вернём?

– Давай, – уж больно понравилась лошадка бойкой девчонке.

Побежали барские дети к дому, приказали слугам забрать лошадку и им принести. Так слуги и сделали. Белянка полаяла, да никто не услышал: бабушка в то время к соседке ушла.

Проснулся мальчишечка счастливый – пробежался по горнице, в валенки быстрёхонько обулся и на крыльцо выглянул, а лошадки-то и нет. Тут

заплакал он горько. Бабушка вернулась, как узнала, что случилось, руками всплеснула, запричитала, зарыдала:

– Что ж за ироды-обидчики! За что у сироты лошадку забрали?! Ох, горе-то какое... Да ты не убивайся, всё пройдёт. Скоро вон – Троица.

– Да какая же Троица, ещё и Пасхальной недели не было?

– Вот я и говорю, что всё – пройдёт.

– Мальчонка от причитаний бабушки быстро пришёл в себя – да кинулся её утешать.

– Бабушка, наверное, лошадка моя кому-то приглянулась. Не плачь, новых сделаю. Я теперь знаю, как нужно, да и чертежи остались, быстрее работу слажу.

– Ох, дитячко ты моё ненаглядное, не унываешь никогда... Сколько же в тебе терпения и упорства! – обняла Илюшу старушка.

К тому вечернему часу барин из города домой приехал, глядит, а посреди залы лошадка стоит – деревянная, глазки голубые, сама в яблоках, колёса синенькие, лак в солнечных лучах блестит.

– Ну и диво, откуда ж такая игрушка взялась? – спросил барин у детей своих.

Те только что и смекнули, что отобрали лошадку, а назад-то не успели отпирать, отец раньше положенного срока домой воротился! Ну и признались, повинились:

– Не ругайся, папа! Мы её ненадолго взяли поиграть, да вот вернуть ещё не успели.

– Ух, сорванцы, зачем чужое без спросу взяли и у кого? Отвечайте! – рассердился отец.

– На краю села, последний двор... Там на крылечке стояла.

– У сироты лошадку отняли, негодники, – ещё пуще рассердился барин. – А ведь пост Великий... Останетесь сегодня без пряников. Фрося, распорядись сладкое не подавать! – окрикнул он прислугу.

Поужинал барин, велел коляску запрячь и поехал на край села лошадку воротить.

Слышат бабушка и мальчишечка стук незнакомый в дверь.

– Тяжёлой рукой бьют, кто бы это? – молвила бабушка. – Кто там?

– Открывай, хозяйка, Никита Сафронович, по делу пришёл.

Открыли, хотя и боязно. Илюшка из-за дверей выглядывает.

– Вечер добрый, – поздоровался барин.

– Здравствуйте... – растерялась Агрипина Ивановна.

– Простите, люди добрые, детей моих, – сказал барин. – Не со зла они лошадку взяли, больно она глянулась. Да и я смотрю – что за дивная игрушка! Возвращаю. Скажите только, какой мастер такое чудо сотворил? Я хоть и прочил своих ребятишек, однако лошадка и мне понравилась. Сегодня наказал, но вот подумал и готов им к Пасхе таких же заказать, да подскажите, где?

Мальчишечка-то обрадовался, что лошадку вернули, заулыбался.

– Бабушка, вишь как, продадим теперь – козу точно купим.

– Да вот он – Илюша мой и сделал лошадку эту. За чурками в лес ходил в Сочельник, чутка не погиб-то под Рождество, – отвечала бабушка.

«У, какой ценный работник! – смекнул барин. – Знатный мастер из него выйти может... Интерес!»

– Ты вот что, малец, лошадку эту себе оставь. А на козу я вам денег дам, да ещё и дворника своего, Фёдора, пришлю. Накажу ему, чтобы в лес с тобой съездил за нужной древесиной, на телеге во двор к вам выбранные брёвна привёз. А ты мне к Пасхе Христовой две таких сладь – моим проказникам. Кобылку да коня. За что заплачу тебе хорошо, не обижу.

Бабушка поклонилась, стала благодарить. А мальчишечка просиял: козу есть на что купить и помощь обещана. Но держится с достоинством.

– Спасибо, барин. Уговорились. Буду делать игрушки. Только бы в город съездить тогда: тесьмы купить нужной для путлиц, верёвочку для уздечек, отрез – сёдла шить. Не из старого же сукна опять мастерить.

– Будет тебе и в город оказия, как поеду – возьму с собой, в лавку зайдём, выберем что нужно.

Бабушка деньги на козу приняла, отдала вареньем домашним из лесных ягод и чабрецу дала барину.

– Чай заваривайте, трава эта лечебная, зимой нужная. Илюшка мой по ложкам её летом собирал. Спасибо, барин, за всё.

А мальчишечка сразу за эскизы сел – рисует новых лошадок да думает, как и что. Так за полночь и уснул. Барские дети наутро виниться пришли, да Илюша и не злился вовсе. Понял, что работа его по сердцу пришлась.

Поехал маленький мастер с дворником Фёдором в лес, срубили там деревья нужные, увязали в телеге. Беянка сопровождала их, по обычаю лаяла, радостно прыгая по проталинам. Вернулись – сгрузили во дворе. Всё для работы есть.

Купили козу у соседей, сама беленькая, а копытца чёрненькие, и полоса серенькая на лбу. Молочко теперь было, силы прибавляло – легче с деревом возить. А тут и весна уже к порогу.

Вскоре капель началась. Стучит по крыльцу, с крыши стекает вода. А лошадки уж стоят в сенцах.

– 22 марта, Илюшенька, надобно-то жаворонков из постного теста напечь, – разбудила с утра мальчишечку бабушка. – Пора печь затопить, за водой идти, не поспеть мне к обеду одной.

Мальчишечка помогал, а потом говорит:

– Сегодня важный день, бабушка, значимый! Красить буду.

Краски барин тоже в лавке купил новые. Открывать боязно.

Расписал сёдла узорами, изумрудное – для коня, для кобылки – чистая лазурь, у коня вороного глаза ореховые, а кобылка такая же, как и первая: се-

рая в яблоках, грива белоснежно-бежевая – завитками, глаза голубые, реснички – одна к одной. Сёдла оторочены тесьмой: золотой – у жеребца, серебряной – у кобылки. Уздечки витые: красная и фиолетовая. В хвосты ленты вплёл. Следующим днём лаком покрыл, сохнуть во двор вынес. Бабушка глянула на лошадок под солнышком – ахнула.

Приехал барин игрушки забирать да так обрадовался чудным лошадам, что больше обещанного денег дал, новых игрушек тут же выполнить заказал. Были у него на рукотворные поделки свои виды. И говорит:

– Нанял я учителей в городе, чтобы моих детей грамоте учить. Будут уроки – письмо, история, география, математика. И ты приходи. Каждый день, окромя выходных, к одиннадцати. Не опаздывай. Ты, Илюша, талантливый, смыслённый, грамотным должен стать. Книг тебе тоже куплю и прибор для письма, и бумагу. А завтра в город собирайся. С нами поедешь. Заодно придумай, что для новых игрушек надобно.

Обрадовался мальчишечка:

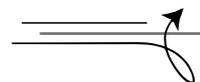
– Самый счастливый день у меня сегодня, – говорит. – Я всегда мечтал читать выучится, батька-то грамотный был, сказки мне сказывал, алфавит показывал, запоминать просил.

– Заслужил ты, внучок, учиться, – сказала бабушка. – Благодарю, барин. Здравья на многие годы. Ну уж завтра Илюшу снаряжу ко времени.

...Мальчишечка внимательно оглядывал всё убранство лавок: «У каждой свой запах: столярного клея и лака, свежей древесины или же красок». В одной он кистей разных попросил приобрести, в другой – тесьму и нитки подобрал, отрез сукна для игрушек. Последней посетили книжную лавку. Её особый, мощный и всепоглощающий запах – новой бумаги и типографских оттисков – запомнит Илюша на всю жизнь. С благоговейной радостью вёз домой мальчишечка, не выпуская из рук, свои первые книжки: «Русские народные сказки», «Среди гор и равнин» и «Сказки Пушкина». Он верил: теперь ему будет открыт такой огромный и разный книжный мир.

– К вечеру дня следующего вернулся внучок мой из города, привёз сокровища настоящие... Покрасили к ночи мы луковой шелухой яички к празднику, испекли куличик сладкий. А наутро Пасха Красная грянула. Всей деревенькой-то радовались.

С тех пор стали бабушка с мальчишечкой хорошо поживать. Утром рано козу доить и траву рвать, бабушка в огород потом, мальчишечка – учиться. Прибежит домой, поужинает, а к вечеру за свои инструменты – игрушки мастерить.

Николай ГРИЩЕНКО

*Родился в селе Орехово Валуйского района
Белгородской области. Автор книг стихотворений
«Опять звонят колокола», «Дождь на плацу»,
«В плену соловьиного лада», «Сентябрь покинутых
полей» и др. Член Союза писателей России.
Живёт в Белгороде.*

***

Горел костёр на берегу,
Вода смеялась в свете лунном,
И блики падали на грудь
Такую чистую и юную,
А пламя лёгкое костра
Нас согревало жаром тихим.
В душе моей стихал пожар,
Взметнувшийся внезапным вихрем...
А ты молчала в тишине
Такой огромной ночи южной
И наклонилась вдруг ко мне,
Сверкнув улыбкою жемчужной...
И мы бежали вдоль реки
И, хохоча, бросались в воду,
И струи чистые текли
С твоих волос на подбородок.
Я их в ладони собирал
И целовал в ночном сиянье...
Как я любил тебя, как ждал
Потом я нового свиданья...
Но время разделило всё
По разным берегам и далям...

А речка наша всё течёт,
Но нас она уже не знает.

***

И опять теплота твоих губ,
И волос твоих запах медвяный.
Величаво раскинулся дуб
У опушки, на сонной поляне,
И кусты наклонились к земле,
Успокоились травы усталые.
Всё притихло, и кажется мне,
Что вокруг никого не осталось.
Мы одни в этом мире с тобой,
И никто нас не видит, не слышит,
Только дуб осторожной листвой
Величаво и медленно дышит.
Он от глаз нас и бед стережёт,
Я ему благодарен за это.
Только жаль, что так быстро пройдёт
Это тёплое, милое лето.
Что же делать, наступит пора,
Отбушуют и ливни, и грозы,
Потускнеет, поблекнет кора,

Вячеслав КОЛЕСНИК

Родился в селе Новая Ивановка Ровеньского района Белгородской области. Учился в Валуйском медицинском училище, служил во флоте на Камчатке. Работал фельдшером, формовщиком, художником-оформителем. В 1998 году в издательстве «Крестьянское дело» вышла первая книга «Семь сказок». С тех пор он написал ещё много интересных стихов и занимательных сказок. В 2010 году за служение Отечеству и русскому слову как автор книги «Юность генерала Ватутина» стал лауреатом Всероссийской литературно-патриотической премии «Прохоровское поле». Член Союза писателей России. Живёт в Белгороде.

КАК ПОМЕНИТЬ ПРОЗВИЩЕ

(Из далёкого детства)

Каким должно быть прозвище – это в нашей деревне знал каждый мальчишка. Оно должно быть не очень длинным и, к тому же, таким, чтобы если уж прицепилось к кому однажды, то отцепиться от него было не так-то просто. Правда, был один надёжный способ отделаться от прозвища – уехать куда-нибудь подальше от того места, где оно к тебе прицепилось. Но способ этот хорош, если ты человек взрослый, а если тебе всего десять лет, живёшь ты в деревне и ходишь в третий класс? Куда ты уедешь?

Вовке Колченохову не повезло. Он ходил в третий класс, жил в деревне, и было ему десять лет. Вдобавок ко всему у него была длинная фамилия, которая сама напрашивалась на то, чтоб её укоротили.

Прозвище к Вовке приклеилось как-то неожиданно, когда мы, деревенские мальчишки, играли в войну. Тут надо заметить, что раньше (а произошло это в далёких 60-х годах прошлого века) в войну мальчишки играли везде – и в городе, и в деревне. У нас в деревне эта игра проходила так. Мы прятались в густых зарослях терновника, вооружены были деревянными автоматами и гранатами. Линия фронта проходила вдоль тропинки – слева кусты, справа кусты. Бои были всегда рукопашные, и встречались противники на тропинке. Были среди нас и «снайперы», которые, как известно, в открытых столкновениях никогда не участвуют. «Снайпер», заметив вражеского разведчика, громко выкрикивал его фамилию, чем и доказывал, что тот застрелен. Вот тут-то Вовка Колченохов, которому в этот раз выпало быть разведчиком, и получил своё прозвище. Да и то сказать – кому охота выкрикивать такую длинную фамилию? Ясное дело, никому, а это значит, что её надо было сократить. Первое, что

приходит на ум, так это слово «кол», но «снайперу» Славдею оно на ум почему-то не пришло. Заметив разведчика Колченоходова, он выкрикнул:

– Колчак!

Так Вовка Колченоходов стал Колчаком. Кто такой был Колчак на самом деле, нам рассказывали в школе. В гражданскую войну он был руководителем белогвардейских войск, сражался против Красной Армии и Советской власти. Так как все мы росли при этой самой Советской власти, то, понятное дело, Колчак не являлся для нас уважаемой личностью, его имя было почти ругательным. И оно, к сожалению, тут же прилипло к Вовке. Прилипло, и никто из нас с этого дня Вовку не называл по-другому. Поэтому Вовка Колченоходов, ставший в одночасье Колчаком, очень обиделся на Славдея. Славдей оправдывался, что слово это у него выскочило случайно, потому что совсем недавно он был с матерью в городе и видел там кино про Гражданскую войну и что в нём много раз повторялось это имя. Вот оно после этого и вертелось у него на языке.

Вовка поверил Славдею и стал думать, как бы ему избавиться от такого обидного прозвища. И придумал. Как только кто-то из пацанов обзовёт его Колчаком, он в ответ обзовёт того каким-нибудь заковыристым иностранным именем. А дальше... дальше посмотрим. Он пошёл в библиотеку и попросил дать ему самую большую энциклопедию. Книга такая нашлась, но уносить её с собой Вовке не разрешили – её можно было только посмотреть и полистать. Вовка полистал и обнаружил в ней немало имён, о которых он никогда раньше не слышал. Вовка выбрал понравившееся ему имя – Сандро Боттичелли, переписал его имя на бумажку и довольный пошёл домой. Дома он потренировался в произношении этого заковыристого имени и стал ждать подходящего случая. Такой случай не заставил себя ждать. Только он вышел на улицу, как тут же встретил Кросю, Лысого и Кулю.

– О, Колчак! – крикнул Крося.

– А ты кто? – спросил Вовка.

Крося, бывший на полголовы выше Вовки, удивлённо, как всегда снисходительно, окинул его взглядом. Вовка не дрогнул. Он не раздумывая выпалил:

– А ты Боттичелли!

– Кто, кто? – не понял Крося.

– Боттичелли! – смело повторил в ответ Вовка.

Крося остановился. Такого слова он отродясь не слышал. На всякий случай улыбнувшись и подмигнув Лысому и Куле, он сплюнул сквозь зубы:

– Сам ты... Боттичела.

Лысый и Куля на радость Кросе подхватили это слово и, тыча пальцами в Вовку, на все лады громко стали повторять его:

– Эй ты, Боттичела! Боттичела!

Так, всего неделю побыв Колчаком, Вовка Колченоходов стал Боттичелой. Он был весьма рад, что так легко сумел получить себе новое прозвище.

Боттичела – это ж совсем другое дело! Это вам не Колчак.

Юрий САВЧЕНКО

Родился в семье геологоразведчика. Детские годы связаны с разными районами Якутии и с Северным Уралом, где работали родители. Школу и Московский геологоразведочный институт окончил в Москве. Работал геологом на разведке месторождений в Донбассе, Монголии, Восточном Казахстане. Осознанному стихотворчеству уже 30 лет. Состоял членом поэтической студии Е. Курдакова в Усть-Каменогорске. Живёт в Белгородской области, в с. Новая Таволжанка. Автор трёх поэтических книг. Публиковался в журналах и альманахах «Простор», «Литературная учёба», «Слово», «Наши современники», «Московский вестник», «Братина», «Нёман», «Пересвет», «Светоч», «Кедр» и других изданиях. Член Союза писателей России.

Неба распахнутый ворот

***

На траве декабря серебристый пушок,
Что-то медлит со снегом зима.
Поднимай недопитое на посошок,
Жизнь дорогой расскажет сама,

Что же всё-таки: птиц – или так, пузыри
Ты пускал из глубин в небеса?
Или сам же назначил себя в звонари,
Высоту словесам приписав?

Серебрится пушок от версты за вершок,
На которой кончается век.
Меж законченных строк, знаешь: ляжет, глубок,
Белый снег, белый снег, белый снег.

***

Декабрь одет в морозный цвет,
Как холм терновый по весне...
Столь перевидал, сколько лет.
И кажется, ступаешь в след,
А будто в детстве и во сне:

Кольчуга дыбом на сосне,
Осыпан стрелами камыш,
И на ковровой целине –
Стерильной, царственной луне –
Бесстрашно наследиламышь.

***

Тучами запад задёрнут.
Дрогнул, оттаял мороз.
Неба распахнутый ворот
Плещется в космах берёз.

Диву даёшься, как скоро
Правила рушит зима!
Солнце летит с косогора
В чан, где кипит кутерьма.

Чем это выльется? Снегом –
Или дождём ледяным?
Змейкою в мареве пегом
По полю стелется дым.

К снегу...

Сел – и осыпался иней,
Ветром разбуженным сдут.
Гусь со своею гусыней
Рады покинуть закут.

Белые птицы на белом,
А позади, за рекой,
Крошится вымерзшим мелом,
Высится берег крутой.

Зябкие лапы, аляя,
Шлёпают, как лапотки.
Катит неслышно Пангея,
Не замедляя круги,

День коротая недолгий,
Двинувшийся на весну...
Прыснули в лёт перепёлки,
Распотрошив белизну.

Всё замыкается кругом –
Голод их снова вернёт;
Гуси смиренные цугом
Рады закончить обход.

Всё этой поздней зимою
Выйдет на круги своя:
Зарева дерзкой каймою
Заткана туч кисея.

***

Цветеньем яблоня объята,
Но, в ложный нисходя флюид,
Капустница подслеповато
На белый камешек летит.

И нам дано мгновенье жизни,
В котором Свет, и в Свете – жизнь,
Но наши хлопоты – о тризне
По чудесам, что не сбылись.

И чувств незрячих ожидания
Вновь без разбору отдаём
Тому, что лишь напоминая
О чём-то непережитом...

***

Чем окрылён, распеваящий птах?
Памятью трепетной в верных сердцах?

Дружбой умов, что зажглись – и мертвы?
Тайной в устах не понявшей молвы?

Или в другом твой земной интерес –
Быть удостоенным слуха Небес?

Полно, умолкни на тысячу лет,
Птицам отдай свой последний куплет,

Пусть он продлится, пока не исчез,
Очерком облака в зыби небес,

Эхом в лесу, отраженьем в воде,
Жизнью – навеки, повсюду, нигде...

***

Благодарю Тебя за дождь,
Что шёл сторонкой, да нагринул.
За колосящуюся рожь
И аромат медовых гранул.

За этот возглас «даждь нам днесь!» –
Как знак доверья без корысти.
За этот срок короткий весь,
Что промелькнёт быстрее мысли.

За то, что мысли не даёшь
Измерить Твоего предела –
Мир лишь настолько нехорош,
Насколько мысль им овладела.

За волю грешную мою –
Иначе б не узнал, что грешен.
За право верить, что пою,
Как май поёт из всех скворешен.

***

Не обуза – бытия налоги,
Пусть бесстрастна и законна смерть.
Сколько братьев меньших на дороге!
Значит, надо под ноги смотреть.

И не в том, не в том, наверно, дело,
Что – гляди, раздавят и тебя.
Видишь, как тихонько солнце село?
Землю бы спалило, не любя.

Над чашей

К закату текли облака.
Легко доверяясь безбрежью,
А ты, от земли далека,
Задумчиво ела черешню.

Как солнце алело внутри! –
Раз в жизни бывает такое.
А ты на стоганье зари
В нездешнем взирала покое.

И не было жаль ничего
Из не обретённого прежде
В сиянье чела твоего
Над белою чашей с черешней.

Станислав МИНАКОВ

Поэт, прозаик, переводчик, эссеист, публицист, очеркист. Автор нескольких книг. Член Союза писателей России. Живёт в Белгороде.

ТРИ НЕБОЛЬШИХ БЕЛГОРОДСКИХ ПОРТРЕТА

1. Анастасия Кинаш: «Внутри у рыбы – Божья речь...»

Творчество Анастасии Кинаш – одно из открытий последних лет на Белгородчине, где, казалось бы, ничто не предвещало явлений подобного рода и уровня. Нельзя при этом и сказать, что поэт Кинаш «упала с Луны» – несколько лет, с детства, она вполне профессионально совершенствовалась в литературной студии под руководством Валерия Черкесова. Нынче для Анастасии настала пора более широкого признания – публикации в толстых столичных журналах, участие в престижных творческих семинарах, лауреатство в конкурсах, интервью в СМИ, выступления перед читателями.

Анастасия Александровна родилась в 1995 г. в Белгороде. Окончила магистратуру БелГУ по направлению «Педагогика». Публиковалась в журналах «Подъём», «Дружба народов», «Арион», «Юность». Победитель VI Международного литературного конкурса К.М. Симонова, лауреат международного конкурса «Верлибр», Кубка мира по русской поэзии (2018), международного фестиваля «Всемирный день поэзии» (2018) и др. Вошла в лонг-листы международной премии «Белла» и премии «Лицей» (2017). Обладатель Гран-при «Оскольской лиры» (2017). Участник форума молодых писателей в Липках (2018), литературного форума «Таврида».

К чести молодого автора двух поэтических книг, ко внешней стороне лит-процесса А. Кинаш относится спокойно-самокритично. А это всегда является залогом требовательности к себе и дальнейшего саморазвития. Ибо писать стихи нельзя научить, а можно только научиться.

Заглянем в книгу «Отрывки из сонника» (Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2019).

У этого автора уже есть отличающаяся от других просодия, своя интонация. Немаловажно: стихи Кинаш музыкальны, в том смысле, что зиждутся на звуке и темпоритме. Это тоже – признаки неслучайности и подлинности дарования.

Многие высказывания поэта Кинаш весьма афористичны и метафоричны, порой кажется, что эти зрелость, мудрость – не по возрасту, однако открыты – налицо, не отнимешь, не утаишь.

Кроме того, в поэзии важна не только «точка зрения», но и точка взгляда, буквально. Анастасия Кинаш целый год смотрела на мир в целом и на мир своих произведений из библиотеки посёлка Ерик, в которой работала. Но её взгляд лишён местечковости. Даже при подробном обзоре окружающего пространства, что называется, по близлежащим углам, Кинаш всматривается во всё с космической пристальностью. И потому снег у неё в стихах идёт не придуманный, а библейский, судьбоносный, горный. И история похорон сельского кота превращается художнической сопричастной волей во вселенскую трагедию.

Когда заката пролегла черта,
И лес вдали был сумрачным и чёрным,
Мы хоронили местного кота
В саду у школы, за цветущим тёрном.

Кот был ничейным, жил тут много лет,
И жил бы дальше, но сожрал отраву.
Егор нарвал взлохмаченный букет
Из ноготков. Вся детская орава

Стояла полукругом в тишине.
И смерть, землёй укрытая сырою,
Гудела медью вязко, как во сне,
Дрожала эхом сонным над рекою.

Стояли тихо. Маялся, звенел
Набат тревожный, взрослый голос мира,
Где души не отбелит чистотел,
Где нет ни карт, ни чёткого пунктира.

Засох букетик маленьких цветов,
В саду опять слышны раскаты смеха.
И жизнь идёт. Но в поступи шагов
Гудит
Гудит

Гудит
Не меркнет эхо.

Да, действительно, можно сказать, что у Кинаш весьма драматический, а то и трагический взгляд на жизнь. Но так ли весела вся русская да и мировая поэзия!

Можно ли сказать, что сочинения Анастасии Кинаш все так уж безупречны? Нет. Но и в шероховатостях заключаются признаки подлинной жизни.

Этот автор много говорит о смерти. Но кому ещё о ней говорить, если не молодым? Послушаем, как именно это делает Анастасия:

Смерть не выходит дымом в трубу – отнюдь.
Смерть остаётся в сердце, вращается в жизнь,
Это не сон, не тьма, не далёкий путь,
Это беззвучный оклик – держись,
Держись.

Пожелаем же и самому автору – держаться. За что? Хорошо бы – за Бога. И за воздух. Высокий и плотный воздух русского слова, русской поэзии. Всё должно получиться.

2. Максим Бессонов: «Я говорю и думаю по-русски...»

Максим Бессонов является одним из самых ярких поэтов молодого поколения литераторов России. Тому есть немало подтверждений и в его биографии. В частности, Евгений Рейн на форуме «Таврида» в 2015 г. высказал суждение, что М. Бессонов является сложившимся поэтом, с самостоятельным голосом, с «лица необщим выраженьем».

Максим Александрович Бессонов родился в 1988 г. в древнем поселке Бирюч на Белгородчине, окончил филологический факультет БелГУ, десяток лет служил учителем русской словесности в школе. Автор трёх поэтических книг и публикаций во всероссийских журналах (в частности, «Юность» и «Алтай»). Лауреат Славянской поэтической премии (Харьков, 2013 г.). Награждён Специальным дипломом Международной молодёжной премии «Восхождение» Общественной организации писателей г. Москвы «Русский ПЕН-центр» в номинации «Поэзия» в 2021 г. Участвовал в фестивале «Шукшинские дни на Алтае» в 2021 г. Был участником Форума молодых писателей России и зарубежья в 2016 (стипендия Министерства культуры РФ) и 2020 гг., а также форума «Таврида» в 2015, 2016 и 2017 гг. Уже пять лет является организатором и соруководителем литературной студии «Пробел» при Белгородской государственной областной научной библиотеке.

Обращает на себя внимание укоренённость молодого автора в русской консервативной поэтической традиции, соединённая с современными интонациями, включая, скажем, такого поэта как Борис Рыжий.

Редкость не только в среде молодых версификаторов: Бессонов понимает, что именно он делает. Со словом, звуком, смыслом. То есть он мыслит и слышит «в материале» как настоящий художник.

Его книга стихотворений «Часовой» (2020), изданная московским издательством «Воймега», представила нам очень интересного поэта, повторимся, учитывающего опыт предшественников и сопоколенников. Книга состоит из двух частей («ПМЖ» и «ЧТД») и является отражением творческой работы автора в период с 2013 по 2019 гг.

условности. молитвы. постулаты.
слов не найти ответить за базар,
но полные ума мои палаты –
трепло, короче, я бы так сказал;

и ленту бесконечную листая,
осознаю: мне просто повезло.
ползёт на крышу туча грозовая.
в квартире пусто. буднично. светло.

так нервный тик смешливой трясогузки
с дворнягой схож, осипшей на цепи.
я говорю и думаю по-русски.
дай обниму.
спокойной ночи.
спи.

Эти строки молодого автора сегодня читаются как пророческие:

история войны на обороте
невзрачной пачки чая «краснодарский»

И про карьерный рост – тоже читаются как предвидение:

деревья надо мною крючковаты.
внутри ограды мир предельно прост.
плывут по небу клочья белой ваты,
предвосхищая мой карьерный рост.

А в этих замечательных строках автор соединил и невольное геополитическое прорицание, и свою службу учителем-словесником в поселковой школе:

так и быть, я, с себя начиная,
свой язык-помело прикушу.
с ним до киева как до китая.
и не то чтобы очень спешу,

но признателен, без экивока,
что пришёл и уйду налегке.
сформулируйте тему урока.
запишите число на доске.

Выросший в селе Алексеевка (родина актёра Михаила Щепкина) и живущий в городе Белгороде Максим Бессонов вполне плодотворно разрешает проблему «граней меж городом и деревней», давая почти буквальный отсыл к Роберту Рождественскому в первой строке строфы и интонационный – к Николаю Рубцову в строке последней:

я помню всё, что было не со мною,
и говорю на странном языке,
порыву ветра гулким эхом вторю,
как тихой песне где-то вдалеке.

Это тоже весьма русское равнинное самоощущение:

как «джомолунгма, или эверест»,
вдруг вспомнишь – и качнётся в полудымке
на куполе церквушки белый крест,
и небо с птицей пролетят в обнимку.

при чём здесь я? ну я-то тут при чём?
кто и зачем мне в голову втемяшил
уверенность безропотную в том,
что мир хорош и побеждают наши?

И наши действительно побеждают. Всегда.

3. Наталья Дроздова: «Парить над землёй, не вставая с колен»

Член Союза писателей России, лауреат премии «Прохоровское поле» Наталья Дроздова – автор семи сборников стихотворений, выходявших в белгородских издательствах с начала нынешнего века. Стиль и интонация, лиризм

и интенсивная духовная жизнь этого поэта узнаваемы. К тому же многие стихи автора известны по публикациям в периодике, книгах, Интернете.

Немаловажно отметить, что Наталья Владимировна Дроздова – выпускница журналистского факультета МГУ, и это, в частности, позволяет ей быть весьма профессиональным редактором журнала о делах милосердия «Добродетель», а также редактором либо корректором многих книг своих коллег и практически всех значимых белгородских литературных альманахов. В духовном смысле существен также тот факт, что Дроздова – постоянная участница заседаний в литературной гостиной митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна. Свидетельством востребованности произведений Н. Дроздовой является, несомненно, и факт написания владыкой хорошего произведения на её стихи.

Поговорим о книге Н. Дроздовой «Сюжет старинного покроя» (Белгород, «Издательство Сангалова К.Ю.», 2021).

Даты написания стихотворений охватывают большой временной период, следовательно, речь идёт об избранном, то есть о творческом развитии автора на протяжении двух десятилетий.

Высокий регистр задаёт первое же стихотворение, в известном смысле эпиграфическое ко всей рукописи, читай – жизни автора, строка из которого дала название книге:

И застучит коса о камень,
и злые искры полетят,
и станут в поле васильками,
наткнувшись на Отцовский взгляд.

И снова оживут герои
честнейшей повести родной.
Сюжет старинного покроя,
Живого Бога путь земной...

Ориентиры и опоры тут названы сразу: «Отцовский взгляд», «Живой Бог». Автор в самом начале словно задаёт пароли, как бы предупреждая читателя: если тебе эти ценности чужды, отложи книгу до иных времён.

Поэт Наталья Дроздова работает, что привлекательно, в русской консервативной традиции стихосложения, усвоив версификационный и личностный опыт предшественников от Пушкина до наших нобелиантов Пастернака и Бродского. («И Пушкин с нами был. И Пастернак свечу хранил».)

Он говорит стихом. Он мне не брат, не друг,
но я ему уже почти что не перечу.

Сама любовь течёт отеческою речью
из благодарных уст в наш сиротливый круг.
А с ней не страшно жить и в храмине пустой.
С ней серо-бурый мир неисцелимо розов.
Он говорит стихом, опережая прозу.
А я гляжу на крест – на чёрном золотой.

Это тоже очень важное, характеристичное восьмистишие. Тут снова неотменимы заглавные слова в ценностной системе и лексиконе автора: любовь, отеческая, речь, а также крест (!) в живописнейшей финальной строке опуска: «А я гляжу на крест – на чёрном золотой».

А разве не чудесны эти строки:

На подворье батюшки Исайи
лет пятьсот не кошена трава.

Или финал другого стихотворения:

О щедрые нивы отцовских владений!
О милой деревни цветенье и тлен!
Простите, простите моё дерзновенье –
парить над землёй, не вставая с колен.

Последняя строка может быть девизом всей жизни автора – одновременно дерзновенной творчески и смиренной духовно.

Есть место в стихах Дроздовой и горечи, и самоиронии. Так, стихотворение «Старая вешалка. Моль. Недошитый саван...» завершается вполне саркастически:

Лампочкой из потолка – sms из рая:
стоит ли душу в ступе мозгов толочь.
Молча над бывшим садом звёзды сгорают.
А соловей, как дурак, им поёт всю ночь.

«Паломница к великим берегам» сестра милосердия Наталия пишет: «И зреют слёзы. И каплет мирра», но мир автора наполнен и радостью земной – бабочками, цветами, деревьями, птицами, зверьём, сельской отрадой, от которых автору, пожалуй, не хотелось бы возвращаться в суетный мир. Тем более что там, рядом с совами и зайцами, висится монастырь. Вообще, у Дроздовой узнаваемы привязки к малой родине – шебекинским

просторам, селу Зимовенька, Белой горе белгородского Савино, Монастырскому лесу.

Но вот где обретается подлинная родина автора – в «реченьях инобытия»!

Простите, гордые пенаты:
реченья инобытия
и чужды вам, и непонятны,
но в них – вся родина моя.

Впечатляющи образы, которые порой находит автор. Чего стоит строка «с февралём, непонятным и грустным, как белый волк»!

Очень многие стихи Дроздовой мелодичны. Мелос в них органично встроен и им присущ. Автор не скрывает, что пишет романсы и песни. И включает их в рукопись книги.

Я же подарков Твоих не умею хранить,
всё уступаю то лжи, то сомненьям, то бедам.
Господи!
Воля Твоя – золотистая нить.
Стены в обители белые, белые, белые...

Или:

Весело, странно деревьям обветренным,
павших селений пожизненным узникам,
листьями машут, вальсируют ветками...
музыка, музыка, музыка, музыка...

А то и почти частушечным хореем, чуть ли не с притопом, даром что тема итога, смысла, обстоятельств жизни пронизывает это сочинение, последнее в рукописи:

Валенки свои надень.
Выйди к огороду.
Как от снега белый день
делает погоду,
как он весь стремится ввысь,
от земных уделов –
посмотри и удивись:
всё как ты хотела!

Галина СЛЁЗКИНА

Родилась в п. Уразово Валуйского района Белгородской области. Много лет была внештатным сотрудником Валуйской районной газеты «Звезда». Член Союза журналистов России, член Союза писателей России. Инвалид с детства 1 группы. Нашла себя в литературе. Живёт в селе Уразово Валуйского района Белгородской области. В 2016 году стала номинантом Международной премии «Филантроп» в номинации литературное творчество.

***

Откуда ты пришёл,
Из снов каких?
Такой любимый,
И такой неожиданный.
На целом свете,
Нет для нас двоих,
Ни тайных встреч,
Ни радостных свиданий...
Всё это только
Боль моей души,
Бессонниц горьких,
Тайная отрада.
Смеюсь и плачу
В сумрачной тиши.
Ведь мне другого
Ничего не надо!

***

Пусть говорят, что время лечит,
Мне эта фраза – «ни о чём»...
Воспоминанья каждый вечер,
Передо мной – к плечу плечо.
И, старый дом, и сад цветущий,
Да вздохи старого отца.

Уж ничего не будет лучше,
Увы, до самого конца.
Не за горами час прощанья,
И скрип распахнутых ворот.
И ни одно воспоминанье
Вовек из сердца не уйдёт.

***

*И горько жалуясь,
И горько слёзы лью...
А. Пушкин.*

В бреду такого не увидишь,
О, Боже, как я слёзы лью!
На этом свете я – подкидыш!
Я проклиная жизнь свою.

Бессонница, воспоминанья,
Не вас ли проклинал поэт?
И бесконечные стенанья
О том, чего уж больше нет.

Все предали, все разбежались,
И лишь воспоминаний тьма.
Пропали и любовь, и жалость,
О, как тут не сойти с ума.

***

Я хочу, как раньше, в гости,
По селу пройти пешком.
Мне ходьбой размять бы кости,
Надышаться ветерком.
Хоть к родне, а хоть к подруге,
Заглянуть «на огонёк».
Ох, любила я по вьюге
Бегать вдоль и поперёк!
Но теперь настало время!
Ни зима, и ни весна –
Всех связало горя бремя,
Вот и я – совсем одна.

***

Палящий зной, и вновь дурные вести,
Как встарь, на брата брат идёт войной!
Преступники без совести и чести
Руководят звереющей толпой.

О, Боже, не конец ли это света?
В детей, старух стреляют, как в собак.
И держит мать, ослепшая при свете,
Убитого ребёнка на руках...

Славяне, православные – очнитесь!
Ведь это всё – невежества чума!
По крови братья, крепче обнимитесь,
И защитите отчие дома.

Анатолий КРЯЖЕНКОВ

Родился в посёлке Алексеевка Воронежской области. Краевед, член Союза журналистов, член Союза писателей России. Автор многих книг, в том числе «Алексеевка: историческая хроника», «Оправдан историей», «Соловей Украины» (совместно с В. Канунником), «Корни родства», «Верой и правдой», «Алексеевка – город на Тихой Сосне» (совместно с А. Лукьяновым), «Пешком по Алексеевке» и др. Живёт в г. Алексеевке.

НЕПОВТОРИМО И СВЕТЛО

Стихи и проза белгородца Юрия Макарова (1953–2020)

1

Бывает так, что от многих встреч с человеком в памяти остаётся не красноречивый эпизод, а складывается общее впечатление. К общению с Юрием Макаровым не раз приводили литературные будни. Разными были эти встречи: то в одной аудитории, то в тесном писательском кругу, то на алексеевском «Удеревском листопаде», куда он охотно приезжал. Крепко сложенный, полнощёкий, весёлые глаза, разговорчивый, внешним видом сразу располагающий к себе. Может заразительно смеяться. И своей шутке, и чужой.

Но один случай запомнился. Однажды оказались вдвоём в одном номере белгородской гостиницы во время Всероссийского творческого праздника-фестиваля 2007 года. Юрий Иванович, как обычно, шумно рассказывал о своём житье-бытье с ироническим или юмористическим оттенком. Вспоминал сельские байки, которые неиссякаемо держал в голове.

Заговорили о детской литературе. Напомнил Макарову, что его причисляют к детским поэтам. Начали размышлять. Где та грань, которая разделяет талант в обращении к подрастающей аудитории и дилетантство, а то и графоманство? Юрий Иванович изрёк:

– Думали, будут помнить Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо...», а предпочитают простые строки Барто: «Наша Таня громко плачет...». Вот и найди эту грань.

«Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется» – мы в один голос вспомнили тютчевские классические строки. Мой собеседник уточнил, что нет детской литературы, а есть настоящая или поддельная для детей. Я подключился, вспомнив расхожее суждение, что для детей надо писать, как для

взрослых, только ещё лучше. Юрий Иванович иронически поддакнул, дескать, многое знаешь.

– Слушай, – пристально посмотрел он на меня, – я прочитаю тебе одно стихотворение.

Кто бы стал возражать. Юрий Иванович выразительно продекламировал:

*Хорошо живёт Трезор:
Светлый дом, вокруг забор...
Есть и сад, и огород –
Всё там пахнет и цветёт.
А случись к Трезору гость –
Есть и сахарная кость.
Любит старенький Трезор
Свой уютный тихий двор.
Здесь встречаться бы с друзьями,
Но тоскует в том дворе
Жадный, злой его хозяин
В трёхэтажной конуре.*

Юрий Иванович вопросительно посмотрел на меня:

– Ну, что? Это детское или взрослое стихотворение?

– Конечно, взрослое, – начал размышлять я.

Юрий Иванович удовлетворённо хмыкнул и заявил, что стихотворение поместил в цветную книжку для детей «Хорошо живёт Трезор» (2013 г.). «Вот и проведи эту грань», – засомневался я.

А её, эту грань, проводить не стоит. Юрий Иванович своим творчеством подтвердил, что пишет одинаково талантливо для младших и старших. С младшими он общается «вот уже более тридцати лет». Так подсчитал в книге «Записки настоящего поэта» (2013 г.). При этом уточнил: «Я встречаюсь с детьми, начиная от детсадовского возраста и заканчивая ребятами последних лет обучения в школе... Во время этих встреч дети иногда наповал сражают меня своей логикой, неординарностью мышления».

В книге воссозданы образцы детской логики. Вот одна из них в диалоге:

– Ну, хорошо, Лёша из 3-го «б», как ты думаешь, про кого будут рассказы в книжке «Рядом с нами – с четырьмя ногами»?

– Думаю, про пьяницу! – громко выпалил Лёша.

Понятно утверждение Юрия Макарова в той же книге: «Выступать перед малышами в детских садах всегда весело и интересно». Нам из широких откликов известно: детям с ним ещё интересней. «Дядя Юра», такой улыбчивый и доступный, читает выразительно, часто наизусть. В его коротких и ёмких стихах – увлекательные, смешные истории про котиков, ёжиков, петушков,

лягушат, пчёлка, синичек. Про всё, что в центре детского кругозора. Ну, например:

*Как-то раз один зайчишка
Стал читать большу-ую книжку.
А листики у книжки спелые:
То зелёные, то белые,
Сочные, блестящие,
Сладкие, хрустящие...
Интереснейшая книжка –
Дочитал до кочерыжки...
Фух!*

Нетрудно догадаться, как шумно загалдели малыши, когда уразумели, что зайчишка «прочитал» капусту. В руках у Юрия Ивановича – раскрытая раскрашенная «Иришкина книжка» (2015 г.), он улыбочиво нахваливает: «Какие вы смышлёные!»

Во имя привлекательности и доступности стихов для детсадовского возраста Юрий Макаров предпринял «семитомное» издание под девизом «Мама, почитай!» (2007–2012 гг.). Вышло семь книжек-картинок в 12 страниц каждая. В них – по пять коротких стихотворных сюжетов. Потому без преувеличения скажем, что соавтором выступила художник Татьяна Ещенко, красочные иллюстрации которой в первую очередь завораживают взгляды малышни, а стихи Макарова – расшифровывают рисунки.

Почему не представить такую непосредственную семейную картину с малышкой на диване, прислонившейся к бабушке. Та ей читает, а внучка всё внимание на рисунок – розовощёкую девочку с цветком. Будто видит себя:

*Как на розовый кусток
Дунул ветер-ветерок.
Полетели лепесточки
Прямо Светочке на щёчки.
Стали щёчки розовыми –
Розово-морозовыми.
Расцвели цветочки –
Светочкины щёчки.*

Тут всё: соразмерный детскому восприятию слог, насыщенная звуковая гамма стиха, пробуждающееся воображение ребёнка. Продиктовано душой. «По заказу не пишу, не могу. Когда изнутри подопрёт, тогда и строки идут сами собой», – как-то обмолвился Юрий Иванович.

От юмора до насмешки – один шаг. Автор широко ступил на свойственную ему стезю ещё в 2011 году, выпустив сборник стихов «Карабас

и третий класс». Избранное из этого томика поместил «В нашем классе» (2018 г.). В книжках – иронические истории про тех, кто «ходил в третий класс». Вот самая короткая:

*Дед Мороз принёс конфеты
И пахучий апельсин,
Съел я всё под одеялом,
Чтобы Вовка не просил.*

Что же вообще привлекает в строках для детей Юрия Макарова? Лёгкий и свободный язык, нередко с комическими интонациями. Согретые сердечным теплом строки, дети их легко запоминают. Автор находит живые детали, раскрывающие облик или поступки юных непосед. Под статью «нетленке»: «Наша Таня громко плачет...». Словом, это увлекательное для души и разума чтение, которое выводит ребёнка в широкий мир, где есть место товариществу, честности, вежливости, доброте, родной природе и животному миру. По большому счёту, с рифмованных строк начинается самовоспитание, обогащается умственный и душевный мир ребёнка.

2

Вернёмся к истокам сочинительства Макарова для старших, к тому, на что меньше обращают внимание в читательских кругах. Начинал он с «профильных» текстов, то есть с тех, чему учился. В 1995 году вышел первый его прозаический сборник и назывался «Рассказы из ветеринарной сумки». Сумка у Юрия Ивановича в самом деле была. С ней его приглашали на ровеньские подворья, в которых занемогла живность. Молодой специалист после окончания Красногвардейского (г. Бирюч) сельскохозяйственного техникума с дипломом ветфельдшера не только лечил коров и овец, но и приметливым глазом замечал подробности сельского быта. Замечал и отмечал на чистом листе. Так появлялись рассказы, лучше сказать рассказыки, поскольку все они были сдобрены изрядной долей юмора. Во всех эпизодах действующие лица – рассказчик, считай – автор, сельские жители и четвероногие.

Прочитав это сборник, я представил, как Юрий Макаров идёт вдоль улицы, а к нему, выйдя за калитку, старушка с вопросом: «Ты будешь ветеринар?» «Ветеринар, бабушка», – поправляет он сельчанку и выслушивает жалобу. Идёт дальше, снова вопрос: «У тебя там таблеток каких-нибудь нет?» Уточняется – зачем, оказывается, у бычка расстройство желудка. В обоих случаях ветеринар раскрывал свою сумку.

Для убедительности перескажем один сюжет. В рассказе «Диетотерапия» проверенным способом рассказчик лечил бабушкиного кота, не в меру откормленного. «Третий день не ест», – пожаловалась старушка. Посоветовали владелице оставить животное в лечебнице и прийти за ним через три дня.

«Заелся кот у бабули», – сделал вывод ветеринар и посадил кота на «диету», то есть запер в ящике. Через три дня сердобольная бабушка пришла с колбасой. Увидев копченость, «кот вцепился в неё зубами, дико заурчал и заметался с ней по сарайчику, никого к себе не подпуская».

А далее – подобные ситуации, которые наблюдал ветеринар. Пожаловался пенсионер на заболевание свиньи рожей («Рожа, наверное...»). Дескать, вся в красных пятнах. На месте увидели, что хрюшка напоминала «румяную кустодиевскую купчиху». Глянули в корыто и рассмеялись – пятна от столовой свёклы.

«Салют в мою честь». Рассказчик вставил кольцо быку в носовую перегородку «живодёрским способом» – без наркоза. Грозные животные злопамятны к тем, кто причинил боль. Теперь при появлении ветеринара вблизи бык «салютует» в его честь – волнуется, зелень «рогами выкидывает из кормушки», загородка ходит ходуном.

Привязанность к живности проявилась и в более позднем издании с чудным названием «Сардельки в полосочку» (2016 г.). Юрий Иванович со всей душевной теплотой поведал нам о домашних «братьях наших меньших» – кошках и собаках. Читаем строки о кошке: «Верочка большая, роскошная. Мне кажется, что люди слово ”роскошная“ придумали, когда на таких кошек смотрели. Но сначала оно, наверное, звучало так: ”рос-кошк-ная“, а потом буква потерялась и стали говорить просто ”роскошная“. Шерсть у Верочки такого цвета, как будто кто взял белую вату да и обсыпал её пеплом. Глаза жёлто-зелёные, хвост пышный. Одно слово – красавица».

Читаем и сами проникаемся симпатией к этой роскошной Верочке, к нашим пушистым и доверчивым четвероногим спутникам. Появляется желание обзавестись подобной красавицей.

Правда, Макаров как-то посетовал в «Записках настоящего поэта». Он смотрел телевизор, а на дворе – непогодь. Явился односельчанин и попросил осмотреть заболевшую свинью: «Я собрал сумку и шагнул в дождь и темноту. Неохотно, конечно. В плохую погоду мне всегда неприятно покидать домашний уют».

Да и кому «охотно»! В том призвании ветеринара, как и медика, собрать сумку и шагнуть «в дождь и темноту». Юрий Иванович ведь не отказал просителю. Думается, строки выше продиктованы сиюминутным настроением. Свой профессиональный долг он выполнял достойно. Безграничную преданность животным автор подтвердил в рассказах, вышедших из-под его пера.

Не из той ли «Ветеринарной сумки» начал пополняться творческий портфель автора и воплотился в «Ровеньские залепухи» (1997 г.), где сюжеты переросли лекарские наблюдения? И к гадалке не ходи, почерк тот же. Заметно, что характеры толпой теснились в голове Юрия Ивановича.

Выберем самый короткий эпизод – «Сироты»: «Все знают, что Сашка потерял родителей. По характеру он человек ровный, весёлый. ”Смотрю на тебя, Колян, – протяжно говорит он Николаю, который во весь голос матерится у сельмага, не оглядываясь ни на стариков, ни на женщин с детьми, – так

выходит, мы с тобой братья-сироты: у меня – ни отца, ни матери, а у тебя – ни стыда, ни совести“».

В той ранней книге встретим мы разные характеры. Застал председатель колхоза мужика, который таскал сено с фермы и окликнул: «Я кому говорил, больше не бери!» А тот кряхтит из-под ноши: «Дак я больше и не подниму».

Познакомимся с каменщиком, представляющем «липовые» бюллетени, с выпивохой, который «если бы сейчас не выпил, то завтра бы уже два дня было». Мы смеёмся вместе с сельчанами над лектором, нудно читающим «лекцию с бесконечных листков» и не ответившим на каверзный вопрос. Понимаем иронию собеседников, полагавших: «если б председатель на нашей улице жил, может, и замостили бы её».

Нет, это не «чудики» из «Характеров» Василия Шукшина, по простоте душевной попадающие в конфликтные, а то и нелепые ситуации. Это люди «с активной жизненной позицией», правда, несимпатичные. Привередливый читатель может упрекнуть автора. Ну неужели он на своей родной ровеньской земле не нашёл людей без ущерба? Все персонажи рассказов выставлены насмешливо, иной раз сатирически. Неужто среди земляков он не встретил лиц, заслуживающих доброго и сердечного слова?

Если вспомним «Ревизора» Н. Гоголя или персонажей М. Салтыкова-Щедрина, рассказы М. Зощенко, то вопрос снимется сам собой. А подход Юрия Ивановича расценим как продолжение гоголевских традиций.

Не мог коренной сельский житель Макаров представлять читателям якобы чистые души крестьян, их слабости – невинные. Для него высшая форма уважения к человеку – живописать таким, каков он есть на самом деле. В том – трезвая любовь к землякам, его писательская зрелость.

Но и у сатириков-классиков сведущие литературоведы находили главного героя – смех. Мы в потешных ситуациях Макарова отметим не только смех, частенько замечаем работающих и сметливых крестьян. Их встретим в «Ровеньских залепухах». Вот некий Сергей Константинович – «мужчина лет за сорок, спокойный, «валушковатый», «но каменщик он – золотые руки». У Ивана Никаноровича сын Петро – «парень статный, симпатичный, до работы охочий». Или «бабка Агафья не робкого десятка – в войну на фронте пекарем была, до самой Праги солдат хлебушком кормила». Да и председатели колхозов не без достоинств: «Например, Макар Иванович во время гражданской войны был личным ординарцем у самого Ворошилова, имел множество боевых наград. Колхоз его гремел на весь район».

В «Залепухах» юмор – мягкий, ирония – беззлобная. В них не найдём горьких и ядовитых строк. Макаров не бичует недостатки, видит жизнь, как говорил Шукшин, «с точки зрения нормальных людей». Хотя у автора нет почтительного отношения к большинству персонажей, зато заметно благоговейное восприятие сельской жизни. Автор словно купается в родной сельской стихии.

Но вот последовали «Дерезовая любовь» (2018 г.) и в том же году «Хорошо ли быть женатому». К этому времени Юрий Иванович прошёл штудии

Литературного института им. М. Горького в Москве, оттачивал стиль для публикаций во многих столичных и региональных изданиях, в том числе в журналах «Наш современник», «Роман-журнал. XXI век». Стал членом Союза писателей России.

«Дерезовая любовь» – это новый сборник житейских наблюдений, родной брат «Залепух», в которых автор продолжает иронически воссоздавать обыденность. Но он далёк от простой заботы – потешить читателя, заставить его улыбаться. В них богатый внутренний смысл. Первый рассказ «Как началась перестройка» тому подтверждение. Сюжет таков. Два хмельных мужчины на глазах у компании начали мериться силой. Борьба переросла в драку. Дед Василь сделал мудрый вывод: «Ото видишь, Сашко, так и перестройка началась – сначала боролись, а потом то не туда крутнул, то даже сильно придалвил. А теперь видал что?»

Макаров по-прежнему видит бытие во всех противоречиях, в переплетении страстей. Таковы рассказы «Вези, Васька!», «Зуб», «Козодой», «А нашедши плачем».

Есть и некие повторы раннего. Обратим внимание на первый абзац «Волшебной мази»: «Матвей Иванович подрался с кумом – Петром Сергеевичем. Событие это для обоих кумовьёв рядовое. Привычное событие. Минимум раз в полтора месяца между ними это происходит. Дерутся они, как правило, на открытой местности... Драка обычно происходит между кумовьями после распития двух-трёх поллитровок крепкого, терпкого напитка домашнего приготовления».

Догадливый читатель предположил, что абзац родился не без «подсказки» гоголевского сюжета «Повесть о том, как Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем». Если и так, то что? Иным представляется, что всё в подлинной литературе – оригинальное. Не стоит заблуждаться. Нам уместнее согласиться с положением о творческом продолжении литературного наследия. Какие доводы найдём на то, что пушкинский «Евгений Онегин» написан после внимательного прочтения поэтом «Паломничество Чайльд Гарольда» Байрона, позже – лермонтовский «Герой нашего времени»? Если копнуть глубже, мы все подражатели, поскольку используем азбуку Кирилла и Мефодия.

Жизнелюбивый и расторопный Юрий Макаров, глядя на ближних и дальних сельчан весёлыми глазами, не мог оставить без внимания «дерезовую любовь». В селе о ней все знают, перешёптываются, а принародно – умалчивают. «От людей на деревне не спрятаться», – утверждает известная песня. Писатель на то и принялся повествовать о земляках, чтобы ничего не утаивать. Несколько рассказов в «Дерезовой любви» он посвятил похождениям дамских угодников и уступчивым женщинам. Вот ключевая фраза ко всем сюжетам в рассказе «Хорошо ли быть женатому?»: «К женщинам Федос относился с искренней мужской нежностью, за что пользовался их благосклонностью и неотвратимой безотказностью».

Дадим любознательному читателю возможность самолично прочитать эти страницы. Мы же отметим народность картин автора, его удивительно чуткое ухо. В том смысле, что разговорная речь персонажей – не придумки. Услышал и не исказил. В рассказе «Жизненный опыт» умудрённый годами и делами мужчина спрашивает у женщин, выгоняющих коров на пастбище: «Тань! Что это ты проспала? Никак Жучок взял за бочок?» Татьяна так и взвизгивает: «Какой там бочок! Третий день – в стельку! Ни ”му“, ни ”бу“! Когда вы её только нажрётесь!» – вдруг визгливо переходит она от частного к общему. – «Уэтой бабе Соньке нехай и руки, и ноги поотсыхают с её самогоном вонючим! Своего б Валерку поила. Так нет! Жук купит! А Жук и купляет, а потом нажрётся и прётся домой – не мужик, а одни штаны». Следом вопрос другой женщине: «Оль! А тебя Петька сегодня утречком точно к подушке пригваздывал. А?» Ольга улыбается, зыркает быстрыми глазами на Володю, затем на Фёдора Ивановича и с какой-то томной сладинкой в голосе: «Ох, Фёдор Иванович, вы только и знаете про такое говорить».

Автор остаётся верен себе – на всё лукавый взгляд. Народность его картин в том, что часто и густо сдобрена диалектами: «зашуганная», «юшка», «растрошил», «людина», «дрын», «трёп», «худоба»... Придают «мускулистость» тексту сравнения: «худой, как шпиль Останкинской телебашни, бывший шофёр», «дело было простое, как веник», «мужик он симпатичный, молью не потраченный», «неудобно на потолке спать – одеяло соскакивает», «чародейные девятые годы». А вот развёрнутая метафора: «Раннее деревенское утро. Солнце, красное ото сна, только-только начинает потягиваться».

И всё же сарказм изредка пробивался сквозь благодушие Юрия Ивановича:

*Широка моя страна –
Во все стороны вольна.
Много в ней полей и рек
Испохабил человек.
И доволен сим сполна
Смотрит:
– Вот моя страна!*

Макаров сочно и вкусно воспринимал жизнь. Ему присущи наблюдательность, а в прозе – подлинность в малейших подробностях, «цепляющее» ум изложение. Свои рассказы Юрий Иванович не стилизовал, в них он запечатлел жизнь.

3

А вот и сугубо серьёзный, взволнованный Макаров! Поэтический дар Юрия Ивановича, проявившийся в детских стихах, заявлял о себе парал-

лельно лирическими строфами, но «вышел на люди» отдельными изданиями позднее – «И дыхание зашлось...» (2003 г.), «Неповторимо и светло» (2012 г.). А в них – «наука страсти нежной», любовные переживания, переданные в авторском исполнении. Переданы искренне, доверчиво, обнажая потаённые струны души. «Ничего не забылось, Ничего не сбылось... Только сердце забилось, И дыханье зашлось» – обострённое безответное чувство. «Так и быть, размахнусь я сплеча, бестолковую силу растрачу И помчусь, твоё имя шепча, по полям, по лесам – наудачу!» – притягательная крылатая сила любви. «Позвольте вас обнять перед дорогой И пожелать счастливого пути. Позвольте взгляд запомнить ваш нестрогий и рядом с вами медленно пройти» – расставание с любимой в духе строк А. Блока о Прекрасной даме. «Перегрелись голова и тело, Что нам суета? Ведь мы вдвоём! Утонуть душа моя успела В шёпоте взволнованном твоём» – чувственная страсть, «высокое давление» в крови.

Остаётся только удивляться дарованию Макарова, способного тонко подмечать детали из жизни простолюдинов и одновременно слагать рифмы под диктовку жарких сердечных чувств.

Подобный душевный настрой и в более поздней прозе. Он выражен в книге Юрия Ивановича «Батины рассказы» (2013 г.). Сборник построен, как можно догадаться, на воспоминаниях его отца, Ивана Фёдоровича. Юные годы Макарова-старшего выпали на военное лихолетье. Какое оно у поколения детей войны? Писатель неуклонно следует «батиным» воспоминаниям, которые он бережно записал, потом воплотил в литературный жанр.

Отец автора ничего не выдумывал, рассказы его бесхитростны. Только о том, что было и осталось в памяти. Но под пером Юрия Макарова немудрёные повествования отца приобретают многомерность, содержат смысловые пласты, при беглом прочтении незаметные.

Нам хорошо известно, в оккупации жизнь женщин, стариков и детей подвергалась унижениям и опасности. И это постоянно упоминалось в «батиных рассказах». Позволим себе привести пространную выдержку из воспоминаний.

«Так вот, немцы, как зашли к нам, начали по хатам шастать: ”Яйки, млеко, – кричат, – тавай, тавай!“ Зашёл и один к нам в хату. Здоровый, весёлый, с автоматом наперевес: ”Матка, яйки, млеко тавай!.. А то, пу-пу-пу“» – говорит и на нас с Маней и Колей палец указательный наставляет, как пистолет. Мы все на лавке сидим, прижались друг к другу. У меня одна мысль: хоть бы в стол не заглянул. А он, представляешь, открывает стол и сразу за горшочек. Мачеха как крикнет: ”Не трогай!..“ – и к нему подалась. А он на неё автомат наставил: ”Но-но, матка...“, а сам пальцы в горшочек запустил, масло попробовал: ”Гут, гут...“, – сапогом по двери хряснул и ушёл весёлый... Поплакали мы, а что поделаешь?..»

«И вот тут началось, – вновь переживал отец наступивший голод в рассказе «Горшочек масла». – Почти неделю у нас крохи на столе не было. Представь, есть хочется... Походим мы, походим вокруг стола, откроем, а там ничего нет».

Сразу обратим внимание, как живо обрисована ситуация прихода (шастания) довольного собой немца с автоматом наперевес. Его самоуверенное поведение с пугающей готовностью применить оружие даже против детей. Забрал единственный источник питания семьи, «сапогом по двери хряснул и ушёл весёлый». Это яркая обрисовка оккупанта – человека бессердечного и надменного.

Рассказчик, за спиной которого явно угадывается автор, размышляет: «Да-а, досталось бате. Не дай Бог такое внукам пережить...». Сын «на мгновение представил своих маленьких внушек и внука у того военного пустого прадедовского стола, дыхание у него сразу перехватило, к горлу подступил комок, защемило сердце».

Былое вдруг мысленно встало перед глазами рассказчика. Начинается размышление о племени детей войны, о перенесённых им страданиях и о последующей напряжённой жизни, выпавшей на время разрухи и восстановления хозяйства.

В рассказе «Папаха» – свойственное мальчишкам показное геройство. «Это ж самый возраст такой: отваги через край, за душой ещё ничего нет, а смерть... В таком возрасте пацан думает, что умереть может кто угодно, только не он», – размышляет Макаров-старший, вспоминая об «игре» с фашистским лётчиком. Вместе с закадычным приятелем, «как зайцы на дорогу», выскочили и бегали, а заметив, что самолёт настигает, оба падали, и пулемётная очередь пролетала мимо. Только у дружка Петьки папаху пробило пулей крупнокалиберного пулемёта так, что два пальца пролазили. Ещё бы чуть, и голову раскроило...

Ещё один отчаянный сверстник Макарова-старшего по имени Митя под носом у заснувшего немца-часового, «как ящерка из тёрна», залез в кузов грузовика, чтобы разрезать покрышку колеса мотоцикла и достать резиновую камеру. И «стибрил». Резина эта нужна была для рогаток – главной забавы мальчишек.

«Знай только направляй таких куда тебе надо, – заключает воспоминания отец о четырнадцатилетних сверстниках, – на таких пацанах всякие революции держались». И повествование из военного времени переходит в иную плоскость: в размышления о возрастных особенностях, о бесшабашной или осознанной социальной активности подростков. Вспомним строку М. Горького: «Безумству храбрых поём мы песни...».

В том и природа художественного произведения, что оно в глазах читателя обретает смыслы, которые ему открываются и не входят в русло самого автора. Мы вполне оправданно можем говорить об искреннем сыновнем желании Макарова воссоздать страницу «отцовской» истории малой родины в людях и судьбах. Ту страницу, о которой более никто не поведает. О «втором фронте» подростков и женщин в тылу.

Новые смыслы открываются нам и в посмертных периодических публикациях Макарова. В журнале «Подъём» (2022, №3) рассказ «Свои» о бежен-

цах из Донбасса. Красивая Люда Тихомирова и сынишка Ваня оказались под радушной опекой сельчан. А её муж остался в ополчении на защите родного дома и родной земли. Молодая женщина постоянно расстраивалась в незнакомом крае. Сынишка утешал её: «Не плачь, мама, папка им чертей накидает!.. Так дедушка Иван говорил». Устами младенца глаголет истина – утверждает известное изречение.

Другой рассказ «Жалеванные детки» – о подростках-хамах, которые оскорбили пожилого человека (окатили из ведра холодной водой и дали пинка). Мужчина всего-навсего сделал им замечание на сплошное сквернословие. Он после плакал, сокрушаясь, как могли воспитать таких негодяев. Всё жалели их. Вот и выросли «жалеванные» детки.

Последний рассказ «Муму и Мума». В подворье сельской семьи подкинули шестеро щенков (не отпускает «ветеринарная сумка!»). Хозяин решил их утопить и не смог, вернулся с мешком, в котором лежали собачонки. Жена выругала супруга и сама взвалила на себя мешок, чтобы завершить недоброе дело. Вернулась домой с тем же мешком и щенками, но мокрая с головы до ног. Когда бросила мешок в воду, кутята запищали, она не выдержала и бросилась в уже холодную воду позднего августа.

Три рассказа отражают позицию автора – болит его душа. Он переживает о судьбе семьи из Донецка, вынужденной расстаться в тревожное время. Жена и сын уехали в Россию, подальше от огненного смерча боевых действий, а муж остался защищать родной дом от нацистов. Не спокоен Юрий Макаров, повествуя о плодах воспитания, результаты которого выливаются в пренебрежение к мнению старших. С тревогой следит за поступками супругов, которым во двор подкинули шестерых щенят. Муж и жена по очереди запальчиво относили их к реке, но утопить не решились. Победила человечность. Всех цуцыков постепенно раздали в надёжные руки.

В 2022 году в Белгороде вышло избранное Юрия Макарова в прозе (два тома) и стихах (один том). Для читателя – это подлинный подарок. Мне всё же дороже книги, которые выходили при жизни Юрия Ивановича. В них то-варищеское дыхание автора, все они – с его дарственной подписью.

Ирина КАРАГОДИНА

Родилась в п. Вейделевка Белгородской области. Окончила БелГУ. Работает главным специалистом архивного отдела администрации Вейделевского района. Печаталась в районных и областных газетах, в областных альманахах «Светочь», «Звонница», «Молодёжный альманах», журнале «Добродетель», воронежском журнале «Подъём», в московских изданиях «Роман-журнал «XXI век», «Литературная газета», в сборниках Союза писателей России «Порохом пропахшие слова»,

«Позывной – Победа!», антологии современной патриотической поэзии «ПоЗыVной – Победа!». Автор сборников стихотворений «Сиреневое лето» (2017), «Узоры» (2019), «Осенний разговор» (2021), книги стихов для детей «Улыбчивая пятёрка» (2022). Победитель конкурса «Новые имена Белгородчины» (2019). Член Союза писателей России.

На Пискарёвском кладбище

Тишь...
Пискарёвское кладбище...
В сердце стучит метроном,
Дым от былых пожарищ –
В горле застывший ком.

Сгубленных сотни, тысячи...
Это о них смогла
В камне навеки высечь
Ольга Берггольц слова.

Верю – ничто не забыто,
Знаю – никто не забыт,
...Тётя моя тут зарыта,
Дядя мой здесь зарыт.

В общей лежат могиле,
Жить бы им – не умирать.
– Господи, дай мне силы, –
Горько стонала мать.

... В небо седое глядя,
Скорбный несу букет...
Ване – двухлетнему дяде,
Раечке – тёте, трёх лет...

Гаврилыч

Бессмертный полк шагает свято
По всей стране, который год,
Чеканят шаг в строю солдаты,
А вот Гаврилыч – не идёт.
Он ранен был и не однажды,
Но рвался в бой, не пасовал.
Детишек он своих не нажил,
На фронте ногу потерял...
И мне теперь, бывает, снится –
Высокий, строгий наш сосед.
Как будто палкою грозитя
И кажется, что он – мой дед...
Найду портрет, поставлю в рамку.

Достоиню жизнь свою прожив,
Пройдет Гаврилыч под «Славянку» –
Он это право заслужил!

Антоновка

*Моей бабушке
Божко Екатерине Дмитриевне,
работавшей во время войны
воспитателем детского
дома с. Нехаевка, посвящаю*

На грязных и сырых подводах
Детей свозили в детский дом.
Капризна здешняя природа,
И поздней осенью погода
Совсем не радует теплом.

Ребят, давно не евших вдосталь,
Отмыли в бане добела,
Одели чистенько и просто,
И что ж, что не совсем по росту.
И всех собрали у стола.

На ужин – жидкая похлёбка,
Кусочек хлеба, чай из трав.
А истопник, оставив топку,
Хромой, но быстрою походкой,
Пошёл тем временем в подвал.

И вынес с радостью оттуда,
Он золотой, бесценный дар –
Антоновку на старом блюде,
И засияло это чудо,
Как солнца летнего пожар...

И запах разлился духмяный
В немой, полнейшей тишине,
И был тот вечер тёплый самый.
Так пахло домом, пахло мамой,
Что забывалось о войне...

Отцу

Где спорыш,
Словно коврик пушистый,
Из ромашек где соткан лужок,
Где малиновый клевер душистый
И за речкой – пузатый стожок,
Там вдали мой отец – пацанёнок
Наравне с мужиками косил,
Деревенским работать с пелёнок
Бог давал и здоровья, и сил.
Чтобы сытно в семье зимовали.
Чтобы было всегда молоко,
Мужики до рассвета вставали,
По росе чтоб косилось легко...
...Вижу это я снова и снова,
Сон, как в детстве, плывёт наяву,
И идёт по дороге корова,
И отец где-то косит траву...

Мечта о любимом

Для тебя – все оттенки нежности,
Для тебя – все оттенки страстности,
Пребывать в неземной безгрешности,
Ощутив все земные радости.
Разглядеть в полуночном сумраке
Свет звезды в невесомой млечности.
Говорить о тебе без умолку,
Думать так же до бесконечности...
И тебя, словно сына малого,
Целовать и ласкать, и пестовать,
Долгожданного и желанного,
Как рассвет, поутру приветствовать.
...Пусть мечта белокрылой птицею,
Полетит за моря далёкие,
И однажды случится сбыться ей –
Души встретятся одинокие.

Не отдам

Нам с тобой мало ночи,
Мало с тобою дня.
Сердце твоё не хочет
Радости без меня.
С песней весна умчалась,
Где-то звенит вдали.
Жизни осталась малость
На берегу Земли.
Счастьем прольются слёзы
Наперекор ветрам...
Жгучим седым морозам
Я тебя не отдам!

О Москве

Дождь декабрьский
За шиворот хлещет,
И уныло глядят небеса,
А в столице всё флаги трепещут,
И дожди словно божья роса!
И снега осыпают столицу,
Укрывают, ласкают её,
Мне б в столице навек поселиться,
Позабыть бы худое житьё...
Вот зачем мне, скажите, деревня?
Что я здесь навсегда потерял?
Этот дух и убогий и древний,
Речку, лес да гнилой сеновал?
Решено – я уеду, не струшу!
...Но взглянув на ребячью братву,
Вспомню, как поднимали за уши,
Чтобы мог я увидеть Москву...

Чувство Родины

В час, когда разливаются реки
И парит, пробуждаясь, земля,
Оживает в тебе, в человеке,
То, чем дышат леса и поля.

То огромное, скрытое где-то,
Что надёжно и нежно
хранишь,
То, что давней мечтою согрето
И о чём не всегда говоришь.

То, что видишь глазами младенца,
И о чём так печалится мать,
От чего бьётся радостней сердце
И его невозможно унять.

То, о чём возвестит птичья стая,
Возвращаясь в родные края,
Что тебя никогда не оставит –
Это русская правда твоя!

Поле

Мне прошагать бы чуть поболее
Того, что пройдено уже,
И оказаться в чистом поле
На неизбежном рубеже...
Оно за всё б меня простило,
Врачуя боль усталых ног,
Ему дана такая сила,
Какой не встретишь у дорог.
И я не мыслю лучшей доли –
Когда сойдутся все пути,
Остаться там, в широком поле
И бесконечность обрести...

Вернись, солдат!

Вернись, солдат,
Живым, прошу, вернись!
Минуй огонь и мрак. И перекаты...
Оставив позади другую жизнь,
Вновь мирный пахарь стал простым солдатом –
Так было с незапамятных времён.
А вот врагов судьба не научила!
Презрели человеческий закон,
Пустили в ход ужасные мерилы.
Расстреливать детей и матерей,
Они умели быстро, без промашки.
И превратились души тех зверей
В кровавые зелёные «бумажки».
...Вернись, солдат, назло и вопреки!
Пусть трудно нам достанется Победа,
Но в бой идут, как прежде, «старики»,
И внук не посрамит могилу деда!

Михаил ТРЕТЬЯКОВ

Окончил Белгородский государственный университет. Публиковался в журналах: «Московский вестник», «Московский литератор», «Проза», «Литературная газета», коллективных сборниках авторов Белгородской области, сборнике «Берега России», «Гоголь фэнтези», «Путеводитель русской литературы Роман-журнал XXI век». Лауреат многих литературных премий, в том числе «Молодость Белгородчины». Автор книг «Сквозь призму», «Неотения» и «Площадка». Член Союза писателей России. Живёт в Белгороде.

БАЛКА

Небо – голубое. Облака – белые. Белые и кудрявые, как головки ползучего клевера. Солнце жёлтое. Жёлтое и лучики, как лепестки девясила. Простые вещи всегда остаются простыми и при этом никогда не надоедают.

На обочине дороги, по которой двум автомобилям точно не разъехаться, останавливается машина. Двигатель снижает обороты и наконец-то замолкает. Тишина раннего утра последнего дня второго летнего месяца растекается, как туман.

Открывается дверь, и из машины выбирается высокий мужчина, немного за сорок. Потягивается. На шее его выступает острый кадык. Тёмные курчавые волосы спутались. В автомобиле никого нет, и от того, как чисто в салоне, становится понятно, что одиночество – явление не временное для него. Он смотрит в голубое небо, а затем взгляд его опускается.

Лето перешагнуло большую часть отпущенного ему времени. Машина стоит на пригорке. Склоны словно ладони, сложенные лодочкой, в центре тянется грунтовая дорога, от которой веет каким-то невероятным желанием пути. И он, словно крыса под музыку гамельнского крысолова, начинает медленно спускаться к повороту, за которым уже не будет видно авто.

Деревья ещё зелены той самой зеленью, от которой веет зрелостью и мудростью. Розовая акация вторично цветёт и привлекает своими рыхлыми соцветиями неутомимых диких пчёл. На склонах, высохших и пожелтевших, ветер колышет вейник и перловник, пушистые колоски последнего перешёптываются между собой.

А ведь каких-то полтора месяца назад всё здесь цвело, было ярко и казалось, что жизнь никогда не уйдёт отсюда. Полыхали красными цветами смол-

ки, зелень травы была насыщена, и вся балка дышала жизнью. А сейчас сухое разнотравье злаков, и только в некоторых местах виднеются голубые шарики синеголовника и бледный колючий мордовник.

Отцветает донник, но в воздухе ещё висит его густой аромат, напоминающий запах сена, хотя травы не касались руки косарей. По склонам догорает жёлтыми цветками дрок, напоминающий золотистые заплатки на старом выгоревшем покрывале. Внимание привлекает вооружённый колючими волосками, с крылатым до самых корзинок стебля, цветущий бледно-розовыми цветками чертополох. Продолговатые листья его полны жизни вопреки окружающему пейзажу, а жёсткие жёлтые колючки предупреждают путника о том, что лучше его не трогать. Может быть, именно поэтому на гербе рыцарского ордена, на котором изображён чертополох, выбит девиз: «Никто не тронет меня безнаказанно». И он вспоминает, как в детстве бабушка рассказывала ему о том, что чертополох означает «пугающий чертей» и что нет лучшего средства от сглаза и порчи, чем цветок этого растения в ладанке. Но и некоторые кусты чертополоха уже отцвели и уже не горят, а лишь пушистые шарики виднеются на склонах.

А дорога ведёт всё ниже, и он понимает, что несмотря на то, что ему показалось, что жизнь уже закончилась, и в этой сухой балке ещё есть надежда увидеть яркие цветы жизни, которые могут скрасить подходящее к концу лето...

БОЯРЫШНИК

Жаркие, безветренные дни уходящего лета выбелили траву и вытравили голубую синь неба. С каждым новым днём вероятность дождя увеличивалась, но небо всё никак не могло разродиться, и изрядно поднадоевшая жара никуда не уходила. Только к середине сентября утром неожиданно похолодало так, что пришлось надеть тёплую куртку. На следующий день небо запузырилось серыми облаками, напоминающими сдувшиеся шары. Заморосило. Земля быстро раскисла. И от такой погоды ожидаемые с таким нетерпением выходные превратились в тоскливые, томительно тянущиеся серые будни. Картинки, меняющиеся на экране телевизора, были ничуть не радостнее, чем пейзаж за окном. Дом не успел протопиться. И от холода Веру отчасти спасали тёплый плед и чай, а вот от прилипчивой грусти не помогала избавиться даже любимая книга.

Она сидела на кухне за столом и смотрела на боярышник, который каждый день встречал её по дороге из дома и по дороге домой. Нахлынули воспоминания...

Чистое, ясное небо, дышащее неповторимым окончанием лета и радостным, немного печальным началом осени, ощущающимся в едва заметном, но

уже нарастающем аромате грибов. Боярышник. Его серая морщинистая кора дышит спокойствием и уверенностью. Крепкие прямые ветки устремлены к небу, на них горят немногочисленные красные плоды. Коричневые длинные колючки словно предупреждают о том, что именно здесь самые вкусные ягоды.

Вера устала от затянувшегося лета и смотрит на лоскутный ковёр с атласными заплатками ягод внизу. Она подставляет ладони лодочкой и принимает маленькие остатки уходящего лета.

Вера снова дома. Там же, где её настигли воспоминания.

Она открывает шкаф и достаёт металлическую банку, в которой лежат сухие ягоды боярышника. Кипяток раскрывает красные ягоды насыщенным сладко-вяжущим вкусом прошедшего лета, и в теле, а потом и на душе становится по-особенному тепло...

Солнце на какие-то доли секунды выглядывает из-за серых туч и ярким лучом ударяет в глаза. В уголке века просыпаются капельки грусти от невозможности повторения и от радости того, что у неё есть это воспоминание...

НИТОЧКА

Не так часто в жизни встречаешь людей, с которыми приятно поговорить, приятно помолчать, приятно побыть рядом и ощутить себя живым человеком.

Слишком много в этом мире людей и слишком мало тех, с кем по-настоящему интересно, с кем хочется находиться в одной комнате. Нет никаких логичных объяснений, почему именно этот человек становится важным для тебя. Может быть, это аналогично тому процессу, который мне объясняли в десятом классе на уроке биологии, и где-то в голове отложились два странных термина, получившие особую актуальность именно сейчас: кодон и антикодон. Точно не помню, что они означают, но подспудно ощущаю, что именно они отражают то состояние близости на уровне молекул, которые подходят друг к другу только при полной комплементарности. А сколько лет эти молекулы шли к тому, чтобы приобрести свою индивидуальность, сформироваться во что-то законченное?

Но нет, не об этом хотелось мне сказать или написать. В цифровой век личные отношения становятся настолько безличными, что кажется, чтобы сказать человеку о том, какое важное значение приобретает его нахождение в твоей жизни, достаточно включить мессенджер и отправить короткое «Как дела?», присоединив к этому расхожий смайлик. И вот, когда ты поступаешь именно так, вся человечность исчезает, остаётся только цифровой след отношений.

Я не против мессенджеров и переписок. В этом есть что-то притягательное, что-то делающее возможным то, что раньше было невозможно представить, но иногда так хочется увидеть человека вживую, поговорить, чтобы включились другие рецепторы, не только зрительный.

Передо мной чёрный экран телефона и возможность посмотреть время, как давно ты была в сети. Да, там есть ещё твоя фотография, и её я тоже могу посмотреть. Здорово, что в разных мессенджерах у тебя совершенно разные фотографии.

И вот вчера я в очередной раз захожу в «телегу», чтобы увидеть тебя, чтобы ощутить ниточку существования близкого и родного человека и почувствовать снова, что я ещё существую... Но фото не грузится, и программа не показывает мне, когда ты в последний раз была в сети. Ниточка, связывающая нас, оборвана, и я снова оказываюсь один в пугающей чёрной пустоте.

Мне никто не может помочь, моя функция утрачивает смысл. Антикодон с остервенелостью бьётся о бесконечную цепь информационной молекулы, с ужасом осознавая, что ничего комплиментарного больше нет...

ПОГРУЖЕНИЕ

Есть поступки и действия, от которых не оправившись никогда. Не потому, что они оставляют в тебе глубокие и болезненные следы, а потому, что они касаются того, с чем приходится постоянно сталкиваться. Напоминая чем-то порезы на сгибах пальцев, где постоянно происходит какое-то движение. Ноющая боль остаётся, и ты вместе с ней.

Ты живёшь себе спокойно и даже не знаешь, что такое может быть, а потом – встреча. И ты не понимаешь, что произошло, почему чужой, совершенно незнакомый человек становится важнее тебя самого.

Но, нахватавшись жизненного опыта, понимаешь, насколько важно держать себя в руках, чтобы не сжечь всё вокруг. И тогда это чувство, которое возникло так внезапно и неотвратно, становится пламенем газовой горелки, в которой для того, чтобы сохранить огонь, приходится с определённой периодичностью выкручивать вентиль то в одну, то в другую сторону.

Разум начинает управлять, казалось бы, совершенно не контролируемым процессом, и от этого возникшее чувство, с одной стороны, не обжигает, а с другой, становится предсказуемым и каким-то искусственным, от чего невозможно согреться и почувствовать себя живым.

Ты стараешься вернуть себя в мир ярких и живых эмоций. Вспыхивает огонь...

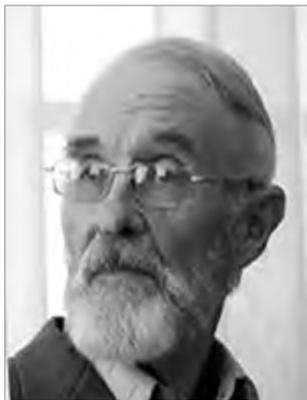
Неизвестно, как тебе повезет. Хорошо, если у тебя останутся только ожоги или ты потеряешь какую-то часть самого себя, но ведь самое страшное не

это. Самое страшное ждёт тебя впереди – это отсутствие человека, с которым всё приобрело какой-то законченный смысл, а картина мира сложилась.

О том, что ты чувствуешь, хочется говорить ему постоянно: рассказать о том, как всё выглядит на самом деле, как чувствуется и как понимается. Возможно, и он тоже этого хочет. Но взрыв изменил всё. Обезобразил. Сделал тебя и его немножко другими, может быть, даже чуточку чужими, но в памяти-то остался тот другой человек, до взрыва. Инерция этого ощущения тащит тебя по пляжу жизни из ракушечника: расцарапывая спину, руки, ноги, лицо, а солёная вода проникает под кожу.

И ты всё глубже погружаешься в бесконечный, такой холодный, отвратительно неотвратимый и всепоглощающий океан бытия. А вода заполняет лёгкие, а затем клеточки твоего тела, которое медленно опускается на дно.

Станислав ТАРАСОВ

Родился в селе Кошлаково Шебекинского района. Окончил факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. Работал в газете «Молодёжь Якутии», на строительстве Вилюйской ГЭС, в многотиражных газетах Белгородского витаминного комбината и колхоза «Знамя» Белгородского района. С конца 1960-х гг. был ответственным секретарём межрайонной газеты «Наша жизнь» Ракитянского и Краснояружского районов. Публиковался в журналах «Юность», «Наш современник», «Звонница», в «Антологии

со-временной литературы Белгородчины». Автор книг «Кругом воры», «Подозреваю всех», «Любовь и картошка», «Рыжее солнышко моё, или Версия дилетанта», «Жук и бабочка», «Поздняя дорога», «Воскресение и смерть Коли Коржикова», «Аномальная зона», «Тайны из ларца времени», «Запомните нас весёлыми», «Кукобой» и других. Член Союза писателей России. Отмечен правительственной наградой – знаком «За достижения в культуре». Лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле – 2013». Живёт в Ракитянском районе Белгородской области.

МНОГИЕ ЗНАНИЯ – МНОГИЕ ПЕЧАЛИ

Недавно мне пришло третье приглашение пройти медицинское обследование. Причём совершенно бесплатное. Первые два я проигнорировал – меня всякий раз охватывает страх при слове обследование: вдруг обнаружится рак, коронавирус или ещё какая-нибудь зараза. Лучше жить в неведении: многие знания – многие печали.

А тут какие-то мигалки стали посверкивать в глазах, начали глохнуть уши, дёргаться, без особой надобности, ноги. И неудивительно – мне за семьдесят, думаю, пора подумать о своём здоровье.

В регистратуре меня записали к терапевту первым. Всю ночь думал, как бы не проспять, понятно – нервничал. Проснулся, когда времени оставалось в обрез. Вся надежда была на такси, но оно задерживалось. Я то и дело смотрел в окно, не находил себе места. Наконец, такси пришло, и я прибыл в поликлинику за минуту до приёма.

Ждать встречи с врачом мне, первому, пришлось целый час. Нет ничего хуже – ждать и догонять. И я, как пёс на забористом морозе, весь этот час дрожал мелкой нервной дрожью.

Но терапевт Ушакова В.В. не заметила этого – смотрела в компьютер, который, как рентгеном, просвечивал меня насквозь и видел все мои болезни. И врач довольно точно называла их симптомы. Только один раз ошиблась, сказала, что поджелудочная находится под правым ребром. Я уточнил: под левым. Она не настаивала на своём, сразу поняла, с кем имеет дело.

Рецепты выписала мне сразу на несколько лекарств.

– Аторвастатин – замечательное лекарство от холецистита, – сказала она. – Только внимательно прочтите, какие побочные болезни может вызывать...

– Но инструкции написаны такими мелкими буквами, – пожаловался я, – что даже трезвыми глазами их не разобрать. А у меня, когда натуживаюсь читать, то мушки маячат в глазах, то яркие блики посверкивают.

– Тогда слушайте. Аторвастатин может вызвать себорею, экзему, отёк лица, крапивницу, глухоту, артрит, кривошею, судороги ножных мышц, желтуху, язву двенадцатиперстной кишки, панкреатит, гепатит, стоматит, рвоту, запор или диарею, носовое кровотечение и кровотечение из дёсен, пневмонию, бронхит, тромбоцитопению, анемию, стенокардию, аритмию, боли в сердце, депрессию, кошмары, гипертонию и потерю сознания.

– Я постоянно встречаюсь с теми, кому за семьдесят. А как я предстану перед ними с судорогами ног, глухотой, кривой шеей и кровотечением из носа?

– Вы думаете – на встречах один появитесь такой? Партнёршу для танца легко подберёте по вкусу: или с глухотой, или с кривой шеей, или с судорогами ног. Однако не будем отвлекаться на подобные мелочи. У вас – все признаки ишемической болезни сердца, которая может привести к параличу левой или правой половины тела. Но не пугайтесь – от этой болезни я выписала вам прекрасное лекарство – триметазидин. Оно тоже с побочными заболеваниями, такими как астения, гепатит, зуд, кожная сыпь, крапивница, бессонница, диарея, диспепсия, потеря равновесия, шаткость походки, синдром беспокойных ног, тахикардия, тошнота и рвота.

– Но зачем мне вместо одной болезни – целый букет?

– С параличом тела вы будете к постели прикованы, а с синдромом беспокойных ног и нестерпимым зудом не то что ходить – бегать станете! И всё-таки паралич тела – это полбеда. Настоящая беда – это ишемический инсульт, то есть инфаркт мозга. От него я вам прописала кардиомагнил – отличное лекарство! Правда, может вызвать геморрагический инсульт, аллергические отёки, анемию, носовое, ротовое и мышечное кровотечение, эрозию желудка и двенадцатиперстной кишки, гематомы, а также кардио-респираторный синдром, признаками которого являются отёк лёгких, одышка и посинение.

– А чем геомерический инсульт лучше ишемического?

– Геморрагический инсульт – это кровоизлияние в мозг. Смертность от него лишь 60–70 процентов, и встречается он намного реже, чем инфаркт мозга, третий приступ которого заканчивается летальным исходом.

– И никак, блин, не обойтись без носового и ротового кровотечения, геометрического инсульта и распирательного синдрома с посинением?

– Но это же лучше, чем инфаркт! И мы начеку – если с вами случится кардио-респираторный синдром или вас хватит геморрагический инсульт, не медля ни секунды, вызывайте «скорую». У нас прекрасные врачи: они приведут вас в норму и назначат новые прекрасные лекарства! Да что вы так посинели? Сестра, проверь давление! Сколько? Сто девяносто? Быстрее – нитроглицерин! Таблетку под язык! И – в реанимацию!

Ксения АКСЁНОВА

Родилась в Липецке, окончила ЛГПУ имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского, преподаватель кафедры английского языка ЛГПУ; переводчик, кандидат филологических наук. Стихи публиковались в журналах «Урал», «Звезда», «Кольцо А», «Формаслов», «Петровский мост».

***

Седой пылью и горечью
роится эта мгла.
Ей снится клёкот горличий
и пение щегла.
А в зарослях безвременья,
по речке неживой
мой дед идёт, растерянно
качая головой.
Суровый, смуглый смолоду,
но светлый добела,
и нет в нём злого холода
последнего тепла.
В матроске, в новых валенках,
над снегом семени,
он голосом поставленным
читает «Жди меня» –
сквозь снега злое крошево,
в моём читает сне.
И нет другого прошлого.
И будущего нет.

***

Я хочу, как водомерка,
тоненькая вся,
ничего не исковеркать,
бережно скользя –
по пруду твоей тревоги,
утешенья для
буду бегать быстрого
и легко петлять.
Отвлечёшься – заглядишься...
Но пойдёшь за той,
чьё манящее затишьё –
берег золотой.

***

Душа, идущая на свет,
как на невидимый магнит,
сквозь толщу тьмы и бездну бед
всё говорит и говорит
с тобой на странном языке –
из междометий, снов и слёз
о том, что в собственной тоске
ты невесом и безголос,
о том, что в замкнутом лесу
от непроглядной тишины
тебя когда-нибудь спасут.
Когда-нибудь спасти должны.

***

Рыбак сидит и смотрит в никуда,
где окуни непойманные спят.
Река как будто больше не вода,
а память, обернувшаяся вспять.
Он смотрит, но не видит ничего –
ни солнечных стрекоз, ни поплавка.
И ветер дует вязкий, дождевой,
и горлица кричит издали
над гладью обезболенных грехов.
Но смерть всё не приходит,
не прихо...

***

Сквозь ночь, не разнимаясь, говорить
о важном, о ничтожном – вперемешку,
наматывать мерцающую нить
на спицы памяти. Наматывать, не мешкать.
Нам будет сниться всё, как не во сне:
за сквером – сквер, а дальше, в подворотне –
твоя рука, скользящая по мне,
и ускользящая я, почти бесплотно,
в пустой туман иллюзий и цитат,
в молчание, в пространство междометий...
Но я так рада, рада, что ты рад!
Мы в нашем сне – встревоженные дети.
И он идёт кромешной пеленой,
слепой молниеносный ливень в мае.
Поговори, поговори со мной,
я все твои слова запоминаю!

***

В тесноте прошедшего и пустого
приглушённым светом былых обид
я полна, как прежде, и я готова
ничего не помнить и не любить,
не любить и прыгнуть как можно выше,
затерявшись в омуте облаков,
словно обезумевший лётчик вышел
в оголённый космос – и был таков.

Паул Александер БАРБАДО

Родился в 1983 г в г. Гавана (Куба). С 1991 г. постоянно проживает в России. Публиковался в журнале «Московский вестник», сборнике «Москва поэтическая 2006», сборнике студии «Младость» «Серебряный браслет» (Белгород), альманахе «Земляки» (Нижний Новгород). В 2006 г. окончил медицинский факультет БелГУ. Живёт и работает в Москве.

ПЕПЕЛИЩЕ

1

Парковка перед ботаническим садом была пуста, кроме моего Лендровера на ней одиноко ютилась чуть зацветшая Мазда Юры. То есть Юрой он был для меня, а так он, конечно, заведующий лабораторией, доктор наук и всё такое прочее, Юрий Николаевич Воронцов. Аня собрала свои роскошные медные волосы на затылке и, откинувшись на кожаное сидение, прикрыла глаза. Разлетевшиеся при этом крылья кардигана приоткрыли чуть вздымающиеся под майкой округлые груди.

– Ну что он сказал? – с интересом произнесла она, беря в ладонь большой палец моей правой руки.

Рядом со мной она умела быть ребёнком, откровенным, непосредственным и немного наивным. Ни на работе, ни на учёбе, нигде – лишь со мной – оживала эта часть её души, прорывалась, словно лава из кратера уснувшего вулкана. Она говорила, что ценит во мне именно эту способность – позволять ей быть собой. Ещё я умел разбудить в ней женщину, действующую по популярному у предков принципу «око за око, зуб за зуб», умеющую задать такой вопрос и в такой момент, когда ситуация менее всего была в мою пользу, а любой ответ подразумевал немедленное моё поражение. Беспроигрышным вариантом была фраза «Ты сегодня останешься навсегда?». Этот вопрос был всегда искренним и вызывал в моей душе всю гамму чувств от «да блин, что она, не понимает...» до «какая же я мразь» и «я так хотел бы...»

Мне было сорок пять, и мой брак не то чтобы трещал по швам, скорее он по ним полностью разошёлся, и большая часть портков пала к ногам, однако то ли надуманная стыдливость, то ли природная трусость мешала отпустить последний лоскутик ткани, окончательно обнажив ситуацию. Проходя

по дому встречаемыми курсами, мы с женой обменивались целомудренными поцелуями в щёку и спешили каждый по своим делам, почитая за счастье не встречаться по несколько дней ввиду то ли плотности рабочего графика, то ли замысловатого стечения обстоятельств, то ли вообще без причины, а потому что «ну, как-то так вышло, да и ладно». Особенно приятно было вернуться из клиники поздно вечером и, застав домочадцев спящими, мирно беседовать с Аней по телефону, сидя на первом этаже в компании бокала джина со льдом и в сопровождении Глена Миллера. Такая вот семейная идиллия. То есть джин и Миллер были хороши и без Ани, но с её появлением такое времяпрепровождение стало особенно приятным. Ане было двадцать пять, в жизнь мою она пришла внезапно, в виде ассистента кафедры, да так и задержалась в должности любимой женщины, несмотря на скорую смену места работы. Что связывало нас? Что-то, о чём неудобно говорить вслух, некое чувство родственности, странное и тонкое взаимоощущение, что-то, что никак нельзя объяснить в двух словах. Хотя, возможно, это было нашим общим заблуждением. Общие рабочие интересы, литература в виде подсказанных мною книг, кинематограф в виде навязанных мною же фильмов, музыка, изобразительное искусство, собственно, здесь тоже без комментариев. Ну и конечно постель. Постель вперемежку с фильмами, постель в сопровождении музыки, постель после художественных выставок, постель в чистом виде и сочетания, сочетания, сочетания. Ещё были ссоры и ругань. Такой халапеньо в отношениях, вроде и без него ничего, но попробуй с ним, и уже вряд ли откажешься. Если не стучать краски, то она была молодой, привлекательной, скромной и какой-то тонкой женщиной. Была в ней особенная прелесть в виде лёгкой беспомощности в присутствии близкого мужчины, какое-то едва уловимое проявление восхищения им, совершенно искреннего, такого, от которого в сердце просыпалось желание оградить её от большого и несправедливого мира. Помню, как она рыдала в моём кабинете вечером перед защитой диссертации, а я гладил её по густым медным волосам и вытирал слёзы с ещё по-детски пухленьких щёк. В следующие три года мы были поглощены друг другом, живя от встречи до встречи, спасаясь от жизненных неурядиц во взаимных объятиях. Ссорились редко, мирились страстно, а потом она, прячась у меня под мышкой, читала «Я люблю тебя больше природы...» Евтушенко. Со временем ссор стало больше, а Евтушенко стал звучать менее убедительно.

– Сказал, что сейчас встретит, территория под сотню га, сразу не добежишь, – зевнул я, – ну давай на воздухе подождём.

Мы встали возле входных ворот, я обнял её крепкое молодое тело, она спряталась от прохладного, пахнувшего ранней осенью ветра под мою куртку, прижавшись к груди. Я бы мог стоять так вечно, но судьба отвела нам всего семь минут.

Вообще, представить женщину Юре было как представить девушку родителям. Такой знаковый момент, соприкосновение претендента на место близкого человека с тем, кто на аналогичном месте пребывает уже долгие годы, такое сакральное событие, про которое потом спросит подруга, мол, а Воронцову он тебя показал, да, ну тогда всё, тогда он твой, можешь быть спокойна. По очевидным причинам представить Аню своим пожилым родителям я пока не мог. Или вообще не мог. Да и стоило ли об этом думать. То есть это, конечно, случится, обязательно случится, но, конечно, не в этот раз. Поэтому решено было начать с Юры, то есть с Юрия Николаевича. Лёгкая вибрация в кармане джинсов заставила меня взглянуть на экран мобильного телефона. Эдуард – сообщил экран. Да твою ж мать – ответил я экрану телефона, но трубку взял. Эдуард был антрепренёром от хирургии, начисто лишённым сострадания. Если уж быть честным до конца, Эдик был сутенёром высшей марки. А я был очень дорогой проституткой, такой, которую никак нельзя найти на улице или в отеле. О существовании этой проститутки нужно знать и хотеть именно её. Врачевание и проституция в современном обществе в моём представлении были разделены почти невидимой гранью, такой тоненькой линией, которую очень легко перешагивать в обе стороны, вроде той черты, которую в детстве мы рисовали мелом на асфальте, чтобы в нужный момент игры в салки перепрыгнуть через неё с криком «Я в домике». И вот когда ты оказываешься в определённой ситуации, например общаешься с журналистом или с роднёй пациента, то ты делаешь шагок, и ты уже в домике, ты выглядишь достойно, рассуждаешь о клинической и научной работе, и, в целом, ты действительно живешь этой работой и вроде бы что-то исследуешь и, честно говоря, не очень спокойно спишь ночью, размышляя о судьбе прооперированного и о ходе операции, оцениваешь свою работу, ищешь огрехи, ругаешь себя, стремишься сделать в следующий раз лучше и надёжнее. Или вот, бывает, в кулуарах какого-нибудь форума, на небольшом пяточке того самого «домика», в компании похожих на тебя, общаешься с ними и вроде понимаешь, что и они, во многом, заложники ситуации и ребята неплохие. И лишь изредка проносится в голове под бокал фуршетного игристого «Вот же б...ди...». Но, как и в детских играх, всё время стоять в домике скучно, неинтересно и, кроме того, никак не способствует процветанию. И тогда приходит время для Эдика. Кандидат наук, доцент и прочее, прочее, прочее, не стоявший у станка с окончания ординатуры, но имеющий иные ценные способности. Врачеватель может подарить надежду на исцеление. А может продать. Даже там, где продавать было нечего, Эдик умел преподнести товар с самой выгодной стороны, потому что если за дело берётся один из лучших хирургов региона, профессор, то это уж точно последняя инстанция, потому что если не он, тогда уж и неизвестно кто ещё. Тогда я выходил из своего домика и занимался пациентом. А Эдик обеспечивал материальную часть вопроса, не забывая и о себе. Вечером, в конце

недели за бокалом дорогого спиртного я часто вспоминал тех пациентов, которых вовсе не следовало оперировать, смерть которых была неизбежна, а наше вмешательство в их организм если не приблизило конец, то сделало остаток жизни сложнее. Много ли было таких? Нет, совсем немного, а по отношению к тем, кому мы действительно помогали, выходила вовсе скромная цифра. Но они всё же были, отрицать это было бессмысленно. Когда приходили такие мысли, я наливал себе ещё одну порцию чего-нибудь покрепче и перешагивал в домик. Я просто делал свою работу.

Сегодняшний звонок Эдуарда информировал меня о том, что завтра к обеду у меня будет консультация перед операцией у одного очень заинтересованного и благодарного пациента.

– Кто сказал, что операция будет, Эдуард Семёнович, вы, что ли? – Я полушутливым тоном напомнил Эдику, что последнее слово всё-таки за мной. – Так, может, без меня её там проведёте.

– Хватит вам, Вячеслав Николаевич, издеваться, знаете же, что лучше вас это никто не сделает.

Лесть. Эдик хорошо разбирался в людях и их слабых местах, но тратить время на дальнейшие препирательства я не хотел, поэтому тут же, сделав заметку о дате и времени консультации, положил трубку.

Юра появился в воротах ботанического сада, худощавый, высокий, с размашистой походкой и раскачивающимися на шнурке очками, он более всего походил на классического учёного. Вместе с тем было во всём его образе что-то обращённое внутрь, едва заметны были приметы, дающие понять, что за сдержанным, интеллигентным, немного сухим Юрием Николаевичем скрывается кто-то другой. Лермонтов или, возможно, Вознесенский, а может быть, оба и ещё кто-то, ходячая метафора поэта, если можно так сказать. В студенческой юности внешность Юры могла показаться забавной, с возрастом же образ его в моём представлении обогатился некой сентиментальной составляющей, общее название которой могло бы звучать «То, Что Мы Все Не Смогли В Себе Сохранить». Мы все – это разношёрстная компания биологов, медиков, юристов, журналистов, литераторов и ещё Бог знает кого, объединённая временем и пространством в одном небольшом провинциальном городе... Собственно совсем другая история.

Представив Аню Юре и наоборот, я замолк, дав простор гению Юрия Николаевича. Дело в том, что мой друг обладал феноменальной способностью рассказывать о сложных и специфических вещах необыкновенно много и интересно, при этом у собеседника не возникало ощущения своей полной безграмотности. Речь его сопровождалась избытком фактов, историй из жизни и не очень из жизни, ситуаций в лицах и шуток. За всю нашу общую историю сделать молчаливым Юру удалось лишь одному человеку. Женщине. Надо сказать, мы все в некоторой степени её недолюбливали.

– Юр, а что вон с теми деревьями, – указал я на два чахлых растения в углу между внешней стеной забора и помещением охраны, – как-то они выглядят недобро.

– Туи на входной группе, тут, понимаешь, какая история случилась, – Юра развёл руками, перевёл взгляд на Аню, замялся и немного смущённо закончил. – Там такая история, неблагоприятные условия произрастания, потом расскажу, пойдёмте лучше к боярышнику.

Боярышник был сладким, и, честно говоря, его вкус никак не ассоциировался с лекарственным растением. Лекарственное растение, в моём понимании, должно было одним своим видом оказывать лечебное воздействие и, вообще, произрастать сразу в виде лекарственной формы.

– А вот черёмуха, – возвестил Юра, переходя к очередному объекту своего рассказа, – черёмуха – это не только слезоточивый газ, но и замечательное растение, ягоды рекомендую попробовать, очень интересно.

Мы задумчиво жевали ягоды черёмухи, бродя по саду, пока моё внимание не привлекла группа деревьев с перистыми листьями и красными цветками, плотно сбитыми в конусовидные метёлки.

– Сумах оленерогий, или укусное дерево, – угадал мой взгляд Юра, – правда, симпатично выглядит? Очень популярен в качестве декоративного растения, неплохо прижился у нас.

– Ага, – задумчиво сказал я, продолжая разглядывать растение, пока Аня фотографировала его в разных ракурсах и с разного расстояния.

– С ним тоже интересная история, точнее с семенами. Дело в том, что как-то неохотно он ими размножается, шкура толстая, если что из них и прорастает, то какое-то уж очень слабое. – Юра наклонил к себе ветку с соцветием и продолжил: – Но и в этом есть некий смысл, просто так в природе ничего не случается. Если есть что-то просто так, то его очень скоро не будет. Отомрёт, изживёт себя, атрофируется.

– А подробнее не расскажете? – Аня опять прижалась ко мне и с интересом посмотрела на нашего провожатого.

В этот момент я ощутил гордость за Юру и за его эрудицию, и за то, что он мой друг, и за то, что он корректно избегает личных тем в разговоре. Я вновь открыл для неё что-то новое, подумалось мне. Это было вроде игры, я должен был первым в жизни Ани во всём. Первый в её жизни балет, первый поход в оперу, первая поездка за рулём, первый настоящий стейк, первая бутылка хорошего вина и многое другое, то, чего недоставало ей в скромно обеспеченной провинциальной юности. Неясно было, кому эта игра доставляла большее удовольствие и не была ли она попыткой заполнить пробелы в её образовании, подсовывая ранее не прочитанные книги и лично отобранные фильмы под маркой «впервые», не была ли эта наивная игра способом сотворить ту, которую хотелось бы видеть, но которая была

не той, кого я утешал весенним вечером под пересвист птиц за приоткрытым окном.

– Довольно интересно, но у толстой оболочки семян есть вполне логичная функция – защита от огня, – Юра чуть наклонил вперёд голову и многозначительно приподнял левую бровь, – семена сумаха прорастают после пожара, когда материнское растение сгорело. Огонь, повреждая оболочку семени, облегчает прорастание его в благодатной и богатой питанием среде пепелища.

– Предусмотрительно с их стороны, – сказал я, задумчиво глядя на Сумах Оленерогий.

Сумах Оленерогий в ответ ничего не сказал, а только как-то неопределённо качнул ветвями от порыва ветра.

– Неплохо было бы иметь что-нибудь этакое в организме на крайний случай, – продолжил я, – для экстренности, так сказать.

– Есть у вас, Вячеслав Николаевич, такая штука, которая непонятно зачем, но наверняка работает только в случае пожара или наводнения, – Аня высунулась между ветвей дерева так, что тёмно-красные его соцветия представились дьявольскими рожками на её голове, – называется решимость.

Это она не о профессиональной решимости. С ней у меня вроде дела обстояли неплохо, а вот в повседневной жизни всё было гораздо грустнее. В определённый момент, когда наши отношения оказались далеко за стадией увлечения или флирта, само собой разумеется, возникли вопросы о том, как долго ещё будет так, будет ли иначе и кому нужно чтобы то, как есть, продолжало существовать. Одним словом, я понимал, что однажды придётся сделать выбор между Аней и семьёй, но момент этот мной сознательно откладывался, как с незапамятных времён откладывается вопрос принятия конституции Израиля. Вроде того, пусть пока так побудет, а там посмотрим, может, само собой организуется. Но время шло, а само собой ничего не выходило, ни конституция Израиля, ни моя личная жизнь. Потерять Аню было для меня чем-то невысказанным, чем-то несовместимым с дальнейшим существованием, но каждый раз, когда мысли об уходе начинали копошиться в моей голове, перед глазами появлялась Соня.

Соня росла в рафинированной атмосфере отцовской любви и внимания, несмотря на то что её отец больше времени посвящал работе и учёбе, чем дому. Не избалованная ненужными покупками и подарками, несмотря на возраст близкий к совершеннолетию и скорое окончание школы, Соня мнила мир как нечто, обращающееся вокруг единого целого отца и матери, а между этими разнополюсными семядолями под кожурой заботы пробивалась к свету сама Соня. Разрушить эту картину мира казалось ещё невообразимее, чем жить в равнодушии и нелюбви с Сониной матерью. Период для Сони сейчас был сложный, лето подходило к концу, близился последний год обучения в школе, дальше планировалось поступление в институт. Вот когда всё это закончится, можно будет подумать о себе и Ане. Но не сейчас, конечно, не сейчас. Аня

часто спрашивала, не думаю ли я, что дальше не будет легче и с тем же успехом можно ждать окончания института, замужества Сони, рождения внуков и ещё мало ли чего. Я отмахивался, но с каждым разом вопросы становились настойчивее, а надежда Ани, казалось, таяла от моей пассивной позиции.

Я освободил Аню из плена веток, взял её лицо в ладони и поцеловал.

– Осталось немного, бабочка моя, – я провёл пальцами по её такому родному лицу, – прошу, потерпи меня ещё немного, если силы остались.

– Терпеть и любить не есть синонимы, – Аня мягко убрала мои руки, – дождаться бы и не сдохнуть.

Мы нагнали Юру возле розария, где он предложил нам сделать фото возле декоративного домика.

– Вот, пожалуйста, такой вот розарий, а избушка эта, кстати, вполне добротная, – Юра дружески похлопал сооружение по крыше, – у нас в ней прошлым летом бродяга неделю жил, похоже очень даже комфортно.

Нашу импровизированную экскурсию прервал внезапно начавшийся мелкий дождь.

– Побежали в лабораторию, – предложил Юра, – у нас тут в последнее время так: дождик вроде мелкий, а через минуту припускает, что уже и бежать незачем.

Лаборатория располагалась в центре комплекса теплиц, поэтому часть пути мы проделали в окружении разнообразных растений, расположившихся на металлических столах в искусственном свете ламп, мимо столов с компьютерами и раскрытыми журналами, от которых, казалось, только что отошли, чтобы сверить написанное с действительным, мимо устройств не всегда ясного назначения. Дверь в лабораторию, словно спрятанная подальше от ненужных глаз, ютилась в проходе между теплицами, коридор за ней был тускло освещён. Сама лаборатория являла собой гимн минимализму, все помещения, мебель, каждый квадратный метр были подчинены, в конечном итоге, основной цели – выполнению возложенных функций – ни больше и ни меньше. Создавалось впечатление, что лаборатория может функционировать вообще без людей. Мы провели не меньше часа за кружкой растворимого кофе и разговорами без определённой темы, какие могут вести близкие люди, давно не общавшиеся, люди, которым важен скорее факт общения, чем его тема. Аня всё время прикасалась то к моему бедру, то к ладони, иногда клала голову на плечо, переводя взгляд с Юры на меня и обратно, но казалось, что она неимоверно далеко.

Вечером перед сном, обвив мою шею руками, Аня напомнила мне о том, что она в течение следующей недели с выездным циклом в Калуге.

– Отвезёшь меня завтра, – прижалась она ко мне, – так не хочется расставаться, но ведь всего неделя, правда?

– Правда, – ответил я, – тем более для тебя это первый опыт такой работы, нужно обязательно попробовать себя, милая. Ты обязательно справишься.

- Ты будешь рядом? – Её глаза смотрели с грустью и надеждой.
- Старик будет рядом, пока нужен, – вздохнул я.
- Всегда, – пробормотала она, засыпая.

По дороге домой мы, как всегда, ссорились, поводом стал звонок из дома, на который я не ответил.

- Кто тебе звонил? – Аня начала немного шутливо.
- Неважно, – я старался не отвлекаться от дороги.
- Какого чёрта она вообще тебе звонит? Перезвони, спроси, чего от тебя хотели, я тоже хочу услышать.

– Ничего особенного, – я старался быть спокойным, но чем дальше, тем меньше её нервных фраз хватало для того, чтобы вывести меня из равновесия.

– Зачем тебе звонят, – не унималась она, – переживают, да? Как ты там, всё ли в порядке?

- Я не знаю, – я начал повышать голос
- Так перезвони и узнай, и мне заодно расскажешь.
- Да ты можешь уже забыть об этом, сколько можно курить эти окурки! – Я сам не заметил, как закричал на неё.

Аня вжалась в сиденье и замолчала. Я попытался попросить прощения и взять её за руку, но в ответ она только ударила меня по плечу и отвернулась. Большая часть дороги прошла в молчании, однако ближе к её дому нам всё же удалось помириться.

– Прости меня, родной, – она обняла меня, – я иногда сама не знаю, зачем это всё говорю.

– До вечера, маленькая, повезу тебя в Калугу.

Она, как всегда, провожала меня, стоя на дорожке, ведущей к её дому, пока машина не скрылась за поворотом. Телефон пискнул, выдав напоминание о сегодняшней консультации в клинике, о которой я, признаться, почти позабыл. Развернувшись в подходящем месте, я поспешил в клинику, по дороге успев позвонить Соне.

– Как там у вас, доченька, – спросил я, одновременно пытаюсь припарковаться на уже заполненной машинами территории территории клиники.

– Пап, да ничего вроде, ты как?

– Нормально, работаю. Как мама? – Честно говоря, этот вопрос меня интересовал мало, однако нужно было как-то проявить внимание ко всем.

– Всё ничего, ушла на работу в хорошем настроении, ты сегодня как?

– Я сегодня поздно, – ответил я, прикидывая время в пути до Калуги и обратно с учётом пробок, – не ждите, если что, ложитесь.

– Ну ладно, пап, я побежала, у меня репетитор.

– Пока, доча, – сказал я уже в пустоту.

Пациент выглядел неплохо – молодой мужчина тридцати двух лет, высокий, чуть упитанный, единственное, что бросалось в глаза, – чуть желтоватый

цвет кожи. Из содержимого папки с рутинными анализами, протоколами МРТ и эндоскопии следовало, что у пациента имеется небольших размеров опухоль большого дуоденального сосочка, чем и вызвана небольшая желтуха. Последней в папке лежала копия гистологического исследования образцов, полученных при дуоденоскопии. Пропустив не совсем нужное и понятное мне морфологическое описание, я прочёл выделенное в нижней части страницы заключение. Высокодифференцированная аденокарцинома. Опцией радикального лечения являлась панкреатодуоденальная резекция, которую пациент настаивал выполнить роботически. Глядя на пациента и на Эдика, я подумал, что неизвестно, кто из них больше хотел бы роботассистированной операции. Сдавалось мне, что всё же дело тут было в алчных желаниях Эдуарда Семёновича, но мысли эти я отогнал подальше, вспомнив об уровне развития роботической хирургии в Западных странах. Я был в домике, операция планировалась через три дня.

По дороге в Калугу мы с Аней ни разу не поссорились, шутили, возвращая к жизни приятные совместные воспоминания.

– Ты только меня не брось, пока я там одна буду, – пошутила она, однако глаза её были необычно грустны.

– Не говори глупостей, я люблю тебя, – отмахнулся я, – заберу тебя в следующую среду в обед, ладно?

Я проводил её к входу в гостиницу, отдал сумку с вещами и поцеловал на прощание.

Иногда она летала по ночам. Большую часть своей жизни она проводила без меня, бродя по дому в моём старом растянутом свитере, а ночью одиноко лежала на кровати в однокомнатной квартире и смотрела на фонарь, свет которого всегда мешал спать, если не прикрыть шторы. И в эти одинокие ночи её посещали самые разнообразные идеи, реализация которых приходилась всегда на полночь, или около того. Она уходила гулять по ночному городу, встречалась с не совсем понятными мне людьми, могла отправиться ездить по ночной трассе на мотоцикле с другом детства, могла провести ночь в доме у бывшего мужа подруги за совместным просмотром популярного сериала, вводя этим в замешательство и меня, и подругу, и бывшего мужа подруги, который никак не мог понять, с какой, собственно, целью эта милая девушка сидит на его диване и хрустит попкорном, не проявляя к хозяину квартиры никакого интереса. Однажды она уехала гулять с каким-то Колей на какой-то пруд и выкупалась там прямо в одежде, а потом, плюхнувшись на сиденье, как была, во всём мокром, потребовала вернуть её домой. На следующий день она заболела, а я пытался её лечить в промежутках между операциями и лекциями. Эти поступки, к которым я со временем привык, были попыткой заполнить вакуум моего отсутствия хоть кем-то.

– Как же тебе со мной тяжело, маленькая, – говорил я ей иногда.

– Мне тяжело без тебя, счастье моё, – отвечала она грустно и клала трубку.

В такие моменты я безумно ревновал её и требовал никуда не ходить и не ездить. «Приезжай и останови меня» – таков был её ответ на мои попытки призвать к разумному поведению. Я не приезжал. Она продолжала летать по ночам.

Этим вечером я пил джин, при этом голова моя казалась совершенно пустой. Отсутствие общения с Аней мне показалось некоторым благом. Честно говоря, иногда я подумывал о том, что ей следовало бы с большим пониманием относиться к моему времени и хотя бы иногда давать мне побыть наедине с собой. Выйдет вроде отпуска, решил я, нужно и друг от друга отдыхать.

Дни до операции пролетели незаметно. Ане я звонил, но чуть реже, чем обычно, сообщения мы друг другу писали регулярно. Каждый разговор непременно заканчивался признанием в любви, но какой-то незаметный холодок начал сквозить даже в её сообщениях. «Прости, у меня тут мероприятие, я побежала, люблю тебя». Утро операционного дня было прохладным. Я приехал рано, пообщался с пациентом, затем собрал операционную бригаду, мы ещё раз обговорили ключевые моменты операции и выпили кофе. В половине десятого мои ассистенты ушли готовить пациента и осуществлять доступ в брюшную полость, через полчаса я уже сидел за пультом управления роботом. Операция прошла технически неплохо, хоть и пришлось немного понервничать, что было для меня скорее нормой, чем отклонением от неё. Поблагодарив всех, я довёл до ума текущие дела, сделал пару звонков, поужинал в ближайшем ресторане и отправился домой. Вечерний город встречал меня суетой, пробками и нервными жителями, бежавшими каждый по своим делам. Я позвонил Ане, однако она не ответила. Через минуту от неё пришло сообщение. «Прости, немного занята. Перезвоню. Твоя Анютка». Написав что-то в ответ, я отложил телефон и продолжил путь.

Припарковав машину перед домом, в поисках случайно оставленных мелочей, я окинул взглядом салон. Внезапно на глаза мне попала книжка в мягком переплёте, явно выпавшая из сумки Ани. Набоков «Лолита». Она очень любила эту книгу, в ней даже остались закладки, а часть особо любимых ей фрагментов была отчёркнута простым карандашом. Книгу я положил в свой портфель и отправился в дом. Внутри царил тишина, которую не хотелось нарушать. Соня была у себя, её мать, видимо, ушла пообщаться с подругами или ещё куда-то, что, собственно, не имело никакого значения, звонить ей я не собирался. Вечер я провёл листая Анину любимую книгу, останавливаясь на её заметках и подчёркнутых фрагментах, отрываясь от чтения для того, чтобы, глядя в потолок вернуть в памяти её образ. Позвонил ей лишь однажды, однако услышал в трубке «Прости, занята, перезвоню» и гудки. Написал сообщение «Можно начинать ревновать?», на которое получил короткое «Нет». Заснул я как был, не переодеваясь, на диване в гостиной, с книжкой в руках.

Проснулся я ночью от того, что за приоткрытыми окнами гостинной шёл ливень, и от ощущения удушья и звенящей пустоты в организме. Решив, что надо перебраться в нормальные условия, я поднялся в свой кабинет, переоделся и лёг, но сон не шёл. Ночь проходила медленно, я ворочался с боку на бок, но чувство пустоты, тревоги и нехватки воздуха не оставляло меня. Среди ночи коротко пискнул телефон, однако я оставил изучение пришедшего сообщения на утро. Заснул я ближе к пяти утра, а в полседьмого уже был на ногах, готовый к новому рабочему дню. Заглянув в телефон, я обнаружил лишь одно сообщение от Ани, пришедшее в половине третьего. «Нам нужно поговорить» гласило оно. Я сел на диван, чувство пустоты в груди разрослось до невероятных размеров. Несмотря на раннее время, я начал строчить, одно за одним, сообщения, в надежде получить какой-то определённый ответ. Вылетали из-под пальцев «Как ты, что случилось, ты в порядке?» и тому подобное. Последним сообщением было «Кто он?». «Ты всё чувствуешь» было мне ответом. Ощущение пустоты внутри лопнуло, принеся за собой разлитую боль, которая, хоть, судя по всему, и не имела отношения к стенокардии, всё же вызвала одышку и панику. «Может, не в сообщениях» продолжала она. Я попытался позвонить, но звонок был сброшен. «Немедленно, сейчас, как угодно, скажи, что случилось». Руки начали нервно подрагивать. «Это было испытание. Прости. Я не прошла его. Я переспала с ним. Пусть теперь будет как будет». Её ответ застал меня врасплох. Кто «Он», почему, зачем, и что вообще происходит, и не сплю ли я, и не является ли это какой-то глупой шуткой. Из последующей переписки следовало, что никаких шуток быть не могло, а моя Анютка, моя бабочка, моя маленькая, да как только её ни назови, оказалась в постели с незнакомым ей мужчиной, то ли спортсменом, то ли музыкантом, то ли всё вместе. «Я больше так не могу. Я хочу возвращаться домой к мужчине, я хочу сама ждать его с работы, я детей хочу, понимаешь, замуж хочу, понимаешь. Хочу, чтобы всё было правильно, а не вот как у нас. Я не хочу больше никого ни с кем делить». Аня выдала мне на-гора всё, в чём я был виновен. Через пять минут молчания пришло следующее сообщение от неё. «Прости. Я очень его боюсь. Мне почему-то страшно от того, какой он». Следом Аня переслала фотографию, на которой они были запечатлены вместе. Слеплённый бессильной злобой, горечью, болью и ощущением невозвратности, я увидел в этом фото лишь хищный его профиль, широкий, словно рубленый, торс, и её глаза. Её образ, запечатлённый в моём мозгу, столь любимый и нежно оберегаемый никак не совпадал с этой фотографией. Казалось, на ней она предстала в виде загнанной лани, потерявшей всякую тягу к сопротивлению и отдавшейся на волю хищника. На дне её удивительных глаз тёмным провалом зияла безысходность.

Я снова позвонил. На этот раз она взяла трубку.

– Да что, чёрт возьми, – начал я, но она прервала меня.

– Я не вернусь. Прости, Слав, но я не вернусь. Я хочу к нему. Я хочу быть с ним.

Что я говорил дальше, помнилось плохо. Кажется, кричал. Кажется, умолял. Кажется, взывал к разуму и к чувствам. Кажется, просил вспомнить всё, что было.

– Он не прячет меня ни от кого, как это делал ты. Он гордится мной, что я его. Прости. Я не вернусь. Я люблю тебя, но так больше не могу. Прошу больше мне не звонить и не писать. Он ревнует. Я желаю тебе счастья, у тебя всё наладится.

Больше мы не разговаривали. Последнее её сообщение было «Прощай». Затем, видимо, она внесла мой телефон в чёрный список.

Мысли путались и стучались в голове. Как это было возможно. Растоптать, размазать, сжечь все что было. Всё, что мы строили вместе, всё, что я пытался вложить в неё, всё самое дорогое, что у меня было, мои самые сокровенные мысли, моё стремление придать ей импульс к постоянному развитию. Как же могла она. Как могла.

Чашка кофе из автоматической кофемашины провалилась куда-то внутрь. А ты как мог, спросил я себя. Столько лет. Сколько было возможностей расставить всё по своим местам. Сколько решений было отложено на потом, сколько ссор, возникавших по одной-единственной причине. Столько лет я был с ней и не с ней, чего же я хотел в итоге. Вторая чашка кофе вызвала боль, изжогу и тошноту, которую я, порывшись в ящике кухонного стола, попытался погасить найденным там антацидом. Помогло ненадолго. Нужно было ехать на работу, однако делать этого решительно не было никаких сил.

2

Стены и пол были оформлены аккуратно подобранной плиткой мягкого зелёного оттенка, пол был к тому же с подогревом, поэтому сидеть на нём было не холодно. Обёрнутая в махровый гостиничный халат с логотипом, с рыжими волосами, собранными в пучок на затылке, покрасневшими веками и отёкшими от слёз щеками неслышно рыдала она, сидя на полу ванной комнаты, бросив подле себя телефон, стекло которого покрылось паутиной трещин от падения. Это был подарок Славы, довольно символично было ему разбиться после того, как она отправила последнее сообщение. Ровно в два шестнадцать пополудни Аня написала ничего не значащую фразу, понимая, что он точно ощутит скрывающееся за ней. Чёртовы мужчины, думала Аня, провалиться им всем, Славе с его неуверенностью, Жене, какого чёрта он сюда вообще приехал, ему ведь уезжать через три дня, так какого хрена он меня обхаживал, и мне с ними провалиться к чёртовой матери. Я шлюха, сказала она себе, самая настоящая, я люблю женатика на двадцать лет старше себя, у него дочь почти моя ровесница, и вот, впервые за несколько лет он отпустил меня куда-то одну, и я,

я просто переспала с первым встречным. Шлюха. А он сволочь, трус, предатель, какого чёрта он меня вообще отпустил. Какого чёрта он не мог просто однажды прийти и остаться навсегда. Аню продолжали сотрясать беззвучные приступы, слёзы не останавливаясь катились по её щекам, было трудно дышать. Полчаса до этого она провела под душем, пытаясь избавиться от ощущения чего-то инородного, словно окутавшего её тело, но вода и гель для душа были бессильны. Хотелось полностью сменить все имевшиеся органы чувств на другие, не знавшие чужих прикосновений, не видевшие, не слышавшие, не ощущавшие. К сожалению, это было невозможно. Выйдя из ванной, Аня вздрогнула, увидев своего нового возлюбленного, сидящего одетым на краю кровати.

– Ты чего там застряла? – В руках он вертел книгу. – Я заждался.

– Я думала, ты спишь, – Аня замялась, – верни книгу.

Женя встал, ростом он был чуть выше Ани, крепко сложенный, короткие волосы, намёк на бороду и что-то звериное в глазах. Было что-то от животного в том, как он впервые поцеловал Аню, как он безоговорочно вошёл в её жизнь, словно отсекая прошлое, как он уверенно сказал ей, что никому больше не позволит прикасаться к ней, как уверенно взял её тело. Было что-то жертвенное в поведении Ани, в её немедленной капитуляции, в её желании следовать за его мыслями, позабыв обо всём. Два дня назад он подсел к ней в баре, где она потягивала томатный сок со льдом и слушала живую музыку. Первое прикосновение – он взял её за руку, словно они были знакомы. Что происходило дальше, даже себе самой она могла объяснить с трудом. Всё, что накопилось в ней за годы тайных отношений, все обиды, все сомнения, все переживания, всю свою жизнь выложила она человеку, о котором не знала почти ничего. Так бывает, мысли, которые берегутся для самых близких в отсутствие внимания открываются малознакомым людям. Образ Славы, описанный через обиды, через его отсутствие в жизни, через её чувство одиночества, предстал мрачным, наверное, так часто описывают бывших будущим.

– Это его книга, – Женя посмотрел недобро, – что ещё здесь принадлежит ему?

– Ничего, – соврала Аня, – ничего...

– Я видел старый мужской свитер, где он?

Чистейшая правда, Аня, как всегда, захватила с собой то, что скрашивало время в отсутствие любимого мужчины. Нехотя она отдала сначала свитер и рубашку Славы, потом записную книжку, оформленную в стиле подсолнухов Ван Гога, какие-то визитки из гостиниц, где они бывали, и, наконец, карту Петербурга с отмеченными совместными маршрутами.

– Вот, другое дело, одевайся и пойдём скорее, – Женя подождал, пока Аня переоделась в серый спортивный костюм и кроссовки, и потянул её к выходу.

По дороге он заглянул в свой номер и вернулся из него с бутылкой водки из минибара. На вопрос, зачем непьющему Жене водка, он только загадочно ух-

мыльнулся. По освещённой территории отеля, направо от центрального входа направились они быстрым шагом к месту, где начиналась тропинка для любителей терренкура. Найдя площадку с утрамбованным грунтом и редкими пучками зелёной травы, Женя свалил в кучу отданные Аней вещи. Записную книжку он разорвал, часть бумаги подsunул под основную часть вещей, часть свернул наподобие факела и зажёл от карманной зажигалки. В неподвижном воздухе бумага легко занялась, от неё была прикурены оставшиеся страницы блокнота. Когда огонь принялся за открытый сборник Вознесенского, Женя аккуратно вылил водку из бутылки на рубашку и свитер, которые никак не хотели гореть. Огонь вспыхнул ярким синеватым пламенем, мгновенно поглотив всё, что лежало на земле. Минуту или чуть больше Аня заморожено смотрела на пламя, потом по ее щекам в который раз за эту ночь покатились беззвучные слёзы.

– Это что за нахрен? – Далёкий оклик охранника прервал их немое созерцание. – Лёха, вставай, тут алкота какая-то, щас спалит всё!

– Бежим, – Женя схватил за руку спутницу, и они бросились в лес.

Обойдя главный корпус гостиницы, они вернулись к центральному входу, откуда было видно, как суетятся местные хозработники вокруг уже потухшего алтаря свободы. Поднимаясь по лестнице, Аня и вправду ощутила какую-то непонятную волю внутри себя. Подойдя к двери своего номера, она немного смутилась.

– Я побуду одна?

– Хорошо, Ань, побудь, до утра. – Женя направился в свой номер.

Упав на свою кровать, свернувшись в центре её калачиком, Аня сначала истерически рассмеялась, потом в голос зарыдала. Сквозь её смех-плач, повторяясь, прорывалась искажённая всего одна фраза: «Господи, пожалуйста, пусть он приедет и заберёт меня отсюда».

Женя уехал через два дня, скупно поцеловав Аню на прощание.

– Когда вернёшься, мы будем вместе, милая, – эти его слова внушили гораздо меньшую уверенность, чем те, что он говорил раньше.

– Ты приедешь за мной? – Аня отвела глаза, не в силах смотреть в это незнакомое лицо

– Боюсь, не получится, у меня работа будет, но потом мы обязательно...

Бело-жёлтый автомобиль такси остановился поодаль. Не окончив фразы, Женя твёрдым шагом направился к машине, лишь махнув на прощание рукой.

Спустя ещё три дня закончились выездные курсы, на которых Аня была приглашённым лектором. Участники начали разъезжаться ещё во вторник, она же освободила свой номер одной из последних, ближе к полудню. Женя не звонил с момента отъезда, однажды лишь наградив её сообщением «Доброй ночи». Некоторое время она посидела на кожаном диване возле стойки регистрации. Почему он просто не может приехать и забрать меня, почему? Аня

провела пальцем по неровному от трещин экрану телефона, сдерживая желание позвонить Славе. Подумав, она вызвала такси до вокзала, чтобы успеть на электричку до Москвы, отправлявшуюся в начале третьего. Поднявшись с дивана, Аня подхватила сумку и лишь сейчас ощутила, насколько она стала легче после ночного приключения с костром. Как много от него было в этой сумке и как много его было в её владелице, переплетённые воспоминания, взгляды, вкусы, всё это было необязательным и одновременно безумно важным. Сколь многое удалось, шутя, уничтожить, изъять и выбросить, сжечь за одну недолгую ночь.

Электричка шла целую вечность, прибыв в Москву в половине шестого вечера, ещё полтора часа ушло на то, чтобы добраться до дома. Поднявшись на второй этаж, Аня не глядя, привычными движениями открыла дверь связкой ключей, на которой висел неприметный брелок в виде половинки сердца с выбитой надписью «Я люблю Санкт-Петербург».

3

В клинике меня ждала неприятная новость – у пациента после операции возникло острое жидкостное скопление в левой поддиафрагмальной области. Косвенно это свидетельствовало о том, что соустье между протоком поджелудочной железы и кишкой «не состоялось», как это звучало на профессиональном жаргоне. После проведённого обследования мы удачно задренировали полость с жидкостью, однако факт оставался фактом. В отдалённой перспективе, в лучшем случае, остатки поджелудочной железы сохраняют только функцию выработки инсулина, и на том, как говорится, спасибо. А пищеварительную функцию придётся протезировать приёмом ферментов. Однако это самый оптимистический прогноз, между ним и смертью пациента ещё масса вариаций разной степени вероятности. Такую цену приходится платить за попытку радикального излечения онкологического заболевания. В конце дня в кабинете я просматривал видеозапись вчерашней операции, ища недостатки в своих действиях, вызвавшие adverse event, как это принято сейчас называть. Зазвонил внутренний телефон, на экране отобразилась надпись «патанатомия», я взял трубку.

– Зайдёте ко мне, у меня пару слов есть, – Виктор Петрович Большов был как всегда немногословен и не совсем тактичен.

Седобородый, несуразно высокий, сложением напоминавший вытянутый ромб, Большов при всей одиозности был одним из лучших. Его заключения отличались профессионализмом и академической выверенностью описания, а суждения были весьма жёсткими, если не жестокими. В своём отношении к коллегам он скорее тяготел к чёрному или белому, чем к каким-то промежуточным тонам. Общение с ним обогащало интеллект, истощая при этом душу. Зайти поговорить с Большовым значило узнать что-то

новое, иногда понять причины страдания пациента, но при этом испортить себе настроение на большую часть следующего дня. Однако без повода он тоже не звонил.

Идя по застеклённому переходу в патоморфологию, я пытался рассматривать здания клиники, поблёскивавшие металлом в лучах августовского солнца, однако перед глазами словно в свете стробоскопа, вспыхивал образ Ани и придуманные картины её настоящего. Телефон её был постоянно занят.

Дверь кабинета Большова была приоткрыта, сам хозяин помещения сидел, задумчиво почёсывая переносицу, терзаемую дужкой очков. Увидев меня, он поздоровался и пригласил присесть на кожаный диван против окна, из-за чего дальнейший разговор я вёл прищуриваясь, поскольку глаза после бессонной ночи слезились от яркого света.

– Ну вот по поводу Вашей последней ПДР, – Большов поправил очки, – вот предварительная гистология была?

– Аденокарцинома, – холодно ответил я. Быть экзаменуемым не входило в мои планы.

– Интересно. Аденокарцинома значит, – Большов полистал микрофото на экране монитора, – я бы и рад согласиться, вот только препарат после удаления кто-нибудь изучал?

– Ассистенты. Может, как-то к делу ближе. – Разговор начинал утомлять.

– Да вот дело-то и в том, что никто макропрепарат не оценил, а вы не командовали, наверное, или ассистентам вашим срать на вашу операцию, что, кстати, скорее всего.

– Время такое, всем на всё срать. – Я закрыл глаза, и перед ними опять появилась Аня.

– А вам? – Большов окончательно вывел меня из себя своим вопросом.

– С кем поговорить о жизни я найду, – сказал я, поднимаясь. – Если всё сказано, счастливо.

– Не всё, не всё. Вот полюбуйтесь, – мягкий тон заведующего патоморфологией предполагал наличие у него на руках всех возможных козырей, – пожалуйста, вот вам аденокарцинома, вот вам G1, вот вам инвазия.

Пляски на костях были одним из обязательных элементов работы, я успел почти привыкнуть к ним, но на моих костях так весело и звонко сплясать ещё мало кому удавалось. Большов был в ударе. Никакой аденокарциномы. Вопиющий и всесторонний недосмотр. Банальный. Камень. Да, небольшой, да, инкапсулировавшийся, да, необычно, но... Ни в страшном сне, ни в анекдоте такого случиться не могло. Поэтому случилось в жизни. То, что, похоже, вообще не требовало вмешательства на брюшной полости, было прооперировано самым калечащим образом с каким-то особым извращённым шиком – на работе. Фиаско. Все аплодируют стоя. Все аплодируют и приветствуют провал. Потому что мой провал – это их торжество. Как бы повёл себя на их месте я?

Хотелось бы мне предстать перед самим собой благородным, справедливым, переживающим чужие ошибки как свои. Хотелось бы.

Возможно ли как-то заглушить чувство противоестественной пустоты внутри, заполнить этот дефект экстренно? В некогда любимой мной неотложной хирургии существовала концепция *Damage control*, предполагающая, что пациенту с тяжёлой сочетанной травмой в ряде случаев не следует выполнять операцию в окончательном объёме – с резецированием органов, восстановлением целостности кишечника и тому подобным. При наличии тяжёлого шока надлежало остановить кровотечение максимально простым и быстрым способом, прекратить излияние содержимого полых органов и далее попытаться вывести пациента из шока. Окончательное вмешательство позволялось отложить. Довольно эффективным в плане остановки кровотечения было тугое тампонирующее брюшной полости марлевыми салфетками, которые сдавливали место кровотечения, позволяя выиграть время в состязании с ускользающей жизнью. Грубые, инородные по сути, тампоны не должны были оставаться внутри длительно, дабы не вызвать смертельных осложнений. Позвоительно также было укрыть содержимое брюшной полости полиэтиленовой плёнкой, пришив её к краю раны брюшной полости, такое приспособление называлось *Bogota bag* и вырезалось из подходящего по размеру и свойствам пакета из-под инфузионного раствора. Сроки перехода от временного лечения к окончательному обсуждались, пересматривались, оспаривались. Можно ли перенести эту практику на что-то ещё кроме хирургии повреждений. И не пришла ли она в хирургию из вечных попыток человека заполнить омерзительную кровоточащую пустоту в себе хоть чем-нибудь, тем, что попадётся под руку. Заткнуть бинтами, прикрыть полиэтиленовой плёнкой, хоть ненадолго, хоть с риском быть похороненным в таком виде, но попытаться осознать произошедшее. Не общее ли это проявление потребности выжить любой ценой? И не странно ли спустя некоторый промежуток времени, удалив уже помутневший *Bogota bag* и последовательно извлекая несущие лёгкий запах разложения оставленные тампоны, понять, что теперь из остатков повреждённых и обескровленных органов необходимо составить нечто, что должно функционировать хотя бы приблизительно так, как функционировало до травмы. И как окончательно принять факт, что, как ни крути, как ни сопоставляй ткани, как ни протезируй утраченное, как ни создавай новые пути тока жидкостей взамен утерянных, прежнего организма уже нет. Он выживет. Он сохранит имеющееся, заместит, как сможет, недостающее, сдержит то, чему уже не следует работать. Но как часто перенесённое будет напоминать о себе сужениями протезированных артерий, перетягивающими кишечник спайками, совершенно необъяснимыми вегетативными реакциями? Как часто он будет засыпать в ожидании того, что ночью, среди тишины и неведения, среди окружающих мирно спящих, очередной истощающий,

вворачивающийся, словно штопор, в самое нутро, приступ боли разбудит его и отпустит только на рассвете, давая забыться на недолгий час до звонка будильника. И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежняя земля и прежнее небо миновали, и моря уже нет.

На обратном пути, в том же остеклённом переходе я увидел её, она шла в одном направлении со мной, неся в руках папку с результатами утренних анализов. Как звали эту девушку, припомнить мне так и не удалось. Постовая сестра с тонкой фигуркой, в цветной шапочке и кроссовках в цвет костюма. Глаза серые, волосы пепельные, носик острый. Часто она заходила в мой кабинет без очевидной причины, в поисках историй болезни, каких-то исследований, или просто открывала дверь и, извинившись, вновь её закрывала, словно бы ошиблась. Она никогда не была интересна мне, я никогда не уделял ей какого-либо внимания. Как и со всеми прочими, здоровался, старался быть сдержанным в словах, тем более в действиях. Лишь иногда, проходя с обходом по отделению, когда она шла рядом, ощущал я некие непонятные колебания в окружавшем нас воздухе, угадывая в них скрытые её желания.

– Добрый день, вы не обратили внимания, там из 405 палаты анализы не готовы, – конечно, они были готовы, но вопрос должен был быть задан, – можно вашу папку?

– Да, конечно, – по тому, как она густо покраснела, можно было судить о её реакции на моё появление.

Немного неуклюже она выудила необходимые анализы, обойдясь при этом без избитой сцены с обронённой папкой.

– Спасибо большое, – я взял анализы и отправился в свой кабинет, – история болезни пока у меня будет.

– Да, конечно, спасибо, – услышал я за своей спиной.

За окном вечерело. Вялые попытки навести порядок на столе в кабинете прерывались сумбурными мыслями. Вскоре я оставил в покое стол и взгромоздился с ногами на диван, держа в руках большую кружку кофе из автоматической кофеварки. Я листал фотографии в телефоне, наши с Аней совместные фото. И вот среди множества кадров разных лет я наткнулся на видео, снятое мной в одной из совместных поездок. Весна, Карелия, тяжёлое небо, сквер небольшого городка, и по дорожкам сквера колесит на самокате Аня в развевающемся по ветру чёрном пальто. Взрослая, между прочим, девочка, кандидат наук, опять же, но. Удивительным детским восторгом, искренним и неподдельным сверкали её глаза. На последних кадрах Аня подъезжала на самокате ко мне и, довольная, позировала для фото, в этот момент был слышен её переливчатый смех. Где теперь эта девочка, в каких катакомбах сознания Анны Сергеевны свернулась она калачиком на кровати, обнимая плюшевого медведя, суждено ли ей увидеть ещё раз дневной свет или остаться там, где про неё никто не узнает.

Стук в дверь прервал мои мысли, в приоткрытый дверной проём заглянул вначале острый носик, потом серые глаза, следом появилась оставшаяся часть девушки без имени.

– Я за историей, можно, она ведь вам не нужна больше? – Она говорила немного виновато.

– Да, пожалуй, не нужна, – я поднялся ей навстречу, отставив чашку с кофе, – и, пожалуйста, подклейте анализы последние, я что-то запамятовал.

В следующую минуту мы молча смотрели в глаза друг другу, пауза становилась неудобной и смешной, движение воздуха словно приостановилось, в тишине слышен был лишь звук вентилятора, упорно охлаждавшего внутренности компьютера. Словно выполняя задуманную последовательность действий, она опустила глаза и положила ладони на мою грудь, тихо, без слов прижалась ко мне щекой. Прижав к себе её хрупкое тело, свободной рукой я сбросил с неё шапочку и погрузил пальцы в пепельные волосы, оказавшиеся на ощупь шёлковыми. Она была более хрупкой, более утончённой, чем Аня, её тело, превратившееся сейчас в единое пульсирующее сердце, казалось почти невесомым, склонившись к её губам, я ощутил едва уловимый запах каких-то пряностей. В свете закатного солнца она должна была выглядеть совсем эфемерным, полупрозрачным существом, словно родившимся из вод лесного ручья, существом, которое утром исчезнет так же неожиданно, как появилось. Поцелуй был отчаянным и пустым. Тщетно искал я в себе хоть какой-то отклик на происходившее, пока в какой-то момент весь процесс не превратился в изучение анатомии и физиологии ротовой полости. Мы отстранились друг от друга, и очередной приступ изжоги и тошноты подступил к моему горлу, заставив поморщиться.

– Пожалуйста, не забудьте подклеить анализы, – я вручил ей папку с историей болезни, – берегите себя.

Смущённо подхватив папку, она скользнула в коридор, чуть приоткрыв дверь и исчезла навсегда. Больше мы с ней не виделись.

Следующие дни были месивом из тяжёлой рутины борьбы с adverse event, кофе, тошноты и бессонницы. Каждую ночь я проваливался в сон не более чем на час. В какой-то момент, откуда-то от кончиков пальцев рук пробегало вверх, к груди непонятное чувство, быстро нарастающее и заканчивающееся чем-то вроде взрыва, такой салют, только вместо искрящихся разноцветных звёзд – пустота. И мысль. Она больше не с тобой. Дни истощали, неся новые сюрпризы в течение болезни пациента, ночи не сулили отдыха. Я отменил операции и консультации и занялся одним – попытками исправить то, что было сделано. К концу второй недели наметилась отчётливая динамика в состоянии пациента. Количество отделяемого по дренажу уменьшилось, на третьей неделе мы были готовы выписать пациента. В пятницу после большой клинической конференции ко мне подошёл руководитель хирургических клиник.

– Знаете, Вячеслав Николаевич, тут такие обстоятельства возникли... Зашли бы вы к академику сегодня, пока он на месте.

Не было сомнений, с чем связаны обстоятельства, однако и в этой ситуации я не обладал полной информацией. А директор клиники, академик Башлаев, обладал. Листая историю болезни, Башлаев смотрел на меня как на равного, но положение администратора обязывало его быть судьёй. Вытирая лоб платком, он вынул из истории знакомое мне предоперационное заключение гистологии, только оригинал, а не копию.

– Я не совсем вот понимаю. Тут полнейшее несоответствие. Вот полюбуйте, я, конечно, не панкреатолог и как вы не искущён технически, но вы выставляете диагноз. А на основании чего? – Башлаев подтолкнул ко мне листок.

Знакомый лист, всё то же, фамилия, возраст и текст, весь текст, наверное, весь, потому что я почти не читал его, но, скорее всего, текст не очень отличался, может быть, даже был идентичен. Но заключение внизу страницы отличалось кардинально. В нём ни слова не было о злокачественном росте. Хроническое воспаление. Гиперплазия. Лимфоидная инфильтрация. Можно было прочесть эти слова по отдельности, вместе, слева направо и наоборот, но никоим образом заключение не походило на то, которое я видел на консультации.

– Я имел на консультативном приёме другие результаты, – это было правдой и в то же время не оправдывало меня.

– Наша лаборатория пересматривала стёкла? – Башлаев в третий раз перелистал историю.

Ответить мне было нечего. Я пренебрёг обычной практикой пересмотра микропрепаратов в собственной лаборатории, за что, собственно, и поплатился.

– Отдаю должное вашим талантам и настойчивости в лечении осложнений, но, согласитесь, вы героически лечили необязательные осложнения ненужной операции, – Башлаев окончательно закрыл историю и положил на неё ладони. – Думаю, случай подлежит разбору.

– Согласен, подлежит, – ответил я и отправился в кабинет собирать вещи и писать заявление об увольнении.

Отговорить от ухода меня никто не пытался, на отработке стандартных двух недель тоже не настаивали. В первую пятницу августа я попрощался с коллегами и навсегда покинул стены клиники. По дороге к автомобилю я в последний раз набрал номер Ани. Всё было по-прежнему. Я стер её номера, удалил сообщения, которые архивировал за всё время нашего общения, наши совместные фото, подумав, оставил. Пусть будут.

Домой я ехал недолго, успел до вечерних пробок, хотя спешить было совершенно некуда. Улицы коттеджного посёлка, где я жил, были безлюдны,

однако совершенной неожиданностью для меня стала отъезжающая от моего дома «Тойота» адвоката моей жены. Она так и называла его «мой адвокат». Звучало пафосно и красиво, но инородно. Во-первых, фраза «катала помидоры на зиму, а тут мне мой адвокат звонит...» забавна сама по себе, во-вторых, в отечественных реалиях купить адвоката со всеми потрохами может себе позволить очень небольшая прослойка населения, а в-третьих, то, что у вас есть знакомый юрист, который заскочит помочь уладить какие-то вопросы, ещё не даёт вам право называть его своим. Лев Семёнович был вполне себе ничейным адвокатом, но по мелочам помогал членам моей семьи охотно, по большей части в память о проведённой его отцу операции. Итак, как бы странно это ни звучало, адвокат моей жены отъезжал от моего дома. В этот момент течение жизни обрело некую направленность, которой было лишено уже длительное время. Тихая заводь, в которой, повинувшись незаметным внутренним движениям, медленно кружат по поверхности прошлогодние коричневые листья, была утрачена. В лодке без вёсел и руля, заняв позу поудобнее, с сигарой и бокалом коньяка, обозревал я проплывающие мимо пейзажи в ожидании мели, водопада, порогов, чего-нибудь такого, что навсегда остановит бесцельное движение, но пороги были давно пройдены, а равнинная местность не предполагала наличие сколь-нибудь значимых перепадов высоты.

Я открыл дверь и остановился в коридоре, словно не способен был двигаться дальше. Всё здесь было иначе, чем я привык видеть. Нет, те же светло-серые стены, тот же матовый белый потолок с квадратными патинированными рамками светильников, та же подставка для домашних растений, но цветы в горшках на ней совсем не те, к которым я привык. Или всё же те, но одни безнадежно сторбившиеся, уставшие, а другие неожиданно распутившиеся. Вот кактус с бесстыдным раструбом белого цветка, впервые вижу, чтобы он цвёл, собственно, я никогда не интересовался, как и когда цветут кактусы. Эта обувь слева от входа, ни одной знакомой пары, ничего, что было бы составной частью лубочной картинки с названием «мой дом». Вот кухня, вот мебель, которую я выбирал сам, я помню её, а вот кухонная утварь, откуда она, вот эти тарелки и чашки, казалось, я видел впервые, в них должно было быть, но не было чего-то, что придаёт иной, чем вне дома, вкус вечернему чаю, что-то, от чего, вернувшись из гостей, хочется выпить хоть пару глотков из своей кружки. Лестница на второй этаж, картины на стенах, смесь из репродукций импрессионистов и оригиналов не очень известных художников, я больше не помнил, откуда эти картины, в том ли порядке они висели последние пять лет или их нещадно перетасовывали в поисках идеальных сочетаний. По коридору второго этажа навстречу мне шла женщина в тёмно-синем шёлковом ночном халате, средних лет, ухоженная, русые волосы забраны назад и заколоты, лицо с едва заметными морщинами, правильные черты, абсолютно бесстрастное выражение. Сложно было узнать в этой женщине ту, с которой нас

объединяли двадцать лет жизни в самых разнообразных условиях. Дело не в том, что время оставило и на ней свой отпечаток, вовсе нет, она продолжала выглядеть более чем достойно, но ощущение близкого человека напрочь отсутствовало. Когда оно исчезло, сказать уже было нельзя, наверное, этот момент был сглажен появлением в моей жизни Ани, может, им же и вызван. Теперь, когда Аня исчезла, неблизость и нелюбовь зацвели особым цветом, так несуразно выглядели стены моей комнаты в общежитии для аспирантов, когда я, покрасив их вечером при свете одинокой лампочки под потолком, вернулся посмотреть на результаты своей работы в полдень следующего дня.

– Ты сегодня рановато. – Голос её был пустым и скучающим. – Обедать будешь?

– Рановато, даже слишком. Спасибо, не голоден. – Я обошёл её и направился в свой кабинет, но остановился в дверях. – Напомни, на кого оформлен дом и земельный участок.

– На меня. Теперь на меня, – она отвечала не оборачиваясь, как стояла в центре коридора, словно я ещё был перед ней.

– Не удивляет, но радует. – Я ни капли не кривил душой, произнося эти слова.

Кабинет был тем местом, где всё было узнаваемо и близко, но и в нём непонятным образом поселилась мерзостная пустота, в которой даже дыхание становилось тяжёлым трудом. Мои вещи уместились в чемодан и дорожную сумку, с книгами дела обстояли хуже. Их пришлось разложить по коробкам и составить в углу комнаты, в надежде приехать за ними отдельно. С видом похмельного командировочного я вышел из комнаты, катя чемодан, с сумкой на плече. Вместе с вещами опустилась на меня тяжесть этого логичного, но несвоевременного решения. Проходя мимо зеркала, я увидел мужчину средних лет, лысеющего у висков, с мешками под безжизненными глазами.

– София, выйди, попрощайся с отцом, – голос звучал властно и насмешливо.

– Кто куда собрался? – Соня выскочила в коридор, лохматая, в помятой футболке, и побежала ко мне.

Словно что-то почувствовав, она остановилась в полуметре, непонимающе оценивая мой внешний вид.

– Пап, ты куда? – Соня наклонила голову, пытаясь заглянуть в мои глаза

– Знаешь, маленькая, я не совсем уверен. – Мне не очень хотелось говорить Соне что-то, что разрушило бы её мир.

– А назад. – Она всё поняла, это было в её голосе.

– Никогда, Сонь, наверное, никогда. – Эти слова было произнести сложнее всего.

Она медленно отошла от меня и, не сказав больше ни слова, скрылась в своей комнате. Не оборачиваясь, я спустился по лестнице, вышел на

безлюдную улицу, чемодан поместил в багажник, а сумку на заднее сиденье автомобиля. Из бокового кармана посмотрел на меня край книги в мягком переплёте, которую я сунул туда просто потому, что она лежала на комод. Это была та самая «Лолита», которую не так давно забыла у меня в машине Аня.

4

Что делать со свободой и на что её поскорее променять, вот первый и главный вопрос свободного человека. Этим вопросом задавался и я, сидя за столиком сетевого кафе на юго-западной окраине Москвы с чашкой пережжённого кофе и пустым на вкус салатом. Найти работу для меня в Москве или другом крупном городе не составило бы проблемы, знакомых и связей хватило бы на это с лихвой. Но отчего-то хотелось другого, словно та работа, являвшаяся частью той жизни, должна была быть принесена вместе с ней в жертву, предана огню, развеяна пеплом, словно новая жизнь требовала глобальных перемен, возвращения к наивным истокам. Листая объявления на сайте поиска работы, я неожиданно наткнулся на предложение из районной больницы города, о существовании и приблизительном местоположении которого, казалось, не имел представления. Взглянув на карту, я обнаружил, что дорога в населённый пункт, расположенный в пятистах километрах от Москвы, проходила через Калугу, где так недавно исчезла Аня, и счёл это если не знаком, то поводом проехать нашим с ней последним совместным маршрутом. По прилагавшемуся к объявлению номеру долго не отвечали, затем в трубке затрещало и послышался густой мужской голос.

– Слушаю. – Судя по тону, это был главный врач, в отсутствие секретаря вынужденный самостоятельно отвечать на звонки.

– Я по поводу работы, тут написано, что вам хирург в стационар требуется.

– Это в отдел кадров звоните, – голос сохранял недовольные интонации.

– Постойте, постойте, тут ваш телефон указан, так что давайте уже выясним, нужен вам хирург или нет. – Несмотря на странные жизненные обстоятельства, такое отношение к моей персоне меня порядком разозлило.

– Ну да, мой, – голос в трубке был озадачен, – и что?

– Я не могу понять, вам всё же хирург нужен?

– Ну да, но знаете нам бы как бы это, – замялись на том конце линии, – опытный, в общем, у вас стаж какой, категория есть?

– Двадцать два года, категория высшая, сертификат действительный, два сертификата, ещё по онкологии, – я боролся с желанием озвучить и научную степень с регалиями.

– Ага, ага, – наступила пауза, прерываемая помехами, – а вы могли бы приехать, ну там документы показать, собеседование, всё такое, мы всё же не какой-нибудь ФАП, районная больница, у нас тут объёмы и доступность и ещё...

- Будут вам документы, и я буду. В понедельник утром.
- Адрес у нас...
- Я уже посмотрел, не переживайте, это ведь в моих интересах вас найти, спасибо.

Покончив со скучным обедом, я сел в машину, размышляя о том, как провести оставшиеся два с половиной дня. За этими мыслями я свернул с Мичуринского проспекта на Ломоносовский и остановился на парковке возле здания университетской библиотеки. Перейдя через подземный переход, мимо памятника Ломоносову, я обогнул главное здание университета и оказался на университетской площади. Туристы группами разных размеров, люди на арендованных велосипедах, местные жители, неспешно прогуливающиеся небольшими компаниями, сидящие на большом газоне, студенты, преподаватели – вечер на Воробьёвых горах был многолюдным. По песчаным дорожкам вдоль фонтана, мимо бюстов знаменитых деятелей Университета, через университетский проспект, вдоль клумб, через улицу Косыгина к смотровой площадке. К парапету не подойти – редкий турист избежит этой фотографии: полтуловища, гранитная балюстрада, река, за ней Лужники и огромный город, на улицах и в подземельях которого спешили по делам, толкались и теснили друг друга одинокие люди. Сделав большой круг по Косыгина, проспекту Вернадского, я вернулся на Ломоносовский проспект. Темнело, скоро должна была включиться иллюминация корпусов университета. Я сел в машину, включил навигатор и забил адрес потенциального работодателя. «Время в пути пять часов» – сообщило устройство. Торопиться к конкретному сроку не было никакой необходимости, поэтому я заехал в пустующий торговый центр на «вернадке», чтобы купить в дорогу чего-нибудь съестного. Бродя между прилавками супермаркета, в отделе с овощами и фруктами, я остановился возле корзины, на дне которой одиноко лежали два ярких пушистых персика. Взяв их в руки, я ощутил яркий аромат, и ко мне вновь вернулся образ Ани, которая никогда не могла пройти мимо этих фруктов. Каждый наш поход в магазин она устремлялась во фруктовый отдел и выискивала там какую-то особенно вкусную породу персиков, победоносно возвращаясь с несколькими плодами в руках. «Смотри какие, те самые, как я люблю», – хвасталась она. Я так и не научился выбирать те самые персики, как ни старался. В десять часов вечера я выехал на Киевское шоссе. В зеркале заднего вида удаляясь, делаясь всё недостижимее, светилась объятая негасимым пожаром ночных огней Москва, горели с ней мои призрачные связи, остатки ставшего чужим дома, заработанные и потраченные неизвестно на что деньги, горело прошлое, облизывая огнём неясное настоящее.

Чуть за полночь я въехал в Калугу. Город был безлюден, как и полагалось провинциальному городу в ночное время. Гагаринский мост через Оку, потом направо и ещё раз направо по неосвещённой дороге спального района,

между одинокими частными домами к гостинице. Окружённая лесом, холмистой местностью на берегу реки, ярко освещённая территория гостиницы с центральным зданием, совмещавшим функцию горнолыжной трассы, выглядела гнетуще и странно. Возможно, причиной этому была циркулирующая в сознании мысль о том, что это место утянуло в свои сверкающие недра ту, что была дорога мне. Никогда ещё я так не надеялся на какое-то безумное совпадение, на случай, который вдруг вернёт мне Аню, на какую-то невнятную последовательность действий, которая должна была закончиться встречей с ней на месте, где мы виделись в последний раз. Оставив машину поодаль, я обогнул парковку слева и подошёл к уходящей в поле тропинке, обозначенной как «тропа здоровья», которая, судя по табличкам, начиналась и заканчивалась здесь. Сев в траве под небольшим деревом, я представил, что вот именно в этом месте проходила Аня вместе с тем человеком, беседуя о чём-то, о чём прежде беседовала со мной. Можно ли найти её следы среди примятой травы и утрамбованного грунта, можно ли, если долго ждать, дожидаться её на месте, где закольцовывается эта загадочная тропа? Раздались тихие шаги за спиной, желание обернуться спорило с необъяснимой надеждой на сиюминутное чудо.

– Вы, простите, в комплексе проживаете или просто. – Охранник в тёмно-синей форме чиркнул зажигалкой прикуривая сигарету. – В ночное время вход на территорию...

– Нет, случайно забрёл, ухожу уже. – Я поднялся, отряхнув джинсы, и поплёлся в сторону машины.

– А то знаете, недавно тут такой костёр устроили, вроде и взрослые люди, – охранник, словно извиняясь, продолжал мне в спину, – чего-то жгли, парочка какая-то...

Но я уже не слушал его, нужно было продолжать путь. Ехал я не торопясь, неосвещённая трасса не располагала к быстрой езде, жвачка из мыслей тоже. Дорога пересекала густые леса, заболоченные русла рек, начинало светать, когда, проехав кафе, облюбованное дальнбойщиками, я свернул налево в сторону поселения и проехал мимо своеобразного центра, сконцентрировавшего несколько относительно крупных магазинов под одинаковыми синими крышами. Из двух имевшихся в городке гостиниц я выбрал ту, у которой имелось имя собственное, поскольку её ближайший конкурент был обозначен на карте навигатора как «Гостиница». Найти моё временное пристанище оказалось нелегко, поскольку гостиница была расположена на втором этаже здания, между продуктовым магазином и стоматологическим кабинетом. Стоит ли говорить, что в седьмом часу утра мне никто не открыл дверь, пройдя ниже по улице, я обогнул белёную церковь, судя по всему, построенную недавно, и вернулся в машину. Чем этот посёлок привлёк меня, почему я не стал искать других предложений, наткнувшись на объявление о работе в этом

никому не известном месте. В голове крутилась фамилия пациентки, она всплыла сейчас, увлекая за собой связанную с ней историю.

Она заглянула в мой кабинет с извиняющимся видом, пожилая женщина в платке, с серой хозяйственной сумкой, источавшая какой-то тёплый деревенский запах, такой же тёплой была её непосредственность. Диагноз аденокарциномы слепой кишки был установлен несколько недель назад в областной больнице Брянска. Кто надоумил её приехать в Москву, я так и не узнал, но именно её наивность открыла, одну за другой, двери, приведшие её в кабинет руководителя второй хирургической клиники. В порядке исключения мы госпитализировали её в день обращения, обследовали и прооперировали. Эдик негодовал. Эдик не мог понять, как пациент попал ко мне на приём, миновав его цепкие лапки. Эдик не мог понять, как вообще возможно вот так прийти к профессору и попросить о помощи. Эдик вообще очень многого не понимал. На выписку к пациентке приехали две соседки по улице, в этот день ординаторская была заставлена банками с домашним разносолом. Эдуарду Семёновичу досталась банка огурцов, его лицо при этом было второй значительной вехой в этой истории. Теперь я точно вспомнил, где впервые увидел название этого населённого пункта.

Заселение в гостиницу прошло непривычным мне образом. Скупая на слова женщина средних лет с выжженными волосами и безжизненными глазами неопределённого цвета, ни улыбки, ни «добро пожаловать», ни предложения осмотреть номер, ничего такого, к чему я привык. Ключ с пластмассовым брелоком и цифрой «3», номер, чистый, просто обставленный, с запахом пустоты, необжитости, неработающий телевизор. Из окна открывался незамысловатый вид на задний двор здания, кусок улицы и деревянную будку, из которой сезонно торговали арбузами. В душе долго ждал, пока вода потеплеет до приемлемой температуры, слушал, как барабанили капли по стенам душевой кабины. Так же стучали капли в окно номера гостиницы на Невском проспекте несколько лет назад, когда я показал Ане Питер.

Был сентябрь, из уютной московской осени последним скоростным поездом мы переместились в промозглую петербургскую ночь. Площадь московского вокзала была оживлённой, несмотря на время, мы плотно застегнули куртки, которые в Москве несли в руках за ненадобностью.

– Ну давай, вдохни, он совсем другой, – я обнял её за плечи, – воздух, ты чувствуешь?

– Другой. – Глаза её светились восторгом. – Я чувствую, милый.

Под мелким дождём шли мы по Невскому в направлении Лавры, я ловил на её лице признаки радости и удивления от того нового, что открывалось её взгляду на этом не самом живописном участке Питера. По дороге мы забежали в магазин, взяв к ужину пару булочек, сыр, ветчину и чай. Наскоро перекусив, мы заснули в номере гостиницы, расположившейся в старинном здании

во дворе дома 147 по Невскому проспекту. Это было первое утро, когда нам не нужно было спешить, куда-то ехать, от кого-то прятаться. Будильник прозвонил в шесть, выключив его, я обнял Аню и продолжил дремать.

– Слав, а сыр мы сегодня откроем? – Вопрос пробудил меня от утренней дремоты.

– Откроем, конечно. – Я посмотрел на лицо Ани, похоже она сама не окончательно проснулась.

– Спасибо. – Голова её упала на подушку, и она тихо засопела.

Утро было на удивление солнечным и тихим. Позавтракав, мы отправились на Заячий остров знакомить Аню с Петропавловской крепостью, потом по Кронверкскому и Биржевому мосту, разглядывая по дороге фасады Дворцовой набережной, постояли возле Роstralных колонн и наконец, перейдя Большую Неву, оказались в саду Зимнего. Ошибку свою я понял, только когда мы перешли к адмиралтейству и двинулись вдоль Дворцового проезда.

– Стой, стой, вот сюда повернись, – я отвернул Аню к Александровскому саду, – всё, вот сюда смотри и не поворачивайся, пока я не скажу.

– Ты чего это? – Аня была удивлена и заинтригована одновременно.

– Так нельзя, быстрее пойдём, и не вздумай смотреть налево, – я потащил её за руку и разрешил повернуться только тогда, когда первые дома Невского перекрыли вид на Дворцовую площадь.

– Ничего не поняла

– Сейчас поймёшь, милая, сейчас поймёшь, понимаешь, в первый раз на Дворцовую нужно выходить только по Большой Морской через Триумфальную арку, иначе впечатление будет испорчено на всю жизнь.

Мы двинулись по намеченному маршруту, через излом пешеходной улице в арку, и по мере того, как открывался торжественный вид Дворцовой площади, я жадно ловил перемены, происходившие на лице Ани, передававшие мне приумноженное чувство восторга.

– Я люблю тебя. – Она повисла на моей шее в проёме Триумфальной арки на фоне необычно чистого серо-синего питерского неба.

Я проснулся всё в том же пыльном номере, был вечер, начало седьмого, за окном был совсем не Петербург, соседнее место на кровати пустовало. Отчаянно хотелось курить, чего не случалось со мной уже очень давно, с тех пор, как я приурочил отказ от этой привычки к рождению дочери. Одевшись и умывшись, я отправился в пеший поход по посёлку. Непривычная для бывшего жителя столицы тишина царила на улицах посёлка, прохожие были редки, молодёжь немногочисленна, дети, игравшие на улицах возле домов, заставили вспомнить далёкое и туманное детство, те же незамысловатые игры, те же казавшиеся серьёзными проблемы. По узким, разбитым улицам, мимо однотипных небольших домов, изредка разбавленных вычурными архитектурными решениями, в течение часа, перейдя железнодорожные пути,

я оказался на краю посёлка, образованного двумя слившимися и потерявшими границы сёлами. Попавшиеся по дороге кафе были либо закрыты, либо имели довольно сомнительный вид, поэтому по дороге в гостиницу я зашёл в продуктовый магазин, купив там полуфабрикаты, пригодные к приготовлению в микроволновой печи, той, что стояла в коридоре гостиницы, одна на все пять номеров. Ночь прошла незаметно, но несмотря на то, что я ни разу не проснулся, как это бывало в последнее время, утром по-прежнему ощущал себя разбитым. Весь следующий день я провалился на кровати, пытаюсь прочесть единственную, имевшуюся у меня книгу, однако мне так и не удалось продвинуться дальше сороковой страницы, поэтому я вновь принялся листать потрёпанную книгу, в поисках закладок и заметок, пока не наткнулся на подчёркнутый Аниной рукой фрагмент. «Неистово хочу, чтобы весь свет узнал, как я люблю свою Лолиту, эту Лолиту, бледную и осквернённую, с чужим ребёнком под сердцем, но всё ещё сероглазую, всё ещё с сурмянистыми ресницами, всё ещё русую и миндальную, всё ещё Карменситу, всё ещё мою...» От праздности я провалился в сон ближе десяти часам вечера.

Начало лета, тихий подмосковный двор, редкие прохожие, дорожка, ведущая к подъезду пятиэтажки.

– Я никуда не пойду. – Глаза Ани были полны слёз. – Никуда отсюда не пойду, вези меня туда, куда ты едешь.

– Анют, послушай, давай не сейчас, нам нужно время, чтобы всё решить, перед тем как мы будем возвращаться в одно и то же место. – Её настроение заставляло злиться на себя и на неё одновременно.

– Сколько ещё времени нужно, – она повысила голос, в котором появились истерические нотки, – сколько ещё возможно вот так жить.

– Аня, ну ты же понимаешь, невозможно вот так сразу...

– Не понимаю, почему если двое любят, они не могут быть вместе, – она, уже не скрывая, рыдала.

– Потому что жизнь – вот такая непростая штука, – я перестал скрывать раздражение, – сложная и непонятная.

Я попытался обнять её, но она, вырываясь, стучала кулачками мне в грудь, била по рукам и рыдала всё сильнее.

– Тогда выкинь меня из машины, выгони, скажи, чтобы я ушла, и больше не возвращайся!

– Ань, ты же знаешь...

– Не знаю! Не знаю! Давай, выгони меня! – Неожиданно она хлётко ударила ладонью по моей левой щеке. – Сколько ты будешь ещё издеваться надо мной?

– Ань, – я посмотрел на её раскрасневшееся от крика и слёз лицо, на опухшие веки, на распатланные вьющиеся медные волосы, – тебе лучше сейчас пойти домой.

– Пошёл ты к чёрту и гляди под ноги, когда идёшь туда, куда всегда возвращаешься! – Она выскочила из машины и побежала к подъезду...

Меня разбудили непонятные звуки за окнами, сквозь опущенные веки пробивалось непонятного происхождения зарево. Я поднялся и подошёл к окну, за ним ярким костром пылала будка с арбузами, видимо местные делили бизнес, тушить её никто не торопился. На часах была четверть третьего ночи.

Утро было прохладным, за ночь на капот и крышу машины упали несколько сухих листьев, стёкла были подёрнуты влажной плёнкой. От гостиницы до больницы была одна остановка автобуса – не больше полукилометра по улице с говорящим названием Липовая Аллея. В половине девятого я стоял возле закрытых дверей административного корпуса, находившегося в одном здании с пищеблоком, что с одной стороны было не совсем эстетично, с другой, наверное, вполне оправданно. Сотрудники административного аппарата начали подтягиваться ближе к девяти утра, я наблюдал за этими характерными персонажами, пытаюсь угадать их профессиональную направленность. Вот маленькая, юркая женщина, немного за сорок, пришла первой, открыла дверь, наверное, секретарша, выбегая на улицу то покурить, то просто без дела, панибратски здоровалась со всеми, кого видела. Мужчина в клетчатом пиджаке и джинсах с хитрым бегающим взглядом и немного заискивающим выражением лица – похож на завхоза. Вот властная высокая женщина, идущая широкими шагами по колдобинам больничного двора в туфлях, размер ноги несуразно мал, всё время спотыкается – видимо зам главврача по лечебной части. Две дамы за пятьдесят приехали на такси – особый шик, одна с видом наиглавнейшего человека в больнице, с волосами загадочного красного оттенка, вторая с грустным лицом, напоминающая селедку иваси – явно работницы бухгалтерии или вроде того. Наконец из захавшей чуть ли не на ступеньки крыльца «Нивы» выкатился мужчина лет сорока, не по годам круглый и лысый, в помятом от сидения в машине костюме, с коричневым портфелем под мышкой, осмотрелся и медленно вошел в двери. Видимо, он мне и нужен, подумал я, и отправился вслед за ним. Смекалка меня не подвела, Николай Александрович Подрепкин действительно был главным врачом этого заведения, было ему тридцать восемь, и он никак не желал верить в то, что человек с моим прошлым мог оказаться здесь, на собеседовании о приёме на работу. Но отделение хирургии, некогда имевшее приемлемый уровень, после смерти предыдущего заведующего медленно скатывалось в клиническую пропасть вместе с немногочисленным персоналом. Всё было настолько безблагодатно, что должность заведующего по очереди исполняли все причастные, в том числе и дежуранты, что, конечно, никуда не годилось. Без четверти девять я вышел из административного корпуса со всеми возможными подписанными бумагами и ключами от чуть покосившегося домика на краю больничной

территории, ближе к лесу. Завтра должен был быть мой первый рабочий день. Прогулявшись в сторону центра, я обнаружил единственный в посёлке книжный магазин, ютившийся в одноэтажном здании лохматого года постройки и имевший невзрачный вход с торца. Вывеска и режим работы на двери магазина были написаны вручную чёрной и красной красками на белой жестяной табличке. Внутри царил полумрак и покой, продавщица – дородная женщина с седеющими волосами – только повела в мою сторону взглядом. Фактически магазин представлял собой книжный развал под крышей, большую часть ассортимента, судя по всему, составляли различные издания с советами по оздоровлению организма, незамысловатые любовные романы и детективы. Получив разрешение продавщицы, я закопался в гору книг, найдя наконец что-то, что помогло бы мне скоротать первое время на новом месте. Томик Евтушенко – такой же всегда лежал возле кровати Ани на тумбочке, Вознесенский – когда-то я подарил сборник стихов Ане, она всегда возила его с собой. Подумав, я дополнил свой набор двухтомником Достоевского, хоть не раз говорил ей, чтобы она не читала Достоевского осенью. Расплатившись, я сложил книги в пакет и вышел на улицу. Солнце светило ярко, но всё меньше было в этих лучах тепла и всё больше предчувствия сентября. В этот же день я досрочно освободил гостиничный номер, оставив отель совсем без постояльцев.

5

Солнце, пробившееся между неровными планками казённых жалюзи, разбудило меня за час до звонка будильника. Поворочавшись на продавленном диване, я смирился с тем, что сон на сегодня окончен, что пора начинать работать и что, во сколько ни начни, закончить эту работу, то есть логично завершить, не удастся никогда. Открыв кран раковины, расположенной здесь же, в моём кабинете я, как всегда, чертыхнулся и отпрыгнул в сторону. Сочетание мелкой неудобной чаши, несуразно высокого крана и какого-то особенного напора воды предполагало невозможность умыться, не облившись практически по пояс. Усмирив потоки воды и приладившись к раковине немного сбоку, я всё же мог умыться и почистить зубы. После непродолжительного туалета я снял с крючка свежее полотенце и приложил его к влажному от умывания лицу. Из зеркала на меня посмотрел несколько небритый и слегка не выспавшийся человек с зеркально отпечатавшимися на левой щеке зелёными буквами. «ХО» – хирургическое отделение. Как только не метили бельё в этой больнице, но делать надписи зелёной краской было несомненным единоличным изобретением сестры-хозяйки. «Чтоб тебя» – подумал я и попытался смыть клеймо с лица. Буквы расплылись, оставляя на щеке зелёные разводы, но до конца не смылись. Решив, что лучше уже не будет, я подошёл к окну и поднял жалюзи. Со второго этажа двухэтажного корпуса больницы,

стоявшего на пригорке, открывался вид на низкий, местами утопающий в зелени деревьев посёлок. Три школы, спиртзавод и конное хозяйство – скромный набор для тихого проживания местного населения, больница на сотню коек, разбросанная по одно- и двухэтажным корпусам, неторопливое течение жизни, здоровающиеся на улице местные жители, иногда пытающиеся показать свою болезнь прямо вот так, на остановке общественного транспорта. За почти год жизни здесь я так и не привык к странному названию города. Локотское. Коммуна Пчела, Майский Жук, Пахарь – названия окружавших Локотское населённых пунктов усиливали эффект Нетландии. Не то Лукоморье, не то Зурбаган, а то и Земля Пресвитера Иоанна, то ли есть, то ли нет этого посёлка на Земле, или наоборот, во всей Вселенной осталось одно-единственное Локотское. Днём в какую ни посмотри сторону с больничного холма – сплошь лес, степь, реки, где-то за лесом железная дорога, по которой неспешно проезжают шесть составов в день – три с севера на юг, три в обратную сторону. Утром в обед и вечером мир напоминает о своём существовании свистом электрички и скромной суетой в районе вокзала – три раза в день по левой и три раза по правой стороне путей на платформах из бетонных плит. Три раза в день раздаётся по округе заезженный голос: «Внимание: поезд. По первому пути». Ещё три раза объявляется второй путь. Последний такой оклик будет в начале восьмого вечера, а дальше всё стихнет, выползет из-за горизонта ночь, зажгутся россыпью по пустым улицам фонари, потом потухнут окна, город заснёт тем праведным сном, каким может спать только провинциальный город, для которого нашёлся лишь скромный кружочек и мелкий курсив в атласе автомобильных дорог. Но рядом федеральная трасса, до ближайших круглосуточных больниц по семьдесят километров в любую сторону, и поэтому в зачарованном Лукоморье-Локотском на холме стоит двухэтажный хирургический корпус с портиком из безвкусных квадратных колонн, стены внутри выкрашены зелёной краской, потолки белёные, на полу стёршийся линолеум «под паркет». Ординаторская, кабинет заведующего, десять палат, две койки в реанимации, две операционных, продавленные сетчатые кровати, операционная мебель позабытых годов, хирургические инструменты как из учебника, такие, какие столичный доктор только в этом учебнике на картинке и видел. Медицинские суеверия и обряды, «оперировать не надо, от этого только хуже», «с инсулина не слезешь», стойкий запах мази Вишневского, красные тряпки на флегмонах голеней, печёный лук на карбункулах, чесночная каша от геморроя, где-то кто-то 80 лет назад моей бабушке сказал, что так и нужно. Люди удивительных судеб и характеров. Вот плетётся ко входу Владимир Петрович, уролог, за плечами клиника Лопаткина, пятьдесят семь в этом году. Что теперь? Теперь случайные операции и рабочий день до одиннадцати часов, потому что пять коек, потому что лето и погода замечательная, потому что в портфеле початая бутылка первача и яблочко. И по-

этому до одиннадцати. На прошлой неделе пытались сёстры спрятать под саваном простыни на каталке, везя к выходу под видом усопшего, пьяного Петровича, только он сам себя выдал. В середине коридора раскинув в стороны руки с узловатыми пальцами запел «По аэродрому». Так не всегда, неделю, ну десять дней, когда и по три месяца не пьёт, рыбачит, сидит за столом с томиком Лескова. Умный, начитанный, вежливый, приятный человек. Или вот Саша. Саша уже на работе. Саша молод и трудоспособен. Как попал сюда и за чем. Из крупной больницы, из областного центра, зачем-то в двадцать шесть. Зачем-то или от чего-то. Опять женщина, есть что-то в глубине его тёмных глаз, что выдаёт. Экстраверт, болтун, вроде и душа наизнанку, а главное где-то внутри. Схватывает на лету, понимает, что где-то нужно осторожнее, где-то агрессивнее, читает, много читает, что-то пытается сделать, приспособить, доработать. Не отсюда ты, Саша, не отсюда. Скоро станет тесно твоей мысли в этом забытом всеми отделении, нужно будет дальше, нужно будет выше, есть для этого все предпосылки. Помогут ли, случай ли представится, но тебе дальше, утренней электричкой на шесть двадцать, и дальше, дальше, дальше. Туда, где должно быть человеку с огоньком, с вектором внутри. Не будет тебе покоя, пока ты жив, и окружающим не дашь его испытывать, забрасывая идеями, заданиями, требованиями, будешь изводить и пугать администраторов, внедряя и развивая, будешь смущать любимых женщин нерешительностью и невнимательностью, злить жён необустроенностью быта, огорчать друзей редкими звонками. Электричка на шесть двадцать, ночной поезд в Москву, самолёты, автобусы. Сколько людей устанут от этого движения, со сколькими придётся распрощаться на своём пути, по безымянным перронам и вокзалам, в залах вылета, куда он приведёт тебя в итоге. Ни денег, ни счастья, ни любви, лишь вечная неуспокоенность.

Как в этой глуши живётся профессору из крупной столичной клиники. Живётся, и на том спасибо. Дом при больнице, две комнаты и кухня, Лендровер продан, взамен куплен подержанный красный пикап, остальное где-то в банке на депозите. На всякий случай. Дни не летят и не идут, а медленно ползут, месяцы, времена года неспешно сменяют друг друга. Первые две недели моей работы, общественное мнение балансировало между предположением, что я шарлатан и вовсе никакой не доктор наук и идеями о том, что местную больницу решили расширить во благо местного населения. Естественно, оба варианта были чистой фантазией. Изучив имеющиеся ресурсы хирургического отделения, я не без помощи старых знакомых выбил из местного минздрава скромное лапароскопическое оборудование. В феврале после переоснащения операционной мне удалось впервые в Локотском произвести удаление желчного пузыря с помощью лапароскопии. Понемногу потянулось за помощью население окрестных населённых пунктов, обеспечивая отделение некоторым объёмом работы. Сегодня плановых вмешательств не

предвиделось, Петрович был в полной готовности ухода в очередной запой, Саша готовил карты к внеочередной проверке, а я должен был заняться пациентами, прооперированными мною же накануне.

С лицом, отмеченным зелёным клеймом хирургического отделения, я вышел в коридор, по которому плёлся одинокий раненый в пьяной драке с плевральным дренажом.

– Я, знаете, вот тут бурлить вчера перестало, – пациент показал мне ёмкость с фурациллином, куда для герметичности была погружена трубка, ведущая из плевральной полости, – а вот если подуть, то опять бурлит.

Пациент вынул трубку из банки и, зажав её губами, начал надувать воздух в собственную плевральную полость, затем вернул дренаж в исходное положение.

– Вот, пожалуйста, забурлило. Только ненадолго как-то.

Я крепко зажмурился, пытаюсь сдержать праведный гнев от увиденного, отчего в глазах появились сверкающие точки.

– А давайте не будем туда дуть и вообще не будем вынимать дренаж из бутылки, – предложил я, – так даже лучше будет.

– Правда? – Пациент взглянул обнадёженно. – Давайте.

И довольный поплёлся назад к своей палате. К чему я уже привык за время работы в Локотском, так это к нерафинированным пациентам, к людям, нёсшим к врачу кроме болезни все, что ей сопутствовало. Вместе с дедушкой, страдающим синдромом диабетической стопы, появлялись и домочадцы, недовольные необходимостью терпеть рядом с собой человека с ограничениями, эндокринолог поликлиники с рассказами о тонкостях смены инсулина одного производителя на другой, неожиданные родственники, ожидающие в случае чего раздела имущества. Женщина, приведшая свою престарелую мать и поносящая всё и вся, в особенности бездушных врачей, оказалось, была раздражена тем, что её мать по дороге на приём дважды не удержала кал, заставив дочь заниматься этими проблемами непосредственно на улице. Половина проблем пациентов и их родственников не имела ничего общего с медициной, однако определяло и процесс, и, как оказалось, результаты лечения. Огромное количество людей, требовавших внимания, правильного слова и оптимистического прогноза. Где же ты, Эдик, со своим талантом поговорить и убедить, где же ты, о велеречивый, хотя нет, помер бы ты тут с голоду или от тоски.

По левую руку от меня располагались операционные, затем шли палаты, в противоположном конце здания находилось отделение реанимации, куда я и направился осмотреть пациентов, оперированных по поводу кишечной непроходимости и желудочного кровотечения. По дороге я зашёл на сестринский пост, где, облокотившись на стол, рассказывала что-то дежурной сестре дородная молодая женщина в белом халате – сестра-хозяйка отделения. Такая

вот дама из разряда «что положи, что поставь», но очень, иногда даже излишне деятельная.

– Светлана! Никогда! Слышите, никогда больше! – я обернул к ней зеленую сторону лица. – Вот так не делайте!

Постовая сестра прыснула в кулачок и покраснела, а Света, словно перекасти-поле, тронулась с места и, ойкая, укатилась в сторону своего кабинета, по дороге собирая из палат небезопасные в плане окраски полотенца.

Телефон завибрировал в кармане, стоило мне взяться за ручку двери, над которой гордо красовалась новенькая табличка «Отделение реанимации». Ниже этой надписи на табличке была запечатлена попытка местного завхоза перевести наименование структурного подразделения на английский язык. Такая попытка была продиктована какой-то сомнительной необходимостью, вероятно, прошедшими в области спортивными мероприятиями с международным участием. «Resuscitation department», так подсказал завхозу популярный интернет-переводчик, отделение оживления. Таким же образом родились на свет отделение несчастных случаев (травматология) и другие забавные надписи на английском, тут и там разбросанные по просторам главного корпуса. Несомненно, эти надписи при случае позабавили бы англоязычную публику, но, по стечению обстоятельств, ни одного иностранного гражданина Локотская районная больница за сто лет своего существования не видела. Подумав, что сделать первым – открыть дверь или взять телефон, я выбрал средство связи. Звонила Соня. Впервые с момента моего отъезда. Не принявшая, не простившая, по-юношески прямолинейная Соня прервала всякую связь со мной, как я и ожидал. И вот впервые она звонит. Я почувствовал, как застучало сердце и задрожала рука, прежде чем провести по экрану, чтоб принять вызов.

– Папочка, я поступила, слышишь! Я прошла в первом потоке! Папочка, я люблю тебя! – Из трубки врывался восторженный голос Сони.

– Поздравляю, доченька, – я говорил тихо и, как бы банально это ни звучало, чувствовал подкатившие к глазам слезы, – ты умница, я же тебе говорил всегда.

– Спасибо, пап! – Соня совсем перестала сдерживать эмоции. – Ты приедешь на посвящение в студенты?

– Я постараюсь, маленькая, – я замялся, – если ты, конечно, хочешь.

– Пап, ну... – Это означало одновременно и укор, и непонимание, – я буду очень ждать. Я побежала. Спасибо, пап.

Соня хотела быть врачом, как отец, с того возраста, когда в нашем детстве все мечтали стать врачом или космонавтом. Как ни странно, она пронесла это желание через годы, регулярно напоминая мне об этом. «Пап, я, как ты, хочу стать врачом, знаешь?» – вопрошала она меня, обнимая за шею, пока я отступивал на стареньком компьютере диссертацию. «Знаю, знаю, Сонь, я и сам бы не прочь им стать», – отвечал я.

– О, Вячеслав Николаевич, ты ж смотри, а я за ним, – мои мысли прервал дёрнувший мне навстречу дверь реанимации Василий Владимирович Миклухин.

Будучи уже дважды дедушкой, Миклухин сохранял бодрость походки, едкую, но светлую голову, сочетая это всё с каким-то необычным чувством юмора. Удивительно было слышать его рассуждения о больном, его анализ ситуации, его размышления о лечении. Если зажмурить глаза, можно было вполне представить себя в стенах клинического учреждения, и вот ответственный реаниматолог на утреннем докладе в большом зале, окружённый аппаратурой экспертного класса, обход ведёт заместитель директора клиники по хирургии, академик, вопросы к реаниматологу по существу, ответы исчерпывающие.

– Ну вот, видишь, как оно, так вот отойдёшь ненадолго, и пожалуйста, вот, – фантазия прерывается неакадемичными фразами Миклухина по поводу довольно неакадемичных проблем, – вот отсоединилось вот, да и хрен с ним, а то, что больной весь в дерьме, так это даже полезно. Клава, твою мать! Кла-а-а-ва!

И бежит со всех ног Клава или кто ещё, неважно, Миклухин зовёт Клаву даже когда не её смена, бежит исправлять свои огрехи, чертыхается, клянёт неудобные трубки и беспокойного больного, извиняется, старается, в общем. Миклухин тут всю профессиональную жизнь, да и непрофессиональную тоже, даже интернатура, и та в Локотской районной, ни дня в клинике, откуда эта рафинированная речь. Хотя реаниматологи – это, конечно, особенная, самая загадочная прослойка врачебного населения. Почему здесь? Кто знает, говорит, что родился, вырос, женился в Локотском, тут, наверное, и помирать. Наверное, так тоже правильно, а держаться на достойном уровне – это вопрос скорее желания, чем обстоятельств.

День прошёл в работе, времени на подумать и порадоваться успехам дочери не было. Времени огорчаться и копаться в воспоминаниях тоже. Соня ещё позвонит, обязательно позвонит, сначала несмело, не подолгу, потом всё чаще и чаще будет звенеть её имя на экране телефона. Пройден тот момент, когда детская обида, созрев, превратилась в признание свершившегося факта.

К полудню ушёл домой Петрович. Ну как ушёл. Ушёл – это только из уважения к возрасту и человеческим качествам, а так, конечно, в большей степени уполз в сторону дома. Сашу выгонял лично, поскольку себя тоже немного нужно щадить. В начале пятого пришёл дежурянт с колоритной фамилией Вельмонт – серьёзный, лысый, жилистый, нудный немного. В пакете из супермаркета ужин, сахар, чай, полотенце, а в полотенце аккуратно завернута початая бутылочка коньяка. Это на сон грядущий, в ночи, стопочку-две, не больше. Пьёт очень аккуратно, но пьёт, хотя кого этим удивишь. Расположившись на месте дежурного, Вельмонт всем видом показывал, что пора уже

дневным оставить его в покое, чтобы можно было спокойно полежать на продавленном диване, посмотреть ненавязчивое кино, отдохнуть в общем, а то «вдруг война, а я уставший».

Переодевшись и собрав вещи в рюкзак, я вышел из корпуса. Был довольно ясный день, ничего особенного, небольшой ветер, небольшая облачность, возможно, чуть прохладнее, чем хотелось бы. Идти домой не было никакого желания. Собственно, поход домой представлял собой прогулку между корпусами больницы, мимо морга, где, в самом углу больничной территории, ближе к лесу, ютилось моё жилище. Можно было сесть в машину и, проехав пару километров, оказаться на берегу озера или, держась направления на юг по полузаросшей грунтовой дороге, мимо пустынных полей выехать к долине небольшой речки и посидеть там, глядя на закат. Но, закинув поудобнее рюкзак, я отправился по усаженной липами улице к тропинке, ведущей через лес к пригорку, с которого открывался вид на железнодорожные пути, и за ними – на неправильной формы лоскуты полей. Была половина пятого, до электрички оставалось меньше часа, а мне непременно хотелось застать тот момент, когда чьи-то судьбы проедут мимо в выгоревших зеленоватых вагонах, своим движением подчёркивая некую неподвижность моего положения. Момент, когда особенно остро вспоминается прошлое, особым образом ощущается настоящее и когда совершенно туманно и неопределённо будущее, как те поля за магистралью. Есть ли им конец, и, если есть, сколько нужно идти, чтобы узреть что-то новое, и хватит ли сил одного человека, чтобы преодолеть это расстояние. Я был уже в конце улицы и собирался войти в лес, когда услышал оклик Саши. Высунувшись из подгнившего коптящего Опеля неопределённого цвета, он звал меня.

– Что у тебя, – я не сходил с грунтовки, – говорю тебе, отдыхай уже, а ты всё...

– Николаевич, к вам приехали там, – Саша странно улыбался, – ищут, значит.

– Нашли? – полюбопытствовал я.

– Думаю, вам стоит вернуться, я сказал, чтобы возле кабинета ждали, может, подбросить?

– Так дойду, спасибо, Саш.

От леса до хирургического корпуса было не больше десяти минут неспешной ходьбы, их должно было хватить на то, чтобы подумать о том, кто и зачем ищет меня и что сулит эта встреча.

Валентин БАЮКАНСКИЙ

Родился в Липецке. Прозаик, автор восьми книг. Член Союза российских писателей, действительный член Петровской академии наук и искусств, лауреат областной премии им. Е.И. Замятина. Автор книг «Прогулки в закоулки» (2013), «И вновь прогулки в закоулки» (2014), «Обруч Ангела» (2015), «Любимая из Созвездия Козерога». Фантастические рассказы опубликованы в журналах «Юность» и «Петровский мост». Живёт в Липецке.

ОТНОСИТЕЛЬНОЕ БЕССМЕРТИЕ

Монаха Лаврентия братья монастыря считала не только весьма грамотным, но и прозорливым. Недаром князь и настоятель монастыря доверили ему вести летопись. Князь стремился обзавестись своим летописанием, чтобы обеспечить себе предсказуемое будущее не только на земном поприще, но и на Страшном суде. Всё свершалось по княжьей воле – как в жизни, так и в летописи.

Более семи лет Лаврентий аккуратно вершил историю, продолжая записи почившего монаха Ипатия. Тщательно отражал рождение и смерть князей, военные походы, поставление и смерть епископов, игуменов, строительство храмов, неурожай, голод, эпидемии и особые явления природы. При этом Лаврентий умудрялся незаметно для светского и монастырского начальства вставлять свои скромные суждения о происходящем. Когда он узнал об очередном нашествии полчищ тёмника Золотой Орды Едигея, предсказал разорение монастыря и собственную гибель.

Предвидя надвигающиеся беды, Лаврентий решил как следует спрятать плод своих многолетних трудов. Прощаясь с летописью, написанной на «телятине» – особом пергаменте, сделанном из телячьей кожи, в последний раз полистал её страницы. Отметил аккуратное написание чёрными чернилами основного текста и заглавных букв – киноварью. На последней странице Лаврентий не удержался и дописал: «Аз худой, недостойный и многогрешный раб божий Лаврентий мних». Подумалось, не найдут вороги – и прочитают тогда дети и внуки, и узнают, как жили мы и наши предки.

Лаврентий истово перекрестился, завернул книгу в толстую холщёвую ткань и положил её в специально изготовленный дубовый ящик, обитый железными полосами. Вместе с молодым монахом закопали они его в землю недалеко от монастырских стен и положили сверху несколько крупных камней.

– Если спасёмся, то откопаем, а если нет, то... Другим он не должен достаться, – сделал наставление молодому помощнику Лаврентий, и они направились в монастырскую церковь.

Через несколько дней ордынцы захватили и разграбили город и монастырь, перебив многих жителей.

***

Писатель Вячеслав Василевский смотрел телевизор и, не скрывая эмоций, комментировал происходящее на экране:

– Удивительно, откуда такие люди берутся? Этому негодю нужно каяться, а он собственную философию рекламирует!

В сюжете рассказывалось о том, как молодой преподаватель детской художественной школы, узнав случайно, что их солидный и респектабельный с виду директор пристаёт к его малолетней ученице, сумел записать на диктофон диалог директора с девочкой. Тот, вызвав ученицу в свой кабинет, недвусмысленно предлагал ей избавиться от некоторых элементов одежды. Преподаватель знал, что у школьного руководителя были покровители и в администрации города, и в городском управлении МВД, но, несмотря на это, собрал коллег, прокрутил им запись и заявил, что передаст её в местные и федеральные СМИ, если директор тут же, в присутствии коллег-педагогов, откажется написать заявление об уходе. Во избежание скандала директор школы тихо оставил свой пост.

Через день бывший директор позвонил своему обидчику.

– Ты на собрании спрашивал, зачем мне это надо и чего мне не хватает? Так я тебе отвечу! Меня лишили нормального детства: унижали, били. Я хочу поквитаться. Ты ещё молодой, жизни не знаешь. Запомни, в памяти людской чаще всего остаются великие негодяи: Чингисхан, Гитлер, Пол Пот и им подобные. Страх – вот что уважают люди. Он в них живёт столетиями. Его трудно изгнать из сердец. Я хочу бессмертия, пусть даже относительного. Такие, как ты, правдолюбы забываются быстро. А обо мне вы ещё долго будете вспоминать!

Писатель выключил телевизор.

– Нет, старый развратник, ты неправ! – воскликнул Василевский, обращаясь к директору-педофилу. – Все убийцы похожи друг на друга. Разница лишь в количестве их жертв. И ты должен знать, что в истории, кроме великих злодеев, остаются ещё и произведения искусства, которые надолго переживают своих создателей. Они обогащают картину Бытия, помогают людям взглянуть на себя со стороны, чтобы стать лучше. Уверенность в этом позволяет мне стремиться вперёд и совершенствоваться.

Увиденный сюжет заставил писателя в очередной раз задуматься о проблеме людской памяти и бессмертия. Диктаторы и тираны не могут влиять на будущее. Террор помогает им лишь при жизни. А произведения искусства воздействуют и на современников, и на потомков. В этом Вячеслав был абсолютно уверен.

Через неделю после сюжета, так взволновавшего писателя, тот решил известить профессора Бориса Григорьевича Агишева, преподававшего в годы учёбы Василевского в литературном институте. Вячеслав решил подарить любимому преподавателю свою новую книгу.

Когда-то Агишев был известным литератором, и его рассказы, повести и романы издавались большими тиражами. Бывший наставник Василевского был уже давно на пенсии, часто болел и из дома почти не выходил. Произведений молодых литераторов не читал – они были ему не интересны.

Разговор зашёл о творчестве современных писателей.

– Слава, о чём ты говоришь? – возмутился профессор. – Какая сейчас литература, когда все помешались на деньгах и на политике? Нужно писать душой, а не ради заработка и пиара. Необходимо творить для вечности, а не кропать для сиюминутного успеха. Сейчас никто никого не читает, кроме себя любимых. Разве это писатели?

Василевский одобрительно покивал.

– Лет тридцать назад меня приравнивали к классикам и мои книги переводили на разные языки – и что? Теперь меня не печатают. – Агишев печально улыбнулся. – Сейчас на потребу невзыскательной публики издательства издают пустышки. Почти сплошной криминал и мыльные оперы. Судьбы простых людей-созидателей никого не интересуют. А ведь молодым у нас есть чему поучиться!

– Да, вы правы Борис Григорьевич. Видимо, государству не до литературы.

– Вот именно! Раньше тиражи книг исчислялись десятками, сотнями тысяч, да что там говорить – миллионами экземпляров! Писателей ценили и уважали. Власть и народ прислушивались к их мнению.

– Борис Григорьевич, вам за книги платили, а мы сейчас предоставлены самим себе. Напиши, издай да ещё сам и продай! – пожаловался в свою очередь Василевский.

– Слава, я понимаю. Появились новые герои, и читателей интересуют другие темы. Мой внук купил на днях толстенную книгу «Александр Грин. Избранное». Она пролежала в магазине семь лет. Её уценивали три раза. И это произведения Грина! Зато книгу «Жизнь без трусов» расхватили за два дня. Так, по крайней мере, мне доложил внук, а он обманывать не привык.

Агишев закашлялся. Чтобы успокоиться, выпил таблетку.

– Василевский, даже когда ты учился в институте, литературные герои для многих были примерами. Их любили и старались им подражать. А знаешь почему? Потому что они были созданы настоящими писателями, а сейчас остались либо графоманы, либо лауреаты.

– Что говорить, если даже в библиотеках стали повсеместно изымать и списывать издания пятидесятилетней давности, – попытожил разговор Василевский.

Писателя неприятно поразила мысль, которая прежде его не посещала: «Я всегда думал, что творения, созданные нами, продляют наше существование. Но вот – пример Агишева. Его книги уже никто не читает, хотя они хорошо написаны, интересны и познавательны». Недавно один знакомый, узнав, что Василевский дружит с Агишевым, попросил: «Будешь у него в гостях, передай: есть человек, который никогда не читал производственных романов, но прочитав роман Агишева о металлургах, понял, что значит красота горящего металла». А кто теперь знает об Агишеве?

Неужели бессмертие творчества, в котором писатель был так уверен, – только миф? Неужели он столько лет занимался самообманом, создавал красивую легенду, в которую поверил сам и которой старался увлечь других? Неужели большинство творческих людей этого не понимают? А может, уже узнали эту горькую тайну, но делают вид, что всё в порядке? Василевский поделился своими горькими размышлениями с профессором. Агишев задумался.

– Знаешь, я понимаю твои сомнения. Когда-то подобное волновало и меня. Но апостол Павел сказал: «И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков». Пока будут читать «Трёх мушкетёров», Дюма будет жив. А роман «Война и мир» Толстого (хотя автор, кстати, был не очень высокого мнения о своём произведении) никогда не даст забыть о Льве Николаевиче. Так что не переживай. Я вот не переживаю. Пусть мои книги сейчас не популярны, но, я убеждён, наступит время – и их всё равно кто-то прочтает, а значит, вспомнят и обо мне.

Слова Агишева показались Василевскому не совсем убедительными. Ни он, ни профессор не были Александром Дюма или Львом Толстым. А то, что книги Агишева кто-то ещё прочтёт, воспринималось как оправдание профессором своего существования. Чем больше Василевский размышлял на эту тему, тем горше становилось у него на душе.

Несколько дней Вячеслав находился в депрессии. Всё ему было безразлично. «Зачем мучиться, переживать, создавать образы и произведения, если через несколько лет тебя не будут читать и забудут так же, как и других, даже более достойных людей?» – вопрошал он себя и не находил ответа.

Как-то утром Василевский решил посмотреть новости на канале «Культура». Шёл сюжет о древнем городище, где был найден клад – кованный сундук с вложенной в него ранее неизвестной книгой. Удивительно было и то, что в летописи, написанной несколько веков назад русским монахом, автор указал и своё имя, и город, где жил. Историки и литературоведы ещё не знакомы с его творчеством, но надеются узнать много нового о той эпохе, в которой творил свой бессмертный труд монах-летописец Лаврентий.

– А всё-таки Агишев был прав! – обрадовался Василевский. – Талант дарит бессмертие! Летописец наверняка не думал, что его имя дойдёт до потомков через многие века. Значит, нужно творить! А судьба сама определит, как и когда мои произведения прочитают те, кто придёт мне на смену.

Татьяна МАЛЮТИНА

Родилась в г. Россошь Воронежской области. Окончила исторический факультет и аспирантуру Воронежского государственного университета. Доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного педагогического университета. Автор книг «Во глубине славянских руд». «Славянский мир Н.И. Костомарова», «Россошь. Визитная карточка», «Авантюра маршала Антонеску: румыны в войне против СССР 1941 – 1944 гг.» и других. Печаталась в журналах «Вопросы истории», «Военно-исторический

журнал», «Отечественные архивы» (Москва), «Історичний журнал» (Киев), «Revista de istorie militara» (Бухарест) и других. Лауреат премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина. Живёт в Воронеже.

ГДЕ ПОСЕЛИЛАСЬ БЛАГОДАТЬ

Тихая обитель благодати. Островок мудрой духовности и глубоко народной жизни. Здесь «невольно человек заглядывает в себя и смиряется, вспомнит своё зло и содрогнётся».

Есть такое место в Отечестве. Сквозь века бьётся его святым духовно-культурным сердцем. Свято-Введенская Козельская Оптиная пустынь. Монастырь, в XIX веке ставший неисчерпаемым источником вдохновения и душевного умиротворения в жизненных и творческих исканиях для поколений писателей, поэтов, публицистов, философов.

Вся Россия прошла через Оптину. Н.В. Гоголь и В.А. Жуковский, Ф.И. Тютчев и И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой, К.Н. Леонтьев и В.В. Розанов, С.М. Соловьев и П.И. Чайковский, С.А. Есенин и А.А. Ахматова, Н.С. Гумилев... Нет числа тем, кто приезжал в Оптину пустынь ради молитвы и обретения душевных сил.

Н.В. Гоголь писал старцу монастыря: «Мне нужно ежеминутно быть мыслями выше житейского дрязгу, и на всяком месте своего странствия быть в Оптинской Пустыни. Бог да воздаст Вам сторицею за Ваше доброе дело. Ваш всею душой».

Поток паломников полноводной рекой наполняет Оптину и в наши дни. Довелось побывать там и мне.

Калужская область. Городок Козельск. Тот самый – получивший от хана Батые за упорное и кровавое сопротивление ему прозвище «Злого города». Речушка Жиздра – приток Оки. На опушке соснового бора под Козельском, отрезанная рекой от мира, расположена пустынь. Звёздные купола храмов обители с сияющими крестами, трубящий Ангел Владимирской башни из-за монастырских стен ласково приветствуют путников, приглашают отринуть всё мелочное и злое и укрепиться духовно-нравственно.

Вхожу в монастырские ворота. Делаю шаг к храму и невольно замираю, поражённая открывшейся взгляду красотой. Всё вокруг утопает в цветах. Огромные махровые ирисы – кипельно-белые, интеллигентно-лиловые, празднично-нарядные жёлтые, фиолетовые, розовые, будто часовыми замерли на страже храмовых стен. Разлапистые, мохнатые пионы яркими пятнами алеют в росистой траве. Цветущая 17 июня сирень – это ли для нас, воронежцев, не чудо? Расходящиеся дорожки уводят к храмам, монастырскому кладбищу, в тенистую прохладу под деревья. Присаживаюсь на скамейку, оглядываю все вокруг. Важно и по-хозяйски неспешно шествует ко мне деловитая галка. Одним глазом косясь на разлётшегося неподалеку кота, с любопытством приглядывается к пакету. Явно ожидает угощения. Разочаровывать птицу не хочется – предлагаю кусочки хлеба.

***

Вспоминаю прочитанное ранее об истории монастыря.

Пустыньки в России зарождались сами собой, стихийно – без официального разрешения и согласия властей. Их основывали люди, стремящиеся к чистой духовной жизни и уединённости. Уходя в лес, находили они свободу и беспрепятственность для молитвы. Трудом обеспечивали своё пропитание. А затем спокойное созерцание и мудрое слово влекли к ним богомольцев, нуждающихся в совете, отеческом наставлении, утешении в скорбях и печалях.

Оптина пустынь была известна особо. По легенде её основал раскаявшийся разбойник Опта. Отсюда название.

Духовный расцвет Оптиной связан с именами её великих старцев XIX – начала XX веков. Тысячи и тысячи страждущих несли свои беды и переживания этим врачевателям народных душ.

Сейчас уже проверено и доказано, что успешнее лечит тот врач, для которого неизлечимых болезней нет. Тот, кто не подавляет больного морально, но, напротив, вселяет в него уверенность и надежду на выздоровление. Старцы так лечили души приходящих, принимая на себя боль каждого. Мудро и прозорливо вразумляли, благословляли и напутствовали любого – независимо от его общественного положения и состояния. Старец, получив по воле Божией особый дар, ограждал человека от дурного, врачевал его душу от страстей и направлял к спасению.

Известный писатель, скрытый под псевдонимом «Поселянин» отмечал: «Значение старцев – благословлять и одобрять жизнь и посылаемые Богом радости, учить людей жить счастливо и помогать им нести выпадающие на их долю тягости, в чём бы они ни состояли».

«За старцем не пропадёшь» – крепла уверенность в народе. Советы старца свято выполнялись, его запрет был равен закону. Спасительные поучения, сострадательная, жертвенная любовь, безграничный интерес к мириадам чужих душ, чужих жизней влекли к старцам измученные сердца. Христианскими пророками-утешителями явились в XIX веке Оптинские Старцы народу.

В 1988 году преподобный старец Амвросий Оптинский был прославлен Поместным Собором Русской Православной Церкви. Позже в лике местночтимых святых канонизировали Оптинских Старцев: Льва, Макария, Моисея, Антония, Иллариона, Исаакия I, Анатолия (Зерцалова), Иосифа, Варсонофия, Анатолия (Потапова), Нектария, Никона, Исаакия II.

Старец Илларион (Родион Никитич Пономарёв) – наш земляк. Родился в селце Ключи Новохопёрского уезда Воронежской губернии. Исцелял бесноватых больных, терпеливо учил переносить скорби без роптания, как посланные за грехи ради душевной пользы. Говаривал: «Если чувствуешь, что гнев объял тебя, сохраняй молчание и до тех пор не говори ничего, пока непрестанною молитвою и самоукорением не утешится твоё сердце».

Преподобные Моисей и Антоний были родными братьями. Отчётливо памятен незначительный на первый взгляд эпизод из жизни старца Моисея, живо описанный Оптинским путеводом: «Преподобный отличался милосердием, кротостью и жалостливостью. Часто покупал вещи, совершенно ему ненужные, только чтобы помочь продавцам. Один раз приобрёл бочонок тухлой селёдки, продавец которой, ради того, чтобы сбыть товар, уверял, что она лишь «чуть-чуть несвежая». Прекрасно видя его хитрость, старец выручил беднягу. Однако монахи отказались есть пропавшую рыбу. Тогда преподобный Моисей велел подавать ему по одной селёдке с хреном каждый вечер. Сам съел всю купленную рыбу без видимого ущерба здоровью».

Мощи двенадцати старцев обретаются сейчас в монастырской обители. В Архангельской области на деревенском кладбище до сих пор не найдена могила преподобного Никона. Святые останки Оптинского Старца Исаакия II, расстрелянного в 1930-е годы, покоятся в братской могиле в лесу у Симферопольского шоссе.

***

Сижу в тиши. Вдыхаю до головокружения чистый, слегка пряный от цветочных ароматов воздух. Прямо передо мной словно тянется к небу пятикупольный красавец-собор. Это главный храм обители – Введенский. Его первым восстановили после возвращения монастыря церкви в 80-е годы теперь уже прошлого столетия.

Справа – старинный храм в честь Казанской иконы Богородицы. Светлый, воздушный, радостный. Свидетель расцвета монастырской обители и её закрытия от верующих декретом от 23 января 1918 года. Сейчас храм возрождён, обновлён и вновь всем распахнул двери.

Чуть в стороне сравнительно молодой храм – Владимирский. Его построили на месте несохранившейся больничной церкви XIX века. В настоящее время это усыпальница семи преподобных Оптинских Старцев. Во Владимирском храме, также как и во Введенском, и в Казанском, каждодневно ведутся богослужения.

Певуче-торжественный колокольный перезвон возвестил о начале утренней службы. В числе других паломников иду во Введенский собор. Людей много, хотя и обычный будний день. Позже обратила внимание, что больше десятка автобусов, привёзших паломников издалека, теснилось на стоянке у монастырских ворот.

Стою почти у алтаря. Скорее чувствую, чем слышу замершее людское море за спиной. В храме тихо, спокойно, торжественно. Горящие свечи отблесками мерцают на ликах святых икон, манят, завораживают взгляды.

Украдкой приглядываюсь к монастырской братии. Вот совсем молоденький послушник изваянием застыл у стены, чуть склонив голову. Рядом присел на скамеечку, кажется, его ровесник, но уже в монашеской рясе. Случайным ли жестом, намеренно ли заслонил лицо. Седобородый старец натруженными, мозолистыми руками уверенно перебирает чётки. У чтеца выправка военного: расправленные плечи, прямая спина. Ясный, твёрдый голос.

Передо мной икона преподобного Амвросия Оптинского. Живой взгляд старца проникает в самые сокровенные уголки души, кажется, просит, настаивает быть лучше, честнее, добрее.

***

Святой Амвросий Оптинский. В миру – бойкий, озорной Александр Гренков, душа компании, весельчак и балагур. Высокообразованный человек, знавший пять языков. Избравший путь монаха.

Кажется, нет более жизнерадостного по своим высказываниям святого.

«Как жить? – не раз спрашивали старца. – Как жить, когда так трудно жить?» Преподобный Амвросий шуточно отвечал: «Жить – не тужить, никого не обижать, никому не досаждать, и всем моё почтение». Советовал: «Нужно жить неліцемерно и вести себя примерно, тогда наше дело будет верно, а иначе выйдет скверно». Старец учил: «Мы должны жить на земле так, как колесо вертится: только чуть одной точкой касается земли, а остальными непрестанно вверх стремится; а мы как ляжем на землю, и встать не можем».

Уже будучи иеромонахом, батюшка Амвросий перенёс тяжкие болезни. Врачи говорили, что если бы это был обыкновенный человек, то можно было бы с уверенностью сказать, что жизни ему осталось не более получаса. Он

прожил в таком состоянии более тридцати лет и удивлял всех приходивших к нему своим благодушием, ласковой заботой и участием. Каково бы ни было его болезненное состояние, каких бы мук он ни терпел, он всегда принимал сотни посетителей, со всяким беседовал, каждого старался и вразумить, и успокоить. Когда боли были особенно сильными, тихо приговаривал: «Моисей терпел, Елисей терпел, терпел Илия, потерплю и я».

Однажды важные господа упрекнули старца в том, что он, по их мнению, очень долго говорил с одной крестьянкой, которая всё спрашивала, как ей держать индюшек. Старец подробно объяснял ей тонкости содержания этих птиц, а господам сказал: «Как вы не понимаете, ведь для неё это очень важно».

Современники видели из слов и поучений старца Амвросия, что любит он не одного того, с кем говорит, но и всех любимых этим человеком, его жизнь, всё, что ему дорого.

И после смерти бабушки продолжают со всех концов Отечества идти к нему люди со своими бедами. Кто – в поисках разрешения религиозных сомнений, кто – надеясь на исцеление от грехов и телесных болезней, кто – за советом в житейских делах и предприятиях, кто за молитвенной помощью и поддержкой...

***

Не заметила, как и закончилась служба. Иду к недостроенной часовне. В ней покоится прах трёх насельников обители – иеромонаха Василия, иноков Трофима и Ферапонта. Ранним Пасхальным утром 18 апреля 1993 года они были убиты здесь, в Оптиной пустыни, человеком (хотя это слово вряд ли здесь уместно), решившим принести ритуальную жертву Сатане, специально заготовившим для этой цели клинок с цифрами «666». Психиатры и психологи до сих пор не могут определить, вменяем ли он. Дело ещё не закрыто.

На могилках новомучеников записочки с просьбами. Случайно увидела надпись на одной из них: «Помогите сохранить мир в семье»...

***

Наша паломническая группа побывала и в сердце Оптиной пустыни – у скита святого Иоанна Предтечи. Именно здесь в небольших хибарках принимали старцы приходящих, отвечали на письма страждущих. Скит сейчас закрыт для посещений. В нём возрождается иноческая жизнь.

***

Уезжала из Оптиной переполненная впечатлениями, которые трудно изложить на бумаге. Их просто надо испытать и почувствовать. Увозила с собой молитву Оптинских Старцев, слова которой, уверена, найдут отклик в душе каждого.

Молитва Оптинских Старцев

Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить всё, что принесёт мне наступающий день. Господи! Дай мне всецело предаться воле Твоей святой. На всякий час сего дня во всём наставь и поддержи меня. Какие бы я ни получил известия в течение дня, научи меня принять их со спокойной душой и твёрдым убеждением, что на всё святая воля Твоя. Во всех моих делах и словах руководи моими мыслями и чувствами. Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что всё ниспослано Тобой. Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не смущая и не огорчая. Господи! Дай мне силу перенести утомление наступающего дня и все события в течение дня. Руководи моею волею и научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить. Аминь.

Александр ПЕНЗЕНСКИЙ

Родился в 1979 году в Липецке. Кроме романов, есть сборник рассказов и небольшая повесть. Романы «Улыбки уличных Джоконд» и «По высочайшему велению» были изданы в 2021 году издательством АСТ. Рассказы в том же году вышли в Eksmo Digital. Стихи несколько раз печатал литературный журнал «Петровский мост». Готовится к печати в АСТ третий роман «Красный снег». Награждён премией журнала «Петровский мост» в 2021 году.

Снова пришла зима

Холодно...

Значит, зима пришла.
Снова бороться с гриппом,
В чай добавляя липу
Вместо людского тепла.

Холодно...

Значит, пришла зима.
Значит, тебя рядом нет,
Лишь тишина в ответ
Шепчет: «Пришла зима...»

Синий вечер

Синий вечер, зимний ветер,
Белый снег под облаками.
Я лечу ему навстречу,
Я ловлю его руками.

Я кричу, и небо эхом
Отвечает мне вопросом.
В этот вечер белым снегом
Осыпают с неба звёзды.

И забыв о притяжении,
О немых безлюдных залах,

Я люблюсь отражением
В этих крошечных кристаллах.

И часы бьют холостыми,
Время мимо мчится вспять,
Небо шепчет твоё имя...
Только снег нельзя поймать...

Поезда

Уплывают в небеса
Все бумажные мечты,
Все чужие голоса
И ты...
Все зелёные дожди,
Все холодные ветра.
Не грусти и зря не жди –
Пора.

В поездах, в пустых вагонах
Улетают наши сны.
На забытых перегонах
Розовые спят слоны,
На ушах – останки лета,
Под ногами – три зимы.
Может, точно также где-то
Будем спать с тобой и мы.

Чашка кофе на столе,
Не дочитана газета.
Город утонул в золе
Рассвета.

В поездах, в пустых вагонах,
На далёких берегах,

На подземных перегонах
Белый свет живёт впотьмах.
Расколосось небо-крыша.
Даже стоя на краю
Легче крикнуть «ненавижу»,
Чем шепнуть «люблю».

Опять пустая ночь стучит в окно...

Опять пустая ночь стучит в окно,
Опять осколки неба гладят стёкла.
Дворы пусты, и осень вся промокла,
И звёзды тихо падают на дно.

Холодный свет целует тротуары.
Пустые зеркала разбитых луж.
И город молча принимает душ,
Пытаясь смыть неоновые бары.

Он верит, что с потоком сточных вод
Он сбросит с плеч привычную усталость –
Ведь скоро снег, ещё чуть-чуть осталось,
И всё уснёт, и всё опять уснёт,
Укрывшись снегом, спрятавшись от сплетен,
От лжи любовниц и предательств жён,
От вереницы стёршихся имён,
От стылых звёзд, чей свет в ночи так беден.

Забыть, простить, уснуть, не видя снов,
Не слыша криков ночи, пьяных песен,
И жить, дышать мечтой грядущих вёсен,
Расписывая зеркала домов.

А там весна, и воды по-другому,
Уже смывая снег, как белый сон,
Поют с любовью новой в унисон
И гонят прочь в шальную ночь из дому.
А там опять дожди, снега, ветра,
Предательства, обманы и обиды –
Сменяют за окном друг друга виды,
И снова всё закружится с утра.

Игорь ФЁДОРОВ

Родился 9 февраля 1963 г. в г. Липецке. Образование высшее. Липецкий политехнический институт и Московский горный университет.

Предприниматель. Генеральный директор ООО Липецкий Карьер «Стройматериал».

Сценарист. Писатель. В 2017–2021 гг. опубликована серия книг детских сказок «Хитрый Тим – приключения лисёнка и его друзей», автор сценария фильма Натальи Бочкарёвой «Свободный день».

Увлечения – путешествия, горные лыжи, велоспорт, шахматы.

РЕКВИЕМ БАБЬЕГО ЛЕТА

Конец сентября. Берн, Швейцария, наши дни

На одной из центральных улочекерна вызывающе выделяется двухэтажный особняк. Нет, не размерами или вычурной архитектурой. Практически все дома исторического центра, фактической столицы конфедерации, на одно лицо – окрашены в скучный серо-зелёный цвет и укрыты коричневой глиняной черепицей. И только этот привлекает внимание бордовым фасадом со вставками цвета слоновой кости и сверкающей на солнце медной кровлей.

Парадный вход особняка необычно скромно. Небольшой аккуратный козырёк, тоже крытый медью, два чугунных льва, сторожащих массивную входную дверь тёмного дерева, и небольшая медная табличка с лаконичным названием ARCADIA BANK.

Этим сентябрьским днем в бордовом здании в самом центре Берна было непривычно суетно. По коридорам с панелями из морёного дуба сновали странные бородачи в джинсовой униформе, нагруженные катушками кабелей и предметами, сложенными в разнокалиберные чехлы. В большом кабинете председателя правления, обставленном антикварной мебелью Викторианской эпохи, другие бородачи чехлы распаковывали и собирали громоздкие осветительные приборы, которые тут же опутывали множеством проводов.

В центре этого хаоса металась молодая женщина, командно жестикулируя левой рукой, зажав в правой большой микрофон на кубической подставке. Волосатый длинноногий оператор с прямоугольной камерой на плече, следуя указаниям, плавно перетекал по кабинету от одного предмета к другому.

Женщина ненадолго задержалась у большой, если не сказать огромной, картины в причудливой золочёной раме.

– Вилли, закончишь с интерьерами, возьми за картину. Вначале вот отсюда... полностью, но потом обязательно детей, крупно. И отдельно родителей. Будет хорошо для перебивок.

С полотна на суетящихся с холодным равнодушием взирал крупный соркалетный мужчина, прямо сидящий на стуле. Справа, положив мужу руку на плечо, застыла черноволосая красавица. На указательном пальце правой руки женщины поблёскивал массивный перстень с большим зелёным камнем. На переднем плане, перед матерью, вытянулась пара близнецов-мальчишек, неуловимо похожих и на отца, и на мать. Дети аккуратно пострижены, с одинаковыми проборами и в белоснежных рубашках, застёгнутых до последней пуговицы. Картина писана маслом и, бесспорно, мастером, сумевшим передать черты оригиналов – красоту матери, солидную серьёзность отца и лучезарную невинность деток.

За всей этой непривычной для банка сумятицей беспристрастно наблюдали двое: хозяин кабинета, утонувший в глубоком кресле за огромным, словно поле для мини-футбола, столом, и чуть позади здоровяк-телохранитель.

Обе фигуры по-своему колоритны. Пышущий здоровьем гигант втиснут в строгий костюм, швы которого, казалось, вот-вот разойдутся под напором мускульной массы. Бритую макушку охранника прикрывала кипа – традиционный головной убор убеждённого иудея, а спадающие на плечи витые пейсы красноречиво подчёркивали национальность и вероисповедание их владельца.

Хозяин кабинета, лысый старик с яйцеобразной головой и желтоватой, со множеством пигментных пятен кожей, напротив, очень тощ. Его неестественная худоба и тончайшие запястья, торчащие из рукавов строгого костюма, свидетельствовали об онкологии и курсах химиотерапии. Старика запросто можно было спутать с мумией, если бы не его глаза, удивительно живые и яркие для более чем почтенного возраста.

Столешница из дорогого азиатского тика сияла девственной чистотой. На столе отливал антрацитом ларингофон – спутник перенёсших операции на гортани – и поблёскивало старинное чёрно-белое фото в серебряной рамке на подставке.

Женщина с микрофоном окликнула крупную девицу, увлечённо листавшую смартфон у дальнего окна в кабинете:

– Герда, мы готовы?

– А? Да, конечно.

Толстуха со смущением вставила телефон в задний карман необъятных джинсов.

– А микрофон?

– Ой! – Девушка метнулась к хозяину кабинета, натыкаясь на стойки приборов и цепляя кроссовками за провода. После того как малюсенькая прищепка была благополучно прищиплена к лацкану пиджака, а провод от микрофона исчез за его полой, девушка выпрямилась и выдохнула:

– Уф! Теперь всё.

Женщина-корреспондент улыбнулась и произнесла:

– Хорошо. Герр Разумовский, прошу прощения, забыла представиться. Меня зовут Нора, я корреспондент пятого канала. Сегодня я буду брать у Вас интервью. Говорят, Ваше прозвище – Везунчик. Не могли бы Вы рассказать, как Вы его получили?

Эффектная женщина, да ещё и работник телеканала, Нора любила театральные жесты. Вот и сейчас она приблизилась на пару шагов к столу председателя и, приветствуя, протянула руку тыльной стороной вниз. То ли для рукопожатия, то ли для поцелуя. Старик в ответ приподнял своё запястье, едва ли не тоньше женского, и чуть прикоснулся к безукоризненным ногтям, покрытым бесцветным лаком.

– Итак, герр Разумовский, мы начинаем?

Разом вспыхнули лампы, заставив старика поморщиться, а охранника нацепить на нос тёмные очки-авиаторы. Оператор поднял камеру на плечо и занял позицию слева от письменного стола.

Пауза, возникшая после вопроса, сделала улыбку интервьюера более нелепой, чем обычно. Старик молчал и, не отпуская женскую руку, пристально вглядывался в кольцо на её указательном пальце. Пауза тянулась и тянулась, пока журналистка не выдержала и, убирая кисть, поинтересовалась, изображая участие:

– Герр Разумовский? Всё хорошо? С Вами всё в порядке?

Старик, словно очнувшись, прижал ларингофон к шее, справа от острого кадыка. Металлический хрип звучал громко и пугающе резко:

– Прошу прощенья. Покажите мне Ваше кольцо.

Профессиональная улыбка Норы вернулась, но её моментально сменило выражение растерянности.

– Извините, что? Какое кольцо?

Теперь рука старика морщинистой ладонью вверх властно тянулась в её сторону.

– Ваше кольцо. Пожалуйста, дайте. И не волнуйтесь. Я только посмотрю.

На этот раз пауза была более продолжительной. Старик ждал с вытянутой рукой, охранник застыл невозмутимым сфинксом, в бородах осветителей спрятались недоумённые ухмылки, а рот недалёкой Герды приоткрылся от изумления.

Ситуация становилась нелепой. Нора осмотрелась, словно ища поддержки коллег, пожала плечами, шагнула к старику и, с усилием стащив с пальца

массивное украшение с крупным зелёным камнем, опустила в узкую старческую ладонь.

Банкир выудил из недр своего стола большую ювелирную лупу и погрузился в изучение украшения, словно забыв об интервью, людях в его кабинете и вообще обо всём на свете, кроме маленького кусочка тусклого металла.

Видя увлечённость старика и принимая её за причуду, Нора понемногу овладела собой.

– Оно у меня от мамы, а у мамы от бабушки. Говорят, прадед привёз его из России. А ещё говорят, что это кольцо самой царицы Екатерины. Там внутри гравировка, вы обратили внимание? «Анне от Е». Выдумка, конечно. Легенда. Если бы это было так, его место было бы где-нибудь в Эрмитаже, а не на блошином рынке Киева.

Старик оторвался от кольца, чуть повернув голову в сторону охранника. Этого движения оказалось достаточно. Гигант неувовимо быстро приблизился к хозяину и склонился к его губам. Выслушав короткое указание, произнесённое свистящим шепотом, охранник отошёл к массивному и очень старому, как и вся мебель в кабинете, сейфу.

Квадратная фигура заслонила святилище от недоумённых взоров телевизионщиков, громко и отчётливо прозвучали щелчки механических замков. Не скрипнула, а скорее, свистнула массивная дверь, и охранник вернулся к столу банкира с денежными пачками. Старик осторожно, словно хрупкую вещь, уложил кольцо перед собой, тонкими пальцами переложил пачки стопкой и пододвинул к краю стола.

Нора ожидала объяснения, явно ничего не понимая. Старик тронул шею ларингофоном:

– Сто тысяч евро, возьмите. Я прошу продать мне Ваше кольцо.

Рот Герды раскрылся ещё шире, а глаза от удивления округлились. Шли минуты, но женщина всё ещё не понимала, что происходит.

– Я не знаю... Это всё так... Неожиданно. Я не собиралась, всё-таки семейная реликвия. Извините, конечно, но я, наверное, не могу...

Банкир нетерпеливым щелчком сухих пальцев вновь отправил охранника к сейфу. И на этот раз банковских упаковок было больше, гораздо больше.

Перед глазами изумлённой Норы на столе выросла внушительная денежная горка. Казалось, скрежет старческого голоса стал ещё более нетерпимым и неприятным:

– Вот миллион за Ваше кольцо. Берите и уходите. Интервью окончено.

Не дождавшись ответа и зажав в кулаке кольцо, банкир закрыл лицо руками.

Плечи старика затряслись от беззвучных рыданий. Растерянная женщина переводила взгляд с плачущего банкира на деньги.

– Я не... У меня и положить-то их некуда...

Старик, не открывая лица, махнул охраннику. Атлет, словно фокусник, выудил из нижнего ящика секретера небольшую сумку, упаковал деньги и втолкнул сумку женщине в руки.

– А теперь, пожалуйста, уходите. Аппаратуру заберёте завтра.

Охранник так серьёзно оглядел присутствующих, что возражающих не нашлось. Телевизионщики тихо покинули кабинет.

Минут через сорок, оккупировав угол полуподвального пивного рестораника, команда быстренько напилась, расслабилась, и все дали волю воображению. Версии лились и множились с каждой дюжиной высоких литровых кружек светлого пива с шапками густой белой пены. И только симпатичная молодая женщина сидела в глубокой задумчивости и практически не пила, прижимая к коленям сумку с неожиданно свалившимся богатством.

Охранник, проводив молодёжь, мельком бросил взгляд на шефа и, убедившись, что истерика прошла и старик вновь увлечён кольцом, неслышно испарился. С картины на стене всё с той же невозмутимостью смотрели мужчина, сидящий прямо на стуле, и красавица, застывшая рядом. На пальце правой руки женщины, обнимавшей плечо мужа, блестел перстень, точная копия причины сегодняшней неожиданной сумятицы.

Солнце миновало высшую точку подъёма и величественно поплыло в сторону горной гряды, готовясь нырнуть за её белоснежные шапки. Заканчивался тёплый сентябрьский день.

28 сентября 1941 года. Киев

Сентябрь в Киеве – месяц, считай, летний. Листва деревьев, ещё густая и сочно-зелёная, кое-где подёрнута желтоватой каймой, но нет даже намёка на багровые ковры, укрывающие мостовые, вечную головную боль дворников.

Начиная с конца июня события в городе неслись и менялись с калейдоскопической быстротой, словно злой чародей юлой раскрутил волшебный фонарь. Бомбёжки, всё приближающаяся канонада, сумбур и суета эвакуации, уход Красной Армии и занятие Киева немцами и, наконец, взрывы и пожары в тщательно минированном центре города. Оставшиеся обыватели, стараясь лишний раз не высовываться из домов, притихли в напряжённом ожидании.

Дома на Нагорной улице, что на северо-западе Киева упирается в Нагорный переулок и Николаевскую церковь, от бомбёжек и пожаров не пострадали. Семья Разумовских занимала две комнаты из шести большой коммунальной квартиры на верхнем этаже трёхэтажного дома номер четырнадцать, бывшего «Доходного дома Фитцлера».

Соседи по коммуналке, две семьи сотрудников профсоюза железнодорожников, с криками и руганью погрузили внушительный скарб на скрипучую полуторку и эвакуировались. Так что фактически Разумовские жили

одни в огромной квартире, хотя двери комнат соседей были надёжно заперты, даже их шкафчики на общей кухне были увешаны массивными навесными замками.

Сам Аркадий Разумовский, сорокатрёхлетний муж красавицы Рахили и отец двух близнецов восьми лет, Яши и Фимы, никогда ни в профсоюзе, ни в партии не состоял, поскольку потомственно владел небольшой сапожной мастерской, переходящей от отца к сыну на протяжении уже пяти поколений. Как представитель чуждого пролетарскому государству «частного капитала» Аркадий не мог рассчитывать на централизованную эвакуацию, а самостоятельный отъезд стал невозможен из-за взлетевших до небес цен на гужевые подводы. Так что семья Разумовских осталась в Киеве, рассудив, что сапоги будут нуждаться в починке независимо от ног, на которых они рвутся, советских или немецких.

В тёплый, но уже не душный сентябрьский вечер, 28 сентября 1941 года, семья Разумовских собралась на большой кухне своей опустевшей коммунальной квартиры. Близнецы Яша и Фима, оседлав окованный железом сундук, играли с деревянной лошадкой в будёновцев. Рахиль чистила картошку у окна, и перстень с зелёным камнем на её правой руке отражал закатное солнце, разбрасывая изумрудные всполохи по кухонным шкафчикам и стенам.

Сейчас она прислушивалась к беседе за обеденным столом, укрытом цветастой скатертью с плетёными рюшами. Глава семейства спорил с сидящим напротив скверно выбритым плюгавеньким мужичонкой – Миколой Красным, получившим прозвище за сизый с красными прожилками нос и багровое, постоянно обветренное лицо. Микола жил в семнадцатом доме, на нечётной стороне, чуть ближе к Николаевской церкви. Он и не думал уезжать и одним из первых записался на службу к новой власти. Красный и все его многочисленные родственники приняли немцев с нескрываемым энтузиазмом и, как могли, старались извлечь из перемен максимальную выгоду.

Вот и теперь Микола елозил тощим задом на табурете, причмокивая большим зубом, и нервно разглаживал грязными ладошками мятый листок – циркуляр.

Потомственный сапожник, недоверчиво качая головой, открыто смотрел на соседа, словно пытаясь прямым взглядом остановить бегающие маленькие глазки мужичка.

– Они не могут так поступить! Это же культурная нация. Там же написано, читай: «...собраться на сборном пункте для переезда на другое место жительства». Понятно? На другое место. Это что-то вроде эвакуации.

Микола нервно хихикнул, бегая глазами по всей кухне.

– Ага! Эвакуации! Как же! У меня кум писарем в комендатуре, говорит, что позавчера зондеркоманда прибыла! Он сам ихнее требование видал на патроны к пулемётам. Аж десять тыщ. Для кого, думаешь? А племяша моего,

что в полицаи подался, уже три ночи гоняют в урочище между Лукьяновкой и Сырцом. Тута недалече. И копать, между прочим, заставляют. Траншеи. Для кого это? А? А я тебе скажу. Для вас это, Яша! Соберут всю жидовню с Киева, разом положат и прикопают. О как!

Аркадий с упрямством отрицательно качал головой.

– Нет. Быть такого не может! Вот же пишут – собраться для переезда.

Микола перестал рыскать взглядом по сторонам и, печально покачав головой, впервые посмотрел в глаза наивному работяге:

– А ты верь больше! Они тебе напишут.

По прямой и напряжённой, как струна, спине Рахили было понятно, что женщина внимательно вслушивается. Дети же были увлечены игрой и, как часто бывает, ссорились. Заводилой был Яша.

– Я буду красным будёновцем, а ты, чур, беляком! Видишь, у меня какой конь? Такие только у будёновцев!

Фима, всегда уступая брату в настырности и упорстве, на этот раз сдаваться не спешил.

– Это же я тебе коня отдал! Давай назад, я буду будёновцем!

– Ничего ты мне не давал! Играй давай! Будешь беляком. – Хитрющий Яша тут же спрятал игрушку за спину.

– Сам играй беляка! Отдавай коня!

На сундуке назревала нешуточная ссора, которая вполне могла перейти и в драку.

– Дети! Ну-ка, потише! – Окрик матери остудил перепалку, и близнецы притихли. Рахиль развернулась и, подойдя к столу, припечатала своей красивой ладонью мятую бумагу: – Яков, не глупи! Всё понятно, почему нас собирают. А ты, Микола, зачем пришёл? Не просто же так, нас предупредить?

Красный почмокал большим зубом, метнул косой взгляд на хозяйку и ещё чаще закружил, забегал глазами по кухне.

– Умная всё-таки у тебя жена, Яша. Мне б такую. Верно. Не просто так. Вы ж знаете, я навоз с немецких конюшен вывожу. Немцы – они чистоплюи, не хотят навоза в городе, требуют в лес вывозить. И документ, аусвайс по-ихнему, мне выправили. Чтоб, значит, через все посты ехал. Ну так вот. Завтра поутру, часов в шесть, я повезу из города три бочки. Две уже заняты, а в третьей смогу кого-нибудь из вас вывезти.

Глава семейства озадаченно потёр лоб.

– Я ничего не понимаю. Ты навоз вывозишь, а мы-то при чём?

Жена покачала головой, удивляясь недогадливости супруга.

– Погоди. Он говорит, что под навозом может людей вывезти.

Микола выудил мятый, выдавший виды платок и шумно высморкался.

– Я же говорю, умная. Я о чём толкую? Две бочки уже заняты. Свободная одна. Кого-нибудь из вас могу взять. Но только одного. Звиняйте.

– Понятно. И что ты за это хочешь? – В ответственные моменты Рахиль бывала собранной и конкретной.

Взор соседа-хитрована блуждал по потолку и стенам кухни. Красный боялся продешевить.

– Понятно, что не бесплатно. Я же своей макитрой рискую. Не чужой.

Отойдя в угол и закрыв собою буфет, Рахиль достала давнюю записочку, пачку купюр, перетянутых бечёвкой. Из недр нижнего отделения появляются буханка хлеба, пара банок консервов, газетный кулёчек с сахаром. Всё богатство семьи Разумовских ложится на стол перед Миколой.

– Денег у нас, правда, немного. Вот ещё продукты, сахар...

Красный с кривой улыбочкой оценивает предложенную плату.

– Богато живёте... Консерва, сахар.

Показное добродушие тут же с него слетает, и Микола срывается на крик, вскакивая с табурета:

– Ты что, дура?! Какая консерва? Я свою башку подставляю из-за вас, жидов! Ты золото давай! Лучше царскими десятками или камнями-брильянты! А деньгами своими вон печку растопите. У нас в городе теперь тока марки в ходу!

Брови сапожника поднимаются, и непонятно, чем он больше удивлён, запросами соседа или его неожиданной истерикой.

– Сосед, опомнись, какое золото? Мы ж с отцом всю жизнь сапожную лавку держали. Откуда у сапожников золото или камни?

И хотя рассудительный тон Аркадия успокаивающе подействовал на говновоза, за стол Микола вновь не сел.

– Всё у вас, у жидов, так. Вас спасаешь, а вы прибедняетесь! Небось, у самих всё добро по нычкам распихано? Ладно, что с вас, нищевродов, взять? Так уж и быть, спасу так, по-соседски.

Красный как-то по-особенному, словно облизываясь, осмотрел фигуру женщины, подошёл почти вплотную и обнял за талию.

– Но и ты, соседка, уж меня не обидь. Приласкай, вон прямо сейчас, в спальне.

Поднялся из-за стола и отец. Одной рукой за воротник оторвал соседа от жены, второй крепко сжал тонкое, покрытое седой щетиной до самого кадыка горло, припечатывая к стене тщедушное тело. Несостоявшийся любовник закатил глаза и засучил ногами. Громкий хрип постепенно переходил в тонкий писк.

Дети, поняв, что происходит страшное, обнялись в углу сундука, защищая друг друга, и притихли. Рахиль передёрнула плечами, не от испуга, а от безразличности.

– Не надо, Аркаша. Отпусти. Не стоит он этого. Да и детей перепугаешь.

Тяжело переводя дыхание, муж и отец нехотя ослабил хватку. Микола кулём плюхнулся на колени, жадно заглатывая воздух широко распахнутым ртом. Немного отдышавшись, поднял голову и не сказал, а скорее, пролаял:

– Правильно немцы вас, жидов, расписать решили. Их спасти желаешь, а они – гады неблагодарные... Прощевайте, чего там.

Говновоз с трудом поднялся с пола, выпрямился и, пошатываясь, поплёлся к выходу. Женщина остановила Миколу властным окриком:

– Подожди! Ты драгоценности хотел?

Красный обернулся, замерев у входной двери. Губы соседа скривились в ехидной усмешке.

– А что, есть? Я же знал! Я всегда знал, что вы, жидовня, только прибудняетесь! Запрятали золотишко-то? Камушки?

Рахиль с усилием стащила с пальца перстень и протянула Миколу:

– Вот, возьми. Это будет хорошей платой.

Муж запротестовал, но как-то неуверенно и робко:

– Рахи, ты что? Не надо!..

Микола жадно вцепился в перстень и подбежал к окну. Осматривал драгоценность долго и тщательно. Зачем-то куснул кольцо из тусклого, тёмного металла, брезгливо скривился и завизжал, тряся небритым подбородком.

– Ты что мне суёшь? Оно даже не золотое! И что это за камень? Стекляшка какая-то. Ты мне золото давай! Брильянты!

Рахиль терпеливо смотрела на брызгавшего слюной мужичонку.

– Это лучше золота. В нашей семье одна из прапра... ну не важно, была повитухой. Её звали Анна, и роды она принимала у царицы Екатерины II, когда она рожала от Григория Орлова. Екатерина и подарила ей этот перстень. Там внутри гравировка. «Анне от Е». Перстень сам серебряный, но камень изумруд, большой и чистый, он дороже бриллианта.

Микола вновь приник к окну, осматривая перстень. Медленно шевеля губами, вслух читал гравировку.

– Анне от Е... Хм. Брешешь, наверное. Сами гравировали, а плетёшь, что царский. Вам, жидам, верить – себя обмануть.

Губы Рахили стянулись в тонкую строчку:

– Верни перстень!

Красный моментально спрятал драгоценность в бездонный карман грязных галифе.

– Ладно, ладно! Что-то вы, жида, стали уж больно обидчивые. Слова не скажи. Хорошо. Пусть.

Подобревший и осмелевший, Микола вразвалочку, по-хозяйски, прошёл к столу, выудил из кармана большой, не первой свежести платок и, собрав в него продукты, увязал в узел. Немного поразмыслив, отправил за пазуху и пачку денег. Выходя из комнаты, зацепил и женское пальто с вешалки.

– Это для ровного счёту. Утром, в шесть, выходите. Доброе у меня сердце, что ж тут поделат. Вывезу одного, так уж и быть. И не опаздывайте. Ждать не буду.

Красный ушёл, с руками, занятыми узлом с продуктами. Дверь закрыла Рахиль, потом, вернувшись к примусу, установила на старенький, закопчённый агрегат большую кастрюлю, которую наполнила водой большим половником из ведра, и, чуть поведя плечами, смущённо улыбнулась мужу.

– На ужин только картошка. Хорошо хоть соли немного осталось.

В большой бутылки тёмного стекла керосина оставалось совсем чуть-чуть, поэтому приходилось экономить. Керогаз едва жужжал, выдавая крошечный кружок синеватого пламени. Картошка вскипала долго.

В традициях семьи Разумовских было использование времени с толком, поэтому в ожидании ужина Аркадий взялся за починку детской обуви, а Рахиль села подшивать одежду за напольную швейную машинку, занимавшую целый угол, справа от входа в кухню. Жужжание ножного привода успокаивало Рахиль, а необходимость следить за ровностью строчки отвлекала от мрачных мыслей.

Женщина не заметила, как подошёл муж и положил ей руки на плечи. Вздрогнула от неожиданности, сняла ногу с привода, останавливая шитьё, но не повернулась.

– Я думаю, что ехать должна ты. – Аркадий не шептал, но говорил тихо, наклонившись к жене и почти касаясь губами её смоляных волос.

Дети слезли с сундука, помирились и тихонько играли в противоположном конце кухни.

– Почему? – голос Рахили звучал неожиданно хрипло и напряжённо.

Аркадий же, наоборот, старался убедить жену мягким, спокойным тоном:

– Ты молодая. У тебя ещё будут и семья, и дети.

Теперь женщина повернулась и буравила мужа снизу большущими кари-ми, полными слёз глазами.

– Дурной ты. Без тебя, без Фимы, без Яши? Я не смогу.

Улыбка сквозь слёзы сделала Рахиль такой незащитной, что у Аркадия защемило в глубине груди, и он покачал головой.

Женщина, повернувшись, откинула каретку машинки, заканчивая работу, и встала, поправляя на плечах платок, к вечеру на кухне становилось прохладно.

– Картошка сварилась. Давайте ужинать.

– Дети! Марш за стол!

Отец и близнецы расселись по своим местам за обеденным столом. Рахиль поменяла цветастую скатерть на белоснежную накрахмаленную и выставила столовые приборы от фамильного сервиза. Поставив в центр стола кастрюлю с немудрёным ужином, хозяйка завершила сервировку початой бутылкой водки с пробкой из плотно скрученной газеты. Всё это было проделано так быстро и ловко, что Аркадий только покачал головой.

– Ух ты! Да у нас сегодня праздник?

– Есть повод.

Рахиль протянула мужу бутылку. Она никогда сама не открывала и не разливала спиртное. Пока муж колдовал, отмеряя по маленьким стопкам прозрачное зелье, женщина раскладывала картофель по тарелкам.

Нетерпеливый Яша, спрыгнув со стула, выхватил из кастрюли картофелину и тут же уронил, обжёгшись. Малыш затряс ладонью, отчаянно дуя на пальцы.

– Ай! Она горячая! Больно!

Отец перехватил ладошку сына, капнул немного подсолнечного масла и нежно растёр.

– А спешить не надо. Сколько раз говорил? Поспесишь – людей насмешишь. Или пальцы обожжёшь. Давай почищу.

Брат, ревнуя, заныл:

– А мне кто почистит? У меня тоже горячая.

Мать улыбнулась, погладила любимчика по голове и усадила к себе на колено:

– Давай я помогу.

Забыв о своих остывающих тарелках и разлитой водке, родители чистили детям крупный, сваренный в мундире картофель. Словно продолжая спор с соседом, Аркадий высказался:

– А может, все не так уж и плохо? Наверняка этот проныра всё придумал, чтобы нас подоить. Написано же – сбор для переезда. Посадят по вагонам и отвезут куда-нибудь подальше. В Польшу, например. А там работу дадут, жильё. Я работы не боюсь. Что скажут, то и буду делать. Кольцо твоё жалко. Да ладно, чего там, дело наживное.

– Наверняка придумал. Действительно, соберут и эвакуируют. – Рахиль подозрительно легко согласилась с мужем.

– Мам, а что такое – эвакуируют? – Талантливый, с развитым музыкальным слухом, Фима на удивление правильно выговорил сложное слово.

– Это когда мы все уедем. – Отец объяснил сыновьям суть, не углубляясь в тонкости.

– Далеко-далеко? Как к бабушке? – счёл правильным встрять в разговор Яша с набитым ртом.

– Как к бабушке. Может, чуть подальше. Жуй давай. – Рахиль не одобряла разговоров детей за едой.

– Я люблю далеко ехать. В поезде можно в окно смотреть, – услышав о путешествии, обрадовался Фима.

– А я ещё больше люблю далеко ездить! А в поезде можно ещё спать на верхней полке! Мам, чур, я буду на верхней! Можно? – Яша никогда не уступал брату, а особенно в таком важном деле, как путешествие к бабушке.

– Можно! Путешественники, доедайте, умывайтесь и марш в кровать!

А то поезд проспите. – Мать поставила точку в детском споре и семейном ужине.

Дети спешно отправили в рот оставшуюся на тарелках картошку и дожёвывали уже на пути к умывальнику. Рахиль грустно смотрела в свою тарелку на очищенные нетронутые клубни. Тревога передалась и детям. Присмиревшие близнецы подошли, поцеловали родителей по очереди и зашлёпали сандаликами в спальню.

Ночь на 29 сентября 1941 года в Киеве была особенно тревожной. Навязчивый гул грузовиков, перевозящих кого-то и куда-то, перекрыл своим низким басом все звуки прифронтного города. Кроме прыгающего проблеска автомобильных фар только полная луна своим круглым кроваво-бордовым диском освещала пустынные улицы, нарушая правила светомаскировки. Тёмные громады домов рябили тусклыми отблесками свечей, пробивавшимися сквозь плотные шторы на окнах. Город не спал в ожидании исполнения непонятного и страшного приказа о переезде.

Аркадий с женой этой ночью тоже не спали, но свечей не жгли. Их осталось всего несколько штук, и рачительный хозяин решил приберечь ценность до обустройства семьи на новом месте.

Дети мирно сопели в кровати. Обычно близнецы спали порознь, для этого у них была двухъярусная кровать – причина постоянных споров, кто спит сверху.

Но сегодня дети уснули вместе, обнявшись, и Рахиль разрешила мужу детей не перекладывать.

Разумовские распахнули плотные шторы, и бордовая луна с безоблачного звёздного неба залила светом всю спальню: громоздкий старинный шифоньер, причудливый приставной туалетный столик с овальным зеркалом и массивную двуспальную хозяйскую кровать на резных ножках. Форточка была распахнута – Аркадий, лежащий поверх одеяла в белоснежном нательном белье, курил.

Рахиль в длинной ночной сорочке, укрывшись одеялом, прикипела к плечу мужа, и только по её редким глубоким вздохам сапожник понимал, что жене тоже не до сна.

Аркадий, спрыгнув с кровати, шлёпнул босыми ступнями о холодный дощатый пол, сильными руками подхватил жену, словно пёрышко, и поставил рядом. Крепкие руки скользнули по женским бедрам, цепляя подол ночнушки и поднимая вверх.

– Тише ты! Детей разбудишь! – Её руки, словно крылья большой чайки, взлетели, помогая литому телу освободиться от рубашки, длинные и тонкие запястья обвили шею супруга, а полные губы призывно раскрылись, дразня и провоцируя.

В эту ночь Аркадий был неутомим и разнообразен, а Рахиль любила мужа страстно и пылко, и не было этой ночью для влюблённых ни запретов, ни табу, кроме, пожалуй, громких стонов и криков. Оба боялись разбудить сопящих близнецов.

...Рассветное зарево восходящего солнца возникло в свободном от тяжёлых занавесей окне. До шести оставалось не более часа. Надо было принимать решение.

Рахиль встала с кровати, легко и грациозно потянулась, и её нагой силуэт заслонил освещённый зарёй оконный прямоугольник.

– Я решила. Пусть Фима едет. – Голос матери звучал спокойно и уверенно.

– Почему Фима?

– Он такой музыкальный. Ты посмотри на его пальцы. Он прирождённый скрипач.

Рахиль, наконец, повернулась к мужу, но Аркадий уже не видел ни тяжёлой груди, ни плоского живота – редкость для рожавшей женщины. Он думал только о мучительном, невозможном выборе не когда-то там, потом, а здесь и сейчас.

– Пальцы, положим, у них одинаковые. Просто Фима твой любимчик.

– Глупости не говори.

– Зато Яша в математике силён. Он, может, будущий гений! Учёный, будущий Менделеев. Яша поедет.

– Ага, и в математике, и твой любимчик. – Женщина начинала сердиться. – Нет, Фима едет. После войны музыканты будут нужнее.

– Что за глупости ты городишь? Как это, музыканты нужнее учёных? Яша едет!

– Я сказала – Фима!

– Яша!

До серьёзной ссоры оставался малюсенький шажочек или брошенное в сердцах слово. Рахиль опустила глаза и, не глядя на мужа, которому ещё несколько минут назад отдавала всю земную любовь, прошептала:

– Поссориться хочешь? В это утро?

Аркадий как-то сразу сник и сдался:

– Хорошо. Давай тянуть жребий.

– Жребий? Пусть будет жребий. На спичках, и я сама прячу! А то я тебя знаю!

Это была прежняя Рахиль – решительная и способная собраться в сложный момент. Обнажённой фурией метнулась женщина на кухню. Шлепки её босых ступней гулко разносились по пустынному коридору. Через минуту перед Аркадием кроме покачивающейся полной груди замаячила сжатая ладонь с торчащими круглыми коричневыми головками двух спичек.

– Короткая – Яша едет, длинная – Фима. Тяни!

Тоненькая струйка крови из прокушенной нижней губы побежала по бритому подбородку Аркадия. Долгие секунды мучительного выбора набатым колоколом стучали в висках обоих родителей.

И Аркадий вытянул. Короткую.

Через несколько минут родители одевали и собирали в дорогу полусонного Яшу. После мучений с крепкими, хорошо выглаженными брюками из чёрной саржи и хлопчатобумажной рубашкой наступил черед тёплого свитера и холщовой жилетки без рукавов.

Ребёнок хныкал и капризничал, с закрытыми глазами подставлял руки и ноги и осознанно возмутился, только когда почувствовал на макушке картуз с бумбоном. Его Яша невзлюбил с момента покупки.

– Опять эта дрянь с бумбоном! Снимите! Он девчачий! Не поеду никуда!

– Ну-ка прекрати истерики устраивать! Как не стыдно, ты что, маленький? – тихонько прикрикнула Рахиль на сына. – Что бабушка скажет, когда узнает, что ты тут закатываешь?

– А мы что, уезжаем? К бабушке? – Яша моментально забыл о ненавистном картузе.

– Да, к бабушке. Ты поспи, сынок, ещё рано. А проснёшься уже у бабушки.

Мать уложила полностью одетого Яшу на край своей кровати, а отец аккуратно и тщательно зашнуровал начищенные ботинки на ногах засыпающего мальчика.

Рахиль расстелила на туалетном столике большой белый платок, уложила три холодные картофелины, тёплые шерстяные носочки с вязаными варежками и крепко, крест-накрест, перевязала концы. Получился небольшой узелок.

Женщина лихорадочно обшаривала комнату взглядом, словно силясь вспомнить о чём-то. На комодe стояло семейное фото, ради которого Разумовские потратили половину законного воскресенья в шикарной фотостудии. Рахиль вытащила картонку из рамки и спрятала за воротом платья.

– Теперь всё. Он может ехать.

Лёгкий утренний ветерок легко пробирался сквозь одежду, и вышедшие заранее к подъезду Разумовские сильно продрогли. Рахиль ёжилась, кутая плечи широким платком, а Аркадий вынужденно согревался, перестукивая ногами в тяжёлых ботинках. Руки отца были заняты спящим Яшей.

Звон подков, гулко разносившийся по округе, издали предупредил о приближении соседской телеги. Микола, одетый тепло, в засаленной фуфайке, грязных стёганных штанах и кургузой шапчонке с поднятыми и подвязанными ушами, подъехал и подтянул поводья, воровато оглядываясь по сторонам. На

телеге стояли три большие грязные бочки, поставленные «на попу» и свитые для надёжности пеньковой верёвкой.

– Тру-ууу. Ну, решили, кто едет?

Рахиль шагнула вперёд и положила ладонь на худую шею лошади.

– Яша. Вывези сына.

Микола подтянул под себя ноги в старых, давно не чищенных кирзачах и встал на телеге у ближней бочки. Тележные доски под сапогами возмущённо заскрипели.

– Ладно. Давайте вашего везунчика. Только быстро.

Отец бережно передал сына соседу, и тот аккуратно уложил мальчика в бочку, укрыв куском дырявого брезента, а сверху засыпал сухим навозом из мешка, лежавшего тут же, в телеге.

– Всё, прощайте!

Приладив крышку на бочке, Микола уселся, поднимая вожжи. Рахиль спохватилась, хватая лошадь под уздцы и останавливая трогаящуюся телегу.

– Ох! Чуть не забыла. Передай тем людям, что Яшу приютят. Пусть будет ему на память. – Женщина втокнула недовольному соседу картонку с семейным фото.

– Микола, ради всего святого, ради твоих деток, отдай Яшу хорошим добрым людям.

– Ладно. Не бойсь. Сделаю в лучшем виде! Но-о, поехали! Чо как мёртвая?!

Убрав картонку с фото за пазуху, Красный щёлкнул вожжами. Лошадь медленно, словно нехотя, зацокала по мостовой.

И всё-таки конец сентября – это прощание с летом в ожидании осени. Ещё стоят тёплые дни и далеко до жёлто-багровых листопадов, ещё жарко светит полуденное солнце, весело плещется в Днепре ливень-верховодка, но по ночам холодная роса, предвестник инея, обильно покрывает траву, уже готовую пожухнуть и спрятаться под коростяной наст до весны.

Ранним утром 29 сентября 1941 года в лиственном перелеске на северной окраине города, спрятавшись между двумя ярко-алыми рябинами, мёрз и скучал пост из двух полицаев. Они согревались, толкаясь, подпрыгивая и кутаясь в чёрные шерстяные бушлаты с белыми повязками на руках.

Вначале услышав, а потом и разглядев в рассеивающемся утреннем тумане приближающуюся к посту телегу, один из полицаев, маленький и тщедушный заморыш, властно вскинул левую руку и шагнул навстречу.

Микола правил лошадьё и, подхихикивая, радовался своей удаче. Говновоз благополучно миновал три поста в самом Киеве и один на выезде. Хотя навоз он возил недавно, его узнавали, аусвайс работал исправно, а грязные, дурнопахнущие бочки чистоплюи постовые и не думали досматривать.

Бумажка с лиловой печатью комендатуры, заискивающая улыбка Красного, пара непонятных солдатских острот на языке, смахивающем на собачий лай, и все дела – езда, Микола, как говорится, на все четыре.

Микола катил в сторону ближайшего листовенного леса, в мыслях подчитывая будущие барыши. «Если жидовню и взаправду будут в расход пущать, это сколько ж можно на их вывозе заработать? К примеру, за неделю? Надо только цену установить твёрдую – никаких вещей и продуктов. Золото, брильянты и ничего больше. Жить захотят – заплатят!»

Мечтая о будущем богатстве, Красный не сразу заметил в размытом туманном воздухе маленькую фигуру со вскинутой рукой. А заметив, мысленно перекрестился и натянул вожжи. Скрипя плохо смазанными ступицами, телега подкатила к посту.

Маленького полицая, остановившего на пыльной дороге телегу, звали Олесь, а его товарища, вышедшего на дорогу из-за рябин, худющего флегматика – Тарас. В детстве Олесь за приступы необъяснимой ярости прозвали Шалым. В школе даже присказка ходила: «Дурный, як Олесь Шалый». Тарас, наоборот, был умным, наблюдательным и себе на уме. Благодаря учителю, обрусевшему немцу, неплохо знал немецкий. Из Красной Армии Тарас благополучно дезертировал.

Олесь неторопливо подошёл справа от телеги к лошади и перехватил уздечку.

– Стоять! Куда едешь? Что везешь?

Микола с заискивающей улыбкой склонился к полицаям:

– Доброго утречка, господин-пан полицейский! Так это ж, за город едем, навоз вывозим, вот у меня и аусвайс.

Красный совал в руки Шалого заранее заготовленную бумагу. Его напарник еле сдерживал злорадный смех:

– Ты чо пристал? Это ж Микола-говновоз. Он за немецкими лошадьми дерьмо вывозит.

Маленький полицай с подозрением оглядел Красного.

– Микола, не Микола, а проверить надо. А вдруг у него в бочках чего не того?

Тарас уже откровенно смеялся.

– Чего там может быть не того? Говно – оно и есть говно!

– А вот и посмотрим!

Малыш-полицай вскарабкался на телегу, и подобострастная улыбка Микола стекла в гримасу страха. Из-под труха покатались предательские капли пота.

Красный застыл от ужаса, не в силах заставить себя повернуться. Олесь с видимым усилием раскрыл первую бочку и невольно отшатнулся от ударившего в ноздри запаха.

Довольный Тарас заржал в голос:

– Ха-ха-ха! Что, проверил? То это говно или не то?

Олесь спрыгнул с телеги и презрительно плюнул:

– Ладно! Вези отсюда своё дерьмо!

Сердце Миколы радостно застучало, и Красный, лъстиво улыбаясь и благодарно кивая, подобрал поводья и тронул лошаадь. Но маленький Шалый передумал.

– Стой! – хлётко прозвучала команда, и Красный, оторопев от испуга, тормознул повозку, натянув поводья.

Со злорадной ухмылкой полицейский стянул карабин с плеча и дослал патрон в патронник. Микола шевелил губами беззвучную молитву. Олесь, прицелившись, выстрелил в первую бочку, передёрнув затвор – во вторую и, вновь перезарядив, – в третью.

Три выстрела гулко разнеслись по округе, подняв стаи расшумевшихся галок.

Бочки были настолько грязны, что бурая кровь, выступившая из пулевых отверстий, была практически незаметна.

– Ладно, вали отсюда, быстро!

Красный хлёткими ударами кнута пустил бедное измученное животное лёгким аллюром. Спустя минуту телега исчезла за клубами дорожной пыли.

Настенные ходики мерно отстукивали секунды и показывали семь сорок пять. В циркуляре было приказано прибыть на сборный пункт к восьми утра. Идти было недалеко, всего полквартила, но опаздывать не хотелось, и Разумовские торопились.

Фима, уже полностью одетый, стоял перед отцом и с интересом разглядывал новенькие лаковые ботиночки, купленные весной по случаю на знаменитой киевской толкучке. В центре комнаты хозяев ждали перетянутый ремнями обшарпанный чемодан – вечный спутник путешественников – и большой узел из простыни с зимними вещами.

Рахиль с задумчивым видом осмотрела комнату и обратилась сама к себе:

– Так, подумай ещё раз. Ты ничего не забыла? – И повернувшись к мужу: – Ты все документы собрал?

Аркадий прикрикнул на сына, которому завязывал шнурок:

– Фима, стой спокойно! Вон они, в конверте на столике.

Рахиль уложила конверт в самое надёжное место – за ворот платья.

– Мама, а где Яша? – робко подал голос ребёнок, впервые за утро интересуясь братом.

– Сынок, а Яша уехал с дядей Семёном.

– А почему они меня с собой не взяли?

Отец, успокаивая, погладил сына по голове:

– Ты спал крепко. Вот они и уехали.
Мальчик горько вздохнул:
– Могли бы и разбудить. Мне без Яши плохо.
Мать, смахнув слезу, присела на корточки и обняла сына:
– Всё. Пора выходить. Давайте присядем на дорогу.
Аркадий скривился, прокушенная ночью губа вспухла и болела.

Микола остановил телегу на маленькой полянке перед выездом из перелеска и, крестясь, поднялся к бочкам. Маленьким перочинным ножом перепилил верёвки.

– Господи, Иисусе Христе, прости нас грешных...

Красный, натужась до вздувшихся вен на висках, подкантовал тяжёлую бочку к верхней слеге телеги и сбросил вниз, на маленький куст папоротника.

Полная тяжелая бочка с глухим стуком ухнула и раскрылась. Верхний слой навоза рассыпался по начавшему желтеть ковру дикой земляники.

Красный спустился на траву к бочке и робко заглянул внутрь. Там в позе эмбриона скорчился черноволосый подросток с простреленной головой.

– Царица Небесная, спаси нас грешных и помилуй!

Микола высморкался в загаженную навозом траву, вскарабкался в телегу и с трудом, пыхтя и отдуваясь, сбросил вторую бочку. Она плюхнулась на полянку рядом с первой и чуть откатилась, но не раскрылась. Пришлось говновозу лезть открывать её самому и руками выгребать свалевшийся мелкими комочками навоз. Во второй бочке лежала маленькая девочка, лет десяти, в тёплой стёганой курточке и подвязанной под подбородком вязаной шапке. Пуля Олеса пробила девочке грудь.

Микола перекрестился и полез к третьей бочке. Сбросив и её, Красный оторвал крышку и отодвинул край брезента. Из бочки на мужчину тарачились круглы сонные, ничего не понимающие глазёнки Яши.

– Здравствуйте, дядя. А где бабушка?

Микола только и смог что раскрыть рот в немом удивлении.

– Э-э-э... Какая бабушка? Да ты живой!

Микола вытащил мальчишку из бочки, поставил на ноги и отряхнул его пальто от остатков навоза. Поднял свалившийся на траву картуз, зачем-то просунул палец в дырку от пули и удивлённо помотал головой:

– Да ты и вправду везунчик, жидёныш.

Он нахлобучил картуз малышу на голову и сунул в руки картонку с фотографией:

– На вот, спрячь. Это тебе мать передала.

– Дядя, а где бабушка? – Яша с явным недоумением, но аккуратно отправил картонку с фото в карман.

Красный, на секунду задумавшись, почесал под носом.

– А она тебя уже ждёт! Ты иди по тропинке, вот туда, только не сворачивай. Там деревня, это недалеко, с версту. Там и найдёшь своих. Ты ступай, а то мне возвращаться надо.

Микола ногой спихнул с дороги мешавшие проехать телеге бочки, влез на место возницы. Лошадь, пятясь, развернулась, трогаясь в обратный путь.

Яша побрёл в сторону деревни, поворачиваясь и оглядываясь вслед удаляющейся телеге.

Солнце стояло уже высоко и освещало большую часть Нагорной, когда трое Разумовских с узлом и чемоданом вышли из подъезда бывшего «Доходного дома Фитцлера». Внизу, у нижней ступеньки парадной лестницы, глядя вверх на выходящих жильцов, ехидно и мерзко скалился молодой парень, почти мальчик, в чёрной форме и карабином через плечо.

– Ну, чего встали, жида? Бегом, там вас уже заждались!

В сторону Никольской церкви по улице, как по реке, плыла толпа тепло одетых фигур, нагруженных нехитрым скарбом. Наверху, над горизонтом, ярко светило нежаркое сентябрьское солнце. Яркий диск частично закрывала невесть откуда взявшаяся чёрная туча, напоминающая крест.

Конец сентября. Берн, Швейцария, наши дни

В Швейцарии, как и в любой горной местности, день заканчивается всегда неожиданно. Сумерек почти нет. Вот светло так, что можно читать газету, а вот уже хоть глаз коли, но тут в дело вступают автоматы искусственного освещения.

На приметном особняке BANKA ARCADIA фасадные фонари вспыхнули вовремя, как и было заложено в программе управления. Только что разъехались сотрудники, разошлись по домам изрядно набравшиеся телевизионщики, покачиваясь и шаркая кроссовками по мостовой, ушла пьяненькая Герда. Ехала домой, в пригород, в сидячей электричке молодая женщина, обхватив двумя руками сумку с миллионом. Гигант-охранник всё с тем же видом египетского сфинкса сидел в опустевшей приёмной банка.

Старик-банкир с закрытыми глазами тонул в шикарном кресле в своём кабинете. Правый рукав пиджака плетью свисал над старомодным начищенным паркетом. На практически пустом столе перед банкиром отсвечивало старинное, отреставрированное семейное фото в серебряном окладе. Упавший ларингофон чернел на паркете рядом с креслом. Гаджета чуть касался желтоватый ноготь указательного пальца с кольцом тусклого металла и зелёным камнем.

Никто в банке, даже гигант-охранник, не знал, спал Яков Разумовский или уже покинул этот мир. Телохранитель терпеливо ждал. Заканчивался сентябрь, заканчивалось бабье лето.

Юлия РОСИНА

*Родилась в Ленинграде в 1981 году. Образование высшее педагогическое – РГПУ им. А.И. Герцена. Писать стихи стала относительно недавно. Из публикаций в активе участие стихотворением и рисунком в книге петербургской поэтессы Елизаветы Клейн. Планируется публикация в сборнике петербургского ЛитО «Синий мост» как призёра конкурсов.
Живёт в г. Санкт-Петербурге.*

Дорога

*И явился ему Ангел Господень
и сказал ему: Господь с
тобою, муж сильный!
Книга Судей*

«Сила Моя в немощи совершается...»
Так победу одержал Гедеон.
У врага извечного нет лица –
Имя ему, как всегда, легион.

В лунном свете просёлок как сон,
Подорожник излечит от ран.
По туманностям звёздным идём
В Отчий дом, что в земле Ханаан.
Мириады путей и дорог –
Сердце вешее, зорче гляди.
В глухомани лесных тёмных троп
Ты, как птица, трепещешь в груди.

***

И нет затмения унылого,
Нет непроглядной темноты.
На время краткое, счастливое
Свободна я от слепоты.
Что делать с сердцем непонятливым?
В саду полынь да лебеда,
Но вечерами пахнет мятою,
И с неба тянет луч звезда.

Невзрачной сумеречной птицы
Внимаю трели чуть дыша.
Любви рассеянной крупницы
Собирает бережно душа.
Любимый, песня не печальна,
Она немножечко грустна.
Строка не в золоте сусальном –
В старинной патине честна.

Кораблик

Мой дом на песке, уж стена одна накренилась.
Как быть? Ведь весною ручьи половодьем грозят.
Не знаю, поможет ли. Камни у стен я сложила,
Ещё смастерила отважный и лёгкий фрегат.
Кораблик в ладони моей помещается просто:
Игрушечный он, из кусочка сосновой коры.
Стихия бушует, бормочет тревожно и грозно:
Дороги как реки, и словно озёра дворы.
В оконце со стáпелей в дальний поход отпускаю
Судёнышко, пусть поглядит океан.
Дом мой не в воде, а в цветах утопать будет к маю,
И звёздной морзянкой привет передаст капитан.

Солнце

Неровность белых стен под черепичной крышей,
Лоза мускатная – витражное панно.
В конце проулка синь до окоёма дышит,
Баркас рыбачий загорает кверху дном.

Весь палисадник в мальвах, алыча поспела...
Свет льётся и на добрых, и на злых;
Губами тёплыми ломоть ржаного хлеба
Ослёнок забирает с рук моих.

Карелия

...открыл глаза и попросил мочёной морошки...

В.И. Даль

В августе добром, в топях далёких неизвестных,
Царская ягода вкус набирает и цвет –
Нравится звуков её сочетанье в названии,
И вспоминается с грустью любимый поэт.

Прочь мы уйдём от болот к серым камням нагретым.
В шхерах карельских палатку свою разобьём.
Горстка морошки в ладони – прощание с летом –
Синью высокой и сосен зелёным огнём.

Возвращение

Всё дальше вниз по каменным ступеням
За вереницей безрассудных Эвридик.
Последний солнца луч скользит по стенам
И прядь волос небрежно золотит.

И этот свет, случайный иль нарочный,
Заставил оглянуться, посмотреть:
В горах снега, деревня у подножья
И в море рыбаки натягивают сеть.

Дом на холме

В городе N старый военный оркестр
Играет вальсы и польки в саду городском.
Бог весть почему и когда не внесённый в реестр,
Музы́ке прекрасной внемлет без адреса дом.

Сто лет тому штукатурка была в цвет зари,
Ныне ж осыпалась пудрой с морщинок стены.
В верхнем окне, в янтарном огне... Смотри!
Страницы листают чудесных книг или видят сны.
Дом на холме, он словно во тьме маяк.
Встречает тех, кто не помнит, не знает ответ.
В дверь постучи, входи же смелей, чудак.
Вопросов не будет, а будет лишь тёплый свет.

В городе N вьюжно белеет зима,
Следы от лыж, саней финских в саду городском.
Зёрнами шустрых синичек кормлю у окна,
А вниз я спущусь не сегодня, так завтра. Потом...

Пётр ЧАЛЫЙ

Родился в с.Первомайское Россошанского района Воронежской области. Автор и составитель девятнадцати книг художественной и документальной прозы. Более тридцати лет работал корреспондентом воронежской областной газеты «Коммуна». Публиковался в журналах «Подъём», «Волга», «Наш современник», «Кольцовский сквер», «Новая книга России», «Человек и закон» и других. Награждён орденом «Знак Почёта». Дипломант IV Международного славянского форума «Золотой витязь», лауреат литературных премий «Имперская культура» имени Э. Володина, «Родная речь», «Кольцовский край», всероссийского конкурса «О казаках замолвим слово». Член Союза писателей России. Живёт в Россоши.

РЖА ЕДУЧАЯ

Тарас Яковлевич Демиденко, житель русского городка, небольшого, но не затерявшегося в полях чернозёмной России, в самый канун каждого праздника, отмеченного по календарю красным числом, обязательно получал нестандартный конверт – узкопродолговатый, чисто-белый, почти прозрачный, с приятной картинкой, в него была вложена точная по размеру и тоже приятная открытка. Разглядывая её, одобрительно прицокивая языком, говорил:

– Не забыл Григорий Филиппович фронтowego друга, не запомнил. – И уже громче окликал сынишку-школяра: – Сашка! Ты не все поздравительные открытки девчатам раздарил?

– Наскажешь, сдались мне они – девчата, – отзывался из своей комнаты Сашка.

– Сейчас не нужны, завтра сгодятся, – возражал, ворча, Тарас Яковлевич. – Всё же выдели мне всего одну открыточку из своих запасов. Дяде Грише выслать надо.

– Кинулся поздравлять, когда же он теперь её получит? – бросив кухонные дела, вступала в разговор жена Валентина Марковна.

Сказав так, она вопрошающе разводила свои ухоженные с отменикюреными ноготками руки, вернее даже сказать – ручки. Тарас Яковлевич не без улыбки смотрел на жену и старался уклониться от ответа.

– Почта на праздники перегружена, когда ни высылай, всё одно опоздает.

– Тебе-то человек вовремя успел отправить, – наседала Валентина Марковна.

Особо подчёркнуто она произносила слово – «человек», уже этим намекала мужу: задумайся, а кто же ты. Впрочем, Тарас Яковлевич не оскорблялся.

При случае он и знакомым любил показать сложенные в стопочку, не потерявшие блеска цветистые открытки.

– Друг у меня есть, фронтовой, Гриша Воронов – коренной питерский. Вспоминает открыткой на всякий праздник. Чувствуется культура – ленинградец.

Жителям нашей старой северной столицы в воспитанности Тарас Яковлевич, да и не один только он, отводил особое место.

– Воронов и на фронте из всех нас в батальоне выделялся культурой, – тягуче рассказывал Демиденко, подыскивая каждое слово долго и так мучительно, что у него не только краснело скуластое, почти квадратное лицо, но и выступали капельки пота на крутом с залысынами лбу. Собеседник, глядя на его потуги, обычно дожидался слушать что-нибудь действительно особенное. Но Тарас Яковлевич говорил совсем обычные фразы, мало что добавляющие к уже ранее высказанной характеристике человеку. – Чтобы нагрубил Григорий кому зазря, чтобы словом ругательным обидел – никогда, – гудел его громковатый голос. – Если пообещает, то непременно выполнит обещанное. За собой следит, по чистоте, аккуратности с ним никто не мог равняться.

В немногословной переписке фронтовые друзья всё означали себе срок предстоящей встречи. И хоть жили по нынешним понятиям не так уж далеко друг от друга – из степного чернозёмного городка в Ленинград любым транспортом в сутки можно уложиться, – но так и не сумели свидеться. Четвёртый десяток разменяно Дню Победы (бегут годы придорожными телеграфными столбами). У людей старшего возраста порой не укладывалось в сознании, что писали книги, ставили фильмы, сочиняли и пели песни о войне уже те, кто в её глаза не глядел.

Всё так же впритык к празднику Тарас Яковлевич вытаскивал из пронумерованной щели в обойме выстроившихся на стене лестничной площадки зелёных и совершенно одинаковых почтовых ящиков нестандартный поздравительный конверт.

А жизнь, она такая штука, взяла да и сама подстроила, подогнала застывшую в долгом ожидании встречу однополчан.

Демиденко с женой (впрочем, рано или поздно такое случается со всеми родителями), дожидаясь ближе к полуночи возвращения домой взрослого сына, долгими вечерами говорили, размечали судьбу своего позднего и единственного ребёнка. Маленьким крикун Сашка не давал отцу с матерью уснуть, теперь ждали покоя, да нет – вовсе лишились сна.

Пересматривали фотографии семейного альбома.

Головастенький бутуз лежал на спине, задрал ручки, – ножки кверху, лупастыми глазятами внимательно изучал пустышку. А вот уже твёрдо стоит на ногах, прижал к груди рыбину.

– Помнишь, помнишь? – не могла удержаться от смеха Валентина Марковна и, как всегда теперь после зубного озолочения, широко раскрывала рот, выказывая обновлённую челюсть. – Ты привёз с озера карасей, а они ожили в ванной, Саня кормил их и одно допытывался: когда рыбка станет большой щукой?

Про карася Тарас Яковлевич запомнил, но вот снимок, где сынишка был в полосатой тельняшке, игрушечный автомат наперевес, ему напомнил другое – таким Сашка заявлялся с улицы, по-петушиному выставив грудёнку, спрашивал: «Папа, где фашисты, которых ты бил? Они что – отдыхают?»

Вчера провожала мать сынишку в школу, портфель был больше самого первоклассника, нынче – уже притолоку плечом подпирает, женихаться вот начал. А в гривастой голове, по мнению Тараса Яковлевича, пока и не паслась никакая мысль, даже мыслишка о своём грядущем предназначении.

Затвердили в школе: будущее светло и прекрасно – и будя. Так, иногда даже с досадой, думал о сыне старший Демиденко.

И тут Валентина Марковна, практичнее смотревшая на жизнь, как и большинство нынешних женщин, вспомнила о фронтовом друге мужа.

– Твой Воронов вроде в техническом институте работает преподавателем?

– Да, – ответил Тарас Яковлевич. – Одно время он даже проректором по учебной части был.

– А без знакомств, без руки в институт нечего и рыпаться, – подытожила разговор Валентина Марковна.

Не откладывая дела в тот, придуманный ещё боярами, долгий ящик (жена поднажала на медлительного мужа), написали письмо. Не замедлил прийти и ответ. «Рад принять тебя в своём доме, – писал Тарасу Яковлевичу друг, – как самого дорогого гостя. Сынишка пусть получше готовится к приёмным экзаменам, требования в нашем институте к поступающим строгие. Чем смогу, разумеется, в допустимых пределах, я постараюсь помочь».

Сашка, заслышав об институте, о Ленинграде, вначале было заикнулся об университете, об историческом или филологическом факультетах. Тарасу Яковлевичу это, конечно, польстило, чувствовалось отцово влияние, хотя старший Демиденко был агрономом, его всю жизнь тянуло к литературе, истории, и он собрал неплохую библиотеку, все книги в которой перечитал и Сашко. И всё же отец, не разгибая руки в локте, по привычке – махнул отрывисто всей кистью.

– Не советую. Насколько мне известно – инженер при желании может стать историком. А вот чтобы историк после постиг и технику – такого ещё не случилось.

Сашко легко согласился: в инженеры так в инженеры.

Валентина Марковна к отъезду позаботилась о хрустальном сервизе, раздобыла его опять-таки не без своих знакомых по торговой части. Напутствовала:

– Скромный подарочек другу, вполне приличный.

– Ничего себе – скромный, в месячную зарплату хоть укладывается? – досадливо ответствовал Тарас Яковлевич. Но драгоценное стекло-таки в чемодан осторожно и даже бережно уложил – колокольню позванивающие будто из чистого льда и обрисованные в морозную ночь бокалы, рюмки, салатницы, вазы.

Так вот и свела судьба фронтовых друзей-товарищей, расставшихся в сорок пятом в древнем чешском городке, где островерхих костёлов было больше, чем жителей, – свела спустя тридцать с лишним лет июльским вечером в ресторане на нестареющем Невском проспекте.

Ресторанный зал слепил входящих своим современным убранством: в лёгком свете хрустальных опять-таки люстр начищенной медью самоварно сияли выбитые на металле замысловатые в завитушках картинки, прокопчённые деревянные идолы настороженно застыли по стенам в самых неожиданных местах и вроде высывались из-за зелени вьющихся ползучих растений, густо спускающихся сверху – размалёванные цветочные горшочки идолы атлантливо держали на своих облезлых головах.

«Знатная приправа к закуске», – хотел только сказать Тарас Яковлевич, усевшись поудобней в кресле, вытянув под стол натруженные большим городом ноги, да тут ахнула такая музыка, что в зале от неё стало тесно. Тарас Яковлевич ощущал себя пассажиром набитого до отказа автобуса, водитель которого резко вдруг тормознул, и всё валились на Тараса Яковлевича –дохнуть было нечем.

А молодые до плеч обросшие ребята, с виду схожие на столбоватого Сашка – высокие и худые, как ни в чём не бывало весело поглядывали в зал, раскачиваясь, будто ехали на скачущих лошадях, играючись, в то же время яростно лупили пальцами, руками, деревянными и металлическими колотушками по своим инструментам. И мелодию они взяли вести знакомую, которая не раз раньше (слушал ли он радио, телевизор) у Тараса Яковлевича перехватывала горло – «День Победы! День Победы!». И зазвучала она как нельзя кстати – фронтовики отмечали долгожданную встречу. Но сейчас от оглашенных звуков просто хотелось спрятаться за глухую крепкую стену.

– Ну и как? – наклонившись к другу, спрашивал Воронов.

Но Демиденко старший не мог расслышать, он с войны остался туговат на ухо.

Музыкальный вал не скатывался, он только, чувствовалось по оркестрантам, набирал разбег. Оба однополчанина время от времени по-рыбьи раскрывали рты, пытаясь всё же поговорить.

Лишь Сашка принимал ресторанное угощение как должное, стесняясь, видимо, старших, слегка дрыгал руками-ногами в такт гудящему ритму.

Второпях перекусив, вышли из ресторана.

– Отживаем уже своё, не принимает душа нового, – говорил Тарас Яковлевич.

Воронов же повторял сказанные перед походом в ресторан слова извинительным тоном:

– Говорил тебе, тут не получится праздничного вечера с застольными разговорами, сразу нужно было оставаться дома.

– Оскомину тоже неплохо набить, – отвечал Тарас Яковлевич. – А дома мы посидим, это от нас не убежит.

Теперь он почувствовал, что завеселел не сколько от чарки, а от большого городского шума.

В поздний вечерний час на Невском было светло по-дневному от уличных ртутных светильников, от магазинных витрин и рекламных огней.

Воронов жил в центре города, потому шли пешком. В развёрнутом строе, с ещё не опавшими плечами и довольно рослые, но Сашка всё же возвышался над ними островерхим топольком.

Вначале Сашка прислушивался к разговору старших. Он знал, что отец с Григорием Филипповичем всю войну прошёл вместе в артиллерийской разведке. Что это за служба – представлял: разведчики всегда на передовой, направляли или, говоря военным языком, корректировали огонь батареи по фашистским укреплениям. О войне Сашка, как и все его сверстники, слышал только по отцовым рассказам, по книгам, которые тоже ему нередко подсовывал прочесть батя, по фильмам, которые старался никогда не пропустить. Возможно, и не без помощи Тараса Яковлевича видел войну Сашка не как составленную из подвигов известных всей стране героев, а как невыносимо трудную, со смертельным риском работу миллионов и миллионов людей, спасающих не себя – грядущее поколение, а значит, и его, Сашку Демиденко. Он и сейчас бы вслушивался в разговор. Да разве можно было удержаться, не смотреть на этот город, где на каждом шагу пусть и застывшая в камне, но живая история Родины. Одно дело смотреть фильм, фотоснимок, а тут же будто внове разворачивался перед ним вроде знакомый и ещё неизвестный город. Сашка представлял его отчего-то высоченным, а город таким не был, но зачаровывал, зачаровывал.

Старшие же на ходу оглядывали друг друга, отыскивали, узнавали в себе тех, невозвратно молодых.

– По походке я тебя узнал бы хоть где, – посмеивался Григорий Филиппович.

Тарас Яковлевич, действительно, с молодых лет ходил приметно: избочив голову, правое плечо вперёд с неподвижно прижатой к бедру рукой, и широ-

ким строевым размахом левой, ладонь чуть ли не со свистом секла воздух согласованно с быстрым шагом.

– А ты всё ногу волочишь, так и не отучили фрицы, – напал на друга Демиденко. – Не забыл, как в шахтёрском краю успешно драпали, да тебе пулей каблук на кирзаче слизало.

Посмеиваясь, Воронов толкнул друга локтем:

– Глянь, Тарас, на тебя девчата ещё засматриваются.

– На тебя вроде чаще косят, – отшучивался Тарас Яковлевич.

Воронов и вправду смотрелся молодцевато. Лица ещё не коснулись морщины. Само по себе оно было не особо примечательно: большое и круглое, а нос тонкий, глазки маленькие, от лисы. Выручала же шевелюра, она, прежде всего, бросалась в глаза – седая и густая, зачёсанная вверх.

Нет, у девчат, скорее всего, Сашка пользовался расположением – согласились друзья.

Квартиру Воронов занимал просторную. К тому же жена с детьми уехала на юг, к морю; дома была одна мать-старушка. Так что Тарас Яковлевич чувствовал себя в гостях по-домашнему. Сашку отправили в ванную, а затем на диван, как выражались в старинных романах, почивать, а сами друзья уселись чаёвничать.

Вначале, правда, Григорий Филиппович распахнул дверцу белого шкафчика, показав батарею бутылок разного калибра в красочных наклейках.

– Хочешь, как и прежде, своим пайком меня наделить, – усмехнулся, повёл головой из стороны в сторону. – Не выйдет, брат. Чую уже, где оно, сердце, подвешено, как трепыхается.

– Чай с рижским бальзамом, наверное, можно? По капле в чашку настоя травяного, – уговорил Воронов.

Вот и чаёвничали.

– А я для тебя кое-что приготовил, – хитро сощурился и без того маленькие глазки, говорил Григорий Филиппович. И вынес из соседней комнаты пудовый альбом, уложил его перед другом и отворил тяжёлую обложку.

Тарас Яковлевич заинтересованно взгляделся, хмыкнул:

– Как же это ты умудрился сохранить в целости?

На альбомных страницах были бережно наклеены газетные вырезки.

– Фронтное собрание сочинений поэта и очеркиста Тараса Демиденко, – сообщил Воронов, прихлёбывая чай и поглядывая на друга.

– Надо же, – повторял Тарас Яковлевич. То ли удивлялся встрече со своими выстраданными строчками, которые когда-то нередко печатались на страницах газет – дивизионки и фронтовой. То ли удивлялся товарищу, который сумел всё это сберечь.

– Мои девчата на школьных праздниках эти стихи со сцены читают, – рассказывал Воронов.

Тарас Яковлевич листал, всматривался в пожелтелую бумагу, хмыкал и шевелил сухими губами.

– Теперь сюда глянь. – Григорий Филиппович показывал изрядно потрепанную книгу, в центре обложки небольшой портрет Лермонтова. – Не признаёшь?

Тарас Яковлевич подержал томик в руке, затем одним глотком опорожнил чашку с чаем и крякнул. Помолчав, погладил ладонью книжку, сказал медленно дрогнувшим голосом:

– Спасибо, брат мой.

– За что спасибо? – отвечал друг. – Не за что.

– Ты молодец, сохранил всё, помнишь, – продолжал говорить Тарас Яковлевич. Криво усмехнулся. – А у меня уже осечка с памятью. Сашка как-то допытывался, с какой книжкой я воевал – не вспомнил. Знаю, что была в вещмешке книга, а какая – будто отшибло.

Он снова провёл пальцами по томику.

– То в тебе контузия отзывается, – рассудил Григорий Филиппович. – Хранить бумаги не велика премудрость. Я же тебе век благодарен: к чтению ты меня приучил. До встречи с тобой стихов я вообще не признавал, тебя же как послушал – «Выхожу один я на дорогу...», – будто глаза мне на сердце открыл. Я и Лермонтова тогда у тебя сманил. После войны, когда жизнь подладилась, и сам проехал, и дочек провёз по лермонтовским и пушкинским местам. В Пятигорске на Машуке были, в Михайловском. Современных поэтов не очень знаю, а Лермонтова нет-нет да читаю студентам на сопромате, из твоей книжки.

Григорий Филиппович умолк и, спохватившись, добавил к сказанному:

– Что я всё о себе да о себе. Тебя давай послушаю. Стихи мне новые, как бывало, читать не будешь? – попытался он перевести разговор на шуточный тон.

Тарас Яковлевич поддержал его:

– Знаешь же, что начиная с тридцатого года жизни у человека ежедневно гибнет десятки тысяч нервных клеток, уменьшается мозг, уплощается. Выходит – время стихов у нас прошло в окопах.

– Ближе к жизни, Тарас, – вставил слово Воронов. – А то ведь о себе толком ни разу не писал. По порядку выкладывай.

– Можно и по порядку. Вернулся домой, к матери. Она из больницы не выписывается, меньшей братишка со шпаной связался, в «куколку» – базарную рулетку – играет, мамкину пенсию просиживает, из дому книги, все вещи стоящие вынес. Брата за шкуру, как котёнка – заставил учиться, взялся за ум, институт даже окончил. Сам же пошёл деньги зарабатывать, мать нужно было лечить, брата на ноги ставить, учился уже заочно. Агроном. Дослужился до поста начальника районной контрольно-семенной лаборатории. Есть и такие конторы, не слышал?

– Как же, видел, – ответил Григорий Филиппович. – Вас по телевизору зимой часто показывают.

– Живём по принципу, – подмигнул глазом, вскинул голову Тарас Яковлевич, – лучше быть маленьким начальником, чем большим подчинённым.

Серьёзно принял его слова Воронов.

– Все мы люди, все одинаковые, судьбы только разные.

– На кого на кого, Гриш, а на судьбу я не в обиде. – Тарас Яковлевич положил на стол руки, на ребро – ладони, и будто отмечал сказанное. – Сквозь войну прошёл с чистой совестью. Перед матерью, как мог, долг исполнил до конца. Дело моё, работа, мне по душе. Думаю, что и людям я не в тягость. Сын растёт пока неплохим человеком. Говорю тебе, как на исповеди...

Когда Сашка отоспался, встал, пришло уже молодое утро. Но, как и вечером, за столом, уставленным конопатыми чашками с давно остывшим чаем, всё сидели отец с фронтowym другом дядей Гришей – и говорили.

Сашка щёлкнул выключателем без пользы светившей люстры и пошёл умываться.

На жительство оба Демиденко определились по настоянию Тараса Яковлевича в институтском общежитии, в совершенно пустынном по случаю каникул отсеке, хозяевами просторной для двоих комнаты. Григорий Филиппович долго упрашивал друга остановиться у него, места, мол, всем хватит. Но Тарас Яковлевич, отнекиваясь, объяснил:

– В общежитии, Гриш, я себя вольней буду чувствовать.

Воронов принёс Сашке кучу всяких бумаг – экзаменационных программ, учебных пособий, только поспевай читать, вникать. Он и сидел за книжками. Наедине, прохаживаясь по городу, друзья поговорили о вступительных экзаменах. Вернее, говорил Воронов, а Тарас Яковлевич лишь согласно встряхивал головой.

– На письменных экзаменах помочь я, Тарас, ничем не могу. Сам пойми: работы поступающих зашифрованные, преподаватель не знает, чью он контрольную проверяет. Идти и копаться в шифрах мне не только совесть не позволит, но и попросту – не допустят туда. Да и потом – что написано пером, не вырубишь. Не станет же любой экзаменатор, будь ты на его месте, за двоешную работу ставить хорошую отметку.

– Да я разве не представляю всю эту механику, – соглашался Демиденко – Если б не за сына, разве я б просил. В наше время оно как-то по-другому было, без всяких рекомендаций поступали, учились.

– На устных экзаменах? – спрашивал самого себя Воронов, потирая свой тонкий нос. – Доживём, увидим. Может, Сашка и не нуждается в наших подпольных заботах.

– В школе учился он вроде неплохо, – отвечая другу, рассуждал Тарас Яковлевич. – На математике иногда срывался, а русский, литература, история, физика давались ему легко.

Так, разговаривая, друзья то неспешно обходили старые, будто музейные улочки, то скрывались под тенистыми кронами ветвистых деревьев или от палящего солнца, или от неведь откуда взявшегося круто падающего дождя.

– Капризная у вас погода, – говорил тогда Тарас Яковлевич, с удивлением поглядывая на небо. – Только что было ясно, и на тебе – стеной вода стоит.

А августовский дождь, действительно, не скупился, по-моряцки азартно выплясывал чечётку, обжигаясь о горячий асфальт.

– Чисто женская погода, с характером, – посмеивался Воронов.

Экзамен по литературе, сочинение, Сашка выдержал на «хорошо». Об этом известил Григорий Филиппович поздним вечером того же экзаменационного дня. Рассказывал радостно.

– Секретаря приёмной комиссии попросил позвонить, как закончится проверка сочинений. Вот он мне и сообщил. Молодчина, Сашка, – похлопал он парня по спине. – Давай так и дальше.

Сашка засел готовиться к математике.

Тарас Яковлевич же почернел за эти дни. Бегал заполошно из общежития к институту, толкался там у подъезда вместе с другими, такими, как он, папеньками-маменьками, где роем вились нагаданные на кофейной гуще предположения о проходных и непроходных баллах.

У сына, напротив, с виду особого волнения не замечалось.

– Молодой, нервы покрепче, – объяснял себе Тарас Яковлевич.

С экзамена по математике, тоже письменного, Сашка вышел огорошенный.

– Не знаю, правильно ли решил. Трудные и задачи, и примеры. В школе такие не попадались.

Вечером ждали Григория Филипповича, но он не явился. Сашка покопался-покопался в накупленных значках, открытках, прилёг на кровать и спокойненько засопел. Отец проворочался всю ночь, не раз подходил к окну, глядел на сморенный сонный город – и не мог уснуть. Утром нового дня пошли к институту смотреть списки, результаты вчерашнего экзамена. Против фамилии Демиденко стоял «неуд». Тарас Яковлевич, как вроде проверял лотерейный билет в таблице выигрышей, пальцем подчеркнул номер группы, в которую был зачислен Сашка, второй раз прочёл фамилию, имя, отчество, результат. Убедившись в случившемся, выбрались из наседавшей на витрину толпы.

– Я же говорил – в школе мы таких задач не решали, – повторял одно Сашка.

Тарас Яковлевич прямым ходом направился к другу. На его звонок дверь открыла еле передвигающаяся по комнатам старушка.

– Гриша уехал утром на дачу.

– А на дачу, не знаете, как попасть?

– Сказала бы, да не знаю, – охотно отвечала старушка, приглашая Тараса Яковлевича присесть. – Он дачу-то по весне купил, и я там ни разу не была. Куда мне, по дороге рассыплюсь.

Мать Воронова была рада явившемуся собеседнику и затевала долгий разговор. Но Демиденко рассиживаться не стал, сказал:

– Я вечером ещё зайду.

Григорий Филиппович не заявился домой к позднему вечеру, к ночи уже.

И тут Демиденко-старший взвился на дыбы охлёстанным конём.

– Узнал про двойку, отсиживается, не хочет помочь другу. Не желают марать ручки!

Тарас Яковлевич уже не осознавал, слышал ли эти злые слова сын, или он бросал их в круговерть катящуюся по городским улицам, по вокзальным залам людскую толпу. Или просто стучало в голове: не желают марать ручки!

Он не мог объяснить то своё состояние самому себе и после.

Он собирал вещи, ехал на вокзал, толкался у билетной кассы бесчувственно и отрешённо, как механический автомат. Завели пружинку, подключили батарейку – вот он и колготится.

Вырвавшись из города, будто обрадованный, поезд понесся, казалось, со страшной силой куда-то в ночь. Этот безостановочный бег, и ещё больше – ветер, хлеставший в раскрытую оконную щель вагонного коридора, отрезвили Тараса Яковлевича, привели его к жизни.

В близком пути он и вовсе начал успокаиваться. Сашка уговаривал:

– Чего ты переживаешь, пап? На осень в армию заберут. Послужу, а там видно будет.

Только когда проводница, пробегая по коридору, начала выкликать названия знакомых станций, настроение у Тараса Яковлевича вновь упало. Мысленно он уже не раз прокрутил в голове предстоящую встречу с женой. Знал: не обойдётся без слёз, без злых упреков, что вечно у него, у Тараса, – всё получается не как у людей.

Дома так и было.

Погодя, когда всё вроде улеглось, Тарас Яковлевич открыл замки чемодана. Отложил на стул грязные полотенца, заношенные рубашки, носки.

– Это в стирку. Отнеси в ванную, – скомандовал он сыну.

А сам вынимал и ставил на стол хрустальную посуду. В подрагивающих пальцах она тоненько позванивала.

– Не получилось с подарком, – буркнул жене, пожав плечами.

– Раз-зява! – визгливо зашлась в голос та. – Постеснялся! И ждал – за так тебе кинутся помогать.

– Много ты понимаешь, – неудачно попытался оборвать жену Тарас Яковлевич.

– Да где уж нам понять! – громко и нараспев говорила она. Валентина Марковна вновь закусила удила...

Годы, придорожные телеграфные столбы. Вроде и бесконечен ваш ряд там, впереди. Да только ещё быстрее вы мелькаете рядом, проносите, а оглянешься – сливаетесь в одну еле различимую в серой дали точку.

Вот уже и Сашка – точнее, по послужному списку, – рядовой Александр Демиденко, шлёт домой безмарочные конверты с припечатанным фиолетовым треугольничком.

«Дорогие папа, мама, подходит срок моей службы. Невыпитые компоты уже считаем.

Времени подумать было предостаточно. Теперь-то я знаю: оно даже к лучшему, что я тогда не поступил в институт. Не тянет меня к электричеству. Поддам документы в университет, на исторический факультет. Не попаду на дневное, буду работать по своей армейской специальности и учиться заочно».

Прочитав эти строки, Валентина Марковна сразу сказала мужу:

– Морозовы устроили свою дочь в этом году на исторический. На это же воскресенье пригласим их на вареники. Распытаем обо всём. Подумаем, как надёжнее определить Сашу в студенты.

– Ржа едучая, – про себя сказал Тарас Яковлевич.

Нет, не жену обзывал: ржа едучая. Так думал он о тех отношениях между людьми, которые Валентина Марковна (и только ли одна она) именовала словами – «устроил», «достал».

«Как поживает дядя Гриша Воронов? – спрашивал в письме Сашка. – Всё присылает вам по праздникам красивые открытки? Передавайте ему мой солдатский привет».

Тарас Яковлевич не знал, как поживает дядя Гриша. Поздравительные открытки, а тем более письма фронтовые товарищи с того памятного августа друг другу не присылали.

Егор ЧЕРКАСОВ

Родился в Нижнем Новгороде. Окончил Нижегородскую Государственную консерваторию им. М.И. Глинки в 2016 году по академическому вокалу в классе профессора, заслуженного деятеля искусств Седова Андрея Михайловича. В 2017 году вышел сборник рассказов «Поэзия моих дворов». Спустя год – аудиокнига «Поэзия моих дворов». В 2018 – «Рассказывал дед Макар и другие рассказы». Публиковался в журналах «Русская строка», «Союз писателей», «Дружба народов», «Наша молодёжь», в газетах «День литературы»,

«Российский литератор», «Клаузура», «Соты», «Ёриш», «Арина», «Топос» и др. Лауреат 1 степени молодёжного Городского фестиваля-конкурса «Лит Фест» 2018 г. (Омск), лауреат 3 степени Регионального конкурса «Vita Тюз» 2018 г. (Тверь), лауреат литературной премии Справедливой России совместно с журналом «Роман-газета» «В поисках правды и справедливости» 2018 г. (Москва). В 2020 году – победитель премии глянцевого журнала «Собака–НН» по проекту в области литературы. С 2020года член союза журналистов России. С 2021 – член молодёжной редакционной коллегии международного литературного журнала «Невечерний свет».

СТАРУШКА

В эту осень мой Михаил Иванович захворал. У нас, стариков, иначе в таком возрасте и не бывает: хочешь понять, почему это болит да то – глянь в паспорт. А ему и глядеть не надо было: двадцать пятого года рождения, участник войны, ранен был. После войны тоже особо не жаловали – страну поднимал на вредном производстве. Там всю жизнь и проработал. А в стариковской немощи, знаете, не жизнь, а выживание. Каждый день дорого достаётся.

Потом врачи подлечили, вроде полегче ему стало. Да, видимо, ненадолго. Внезапно объявил, что приготавливаться ему следует. Почувствовал он это как-то. Я было хотела возразить, но перечить не стала – старый Михаил Иванович, да всю жизнь с характером был. Бывало, и руку прикладывал, не в полную силу, но для нравоучения и справедливости. Так что лезть поперёк не стала – исполнила его волю.

Для такого случая у нас в сенях гроб уже давно стоял, всё как полагается. Мы – люди понятливые и заранее к подобному готовились, что он, что я.

Памятников Михаил Иванович у меня сроду не любил: его родители старообрядцами были – все под крестами ныне лежат. И мой решил также.

В середине октября есть перестал. Сначала помаленьку, но кушал всё же. А потом вовсе отказался. Велел священника вести обряд справлять. Надел чистую рубаху и больше уже с постели не вставал.

Пособоровали, значит, его и причастили. Стал доживать чистым. Всё лежал и глядел куда-то, будто жизнь свою вспоминал и обдумывал всяко. Тихо так стало у нас. Тихо и спокойно. И так-то ни телевизора, ни газет – если внук только из города новостей привезёт. А тут и вовсе тишина в дом вошла.

Навеяло однажды на Михаила Ивановича, позвал к себе, велел присесть возле кровати его. Присела я. Он и говорит:

– Ты уж прости меня, Катерина, что так вышло, что жили скудно, ничего доброго не видала от меня особо, ни любви горячей, ни ласки нежной. Никогда с тобой мы не шиковали, всё, что нажили – дети да домик-развалюху. Работали все да жилы рвали, а друг другу в глаза порой и не смотрели. Бывало, и попивал я у тебя, бедокурил. Радости особой не видала ты со мной. Одна тяжесть да печаль. Всю жизнь волочили друг друга: то ты меня, то я тебя. Только вот упасть не дали друг другу – одно хорошо. А так...

Я взяла его руку двумя руками. У него большая рука была, властная. Взяла и говорю:

– Милый друг, Михаил Иванович! Уж всяко лучше с тобой жили мы, без любви особой и ласки, роскоши и соблазна, чем молодёжь нынешняя сейчас живёт, когда время такое, что живи и радуйся! Жить да жить! Да и ещё жить дают по-человечески! Ан нет – не живут. Мы-то с тобой по чести прожили и по воле Божией, как смогли. Так что лучше всю жизнь с тобой и ни дня не жалеть, чем один день, как внуки и правнуки наши, без Христа в голове живут! Ни о чём не жалею, Михаил Иванович, ни о чём. Так что не думай лишнего да спать ложись, милый друг.

Улыбнулся он. Вроде даже прослезился, а может, и показалось мне...

А утром преставился мой Михаил Иванович. Как будто последнее его не отпускало – у меня прощение попросить. А я на него ведь никогда не таила зла. Он всегда для меня был выше и справедливее, чем все на свете. Ведь я всегда знала – он не обидит. Пожурит для остротки, но не более. И если по делу, то по делу. Так вот и жили.

Ушёл этой осенью Михаил Иванович – теперь и мне за ним надо, нечего меня одну оставлять!

Тут с коровой не справлялся, а там ему вообще, наверно, тяжело без меня. Он ведь так не скажет никогда, не пожалуется, а ему одному сейчас тоже тошно, как и мне.

А вообще, почаще ко мне заходите. Все в деревне вымерли давно. Я одна осталась, да вы, дачники, наездами живёте – больше и нету никого. Если воды

набрать или, как сейчас, переждать в тепле, пока у вас печка натопится дома, – милости прошу! Чаем всегда напою. Вы когда ещё раз поедете сюда, газеток захватите каких-нито. А то очень тошно в тишине сидеть да в угол глядеть, пока там не померещится что-нибудь. Пойду варенья крыжовного принесу – ещё чайку прихлебнём!

Старушка накинула тулуп и согнувшись вышла в низенькие сени.

Алексей ШОРОХОВ

Родился в городе Орле. В 1990 году поступил на филологическое отделение Орловского педагогического университета, затем – в Литературный институт имени А.М. Горького в Москве и аспирантуру при нём. Член Союза писателей России. С 2004 года – секретарь Союза писателей России. Заместитель главного редактора журнала «Отечественные записки». Член Сенаторского клуба Совета Федерации РФ. В 2022 году за книгу «Война» стал лауреатом премий им. Салтыкова-Щедрина (Талдом,

Московская область), «Донбасс никто не ставил на колени» (Горловка, ДНР), специальной премии жюри МСЛФ «Золотой Витязь» (Москва). За книгу избранного «Сорок восемь. Ру» Издательским Советом Русской Православной Церкви удостоен диплома лауреата премии «Просвещение через книгу» II степени в номинации «Лучшее художественное произведение». Отмечен дипломом «За значительный вклад в реализацию национального образовательного проекта «Основы православной культуры».

Скрябинские этюды

Русским лётчикам посвящаяю

Погибельней, ближе, правдивей
Звучит исступленье твоё!
...Над скомканной картой комдивьей
Сегодня прервался полёт.

Раскиданы жёсткие крылья
В распадке, поросшем травой, –
Не вынесли и не укрыли,
А лишь принесли в этот бой

Простых мужиков без налички,
Поверивших в страшную явь,
Так просто, почти по привычке
К фуражкам ладони подняв.

Пахавших кремнистую замесь
Лукавых и диких земель,
Недавно совсем ещё, давесь
Гудевших в долине, как шмель,

А ныне врастающих в небо,
Где шёлк парашютный – как нимб.
Сквозь стропы, сквозь голые нервы –
Фигурки, бегущие к ним...

И кроме небесной отчизны
И дедов, таранивших сталь,
Что есть у них – без укоризны
Глядящих в родимую даль?

Заклинило

В горах Всевышний ближе. Бирюза
Латает дыры в залпах миномётов.
...И вот – ничьи не вспомнились глаза,
И в памяти – ни грамма, ни аза...
Лишь сыновья – единственное «за»,
Чтоб материться в кожух пулемёта!

Казачья сказка

Из морей, из лесов – на пожарище
Вышел сторбленный веком старик.
– Здравствуй, дедушка, видно, ты давишний,
Раз к углям так покорно приник?

– Славный пепел, да только остывшие
Угольки-то... Ты, милый, отсель?
– Нет, старик, предки здесь мои жившие
Разбрелись по России по всей...

– Чей же ты, уж лицо-то знакомое?
– В детстве молвили: внук колдуна,
Что ушёл – вон из крайнего дому – и...
– Бог с ним, Бог с ним – туда сторона...

Дед нахмурился, звёзды колючие
Замерцали сквозь иней бровей:
– Вот ведь вышло-то как, что при случае
Не признал даже крови своей!

Что ж, запомни, внучок, несказанное
Я поведаю в тёмных словах:
«Жило чудище здесь первозданное
О семи то ль о трёх головах.
И когда предок наш, очень набожный,
Здесь вселяясь, крестил свой порог –
Из земли, брызнув огненной скважиной,
Вырос ангел, а может, и Бог.

Словно гром, трижды эхом отмеченный,
Он изрёк: «Будут здесь ведуны.
Охраняйте границы предвечные
От врага из лесной стороны».

И исчез, ну а нам и досталось
Меж людей ведунами прослыть,
Да и службу в дозорах за малостью
От темна и до света носить.

И полвека, наверно, не минуло,
Как случилось менять караул –
Тут всей нечисти столько насгинуло,
Что и чёрта наш дед помянул...

Что рассказывать – присказка длинная,
Там и мой наступает черёд.
Только сила иссякла былинная –
И не сдюжил я, не устерёг...

Видишь сам – всё теперь в запустении,
Всё, проклятый, огнём попалил.
Если сможешь, казак, во спасение
Заступай – сохрани, отмоли!»

Так сказал он и с вечным проклятием
Сгинул в землю – как был, так пропал.
И ... помедлив пред древним распятием,
Я в дозоре завещанном встал.

Лермонтов

В воздухе пахнет душицей и смертью,
Лермонтов пишет под сенью чинар,
Листья звенят тонкокованной медью,
Дремлет селение, бредит базар...

Муллы лопочут на ковриках пыльных,
Девушки манят библейской красой.
Круг офицеров – из бедных и ссыльных,
Грязные бабки, мальчишка босой.

Щёлкает выстрел.
– Казаки играют...
Камни посыпались, горцы поют.
– Слышал, вчера адъютанта украли?
– Этот откупится, вряд ли убьют...
Жизнь замерла в отупении тихом,
Шашка и та зеленеет в тиши.
– Так, между схваток, и кажешься психом...
Боже, как хочется просто – души!

***

Ю. Воробьевскому

Жить в кочующем Риме, где только и свято, что – камни
Обрастающих мхом, как историей, диких земель.
Как же гулко и грустно кругом! Неужели пора мне,
Наглядевшись на осень, в имперскую сгинуть метель?

То не вьюга вокруг, то несёт наши бедные души.
Как же быстро, мой Бог, всё теряется в снежной судьбе!
Накануне войны лишь одно утешением служит,
Накануне зимы, накануне дороги... к Тебе.

Новогоднее

С. Гудкову

В огне и пене белый бэтээр
Как взмыленная лошадь у барьера.
И у кого-то рушится карьера,
А у кого-то встал секундомер.

Горит и стонет, умирая, взвод,
И бьёт в туман без смысла и без цели.
А мы опять на ёлку не успели...
Как скверно наступает Новый год!

А впрочем, слава Богу – жив радист!
И ангелы-хранители плечисты –
Уже летят, и горизонт их чист,
И НУРСы* под крылами серебристы!

---

* НУРСы – неуправляемые реактивные снаряды, основное вооружение российских боевых ударных вертолётов Ми-24.

Протоиерей Александр ДЕРЕВЯНКО

Родился в Конотопе Сумской области. Окончил Владимирское музыкальное училище, Киевскую духовную семинарию и Киевскую духовную академию. В настоящее время настоятель храма священномученика Макария Киевского в селе Сурково Шебекинского района Белгородской области, куратор Белянского духовно-просветительского центра им. митрополита Макария (Булгакова). Стихи публиковались в альманахе «Светоч».

Блудный сын

«Я жил все годы при тебе, Отец,
Всё исполняя так, как Ты велел.
Терпенью моему пришёл конец.
Теперь я взрослый, я уже созрел.

В Твоём имени есть доля для меня?
Отдай мне то, что Ты готовил мне.
Зовёт меня давно чужая сторона.
Пусть брат мой остаётся при Тебе...»

И полной грудью наконец я смог вздохнуть:
Дорог здесь очень много, не одна.
Таким надёжным, ясным был мой путь.
Я шёл на свет, но оказалось – тьма.

Я в кабаке все деньги прокутил.
Друзья давно забыли про меня.
И вот остался я совсем один.
Пасу свиней, и сам я как свинья.

Как оскорбить посмел я своего Отца?
Хотел гордыней победить Любовь.
Полна раскаянья моя слеза,
И к Небу взор мой устремился вновь.

«Отец! Я сын, но недостойн я Тебя.
Прости за всё, я грешен пред Тобой.
Молю – в работники Свои прими меня.
Я там чужой. Хочу к Тебе – домой!»

Хотел припасть к Родительским стопам,
И умолять, и горько слёзы лить.
Но Он мне с места сдвинуться не дал,
Слова прощенья стал мне говорить.

«Я счастлив, сын, что ты ко мне пришёл, –
Сквозь слёзы говорил родной Отец. –
Я радость истинную снова приобрёл:
Ты мёртвым был и – наконец – воскрес!».

Сила притяжения

Шумит пустыня городская,
Свой жирный требуя ломоть.
Мечту в полёт не отпуская,
Бесчинствуют слепая плоть,

И дней лукавых вереница,
И страсти тайной кабала.
Душа устала быть в темнице.
И заболела, позвала

Того, Кто близок ей и знает
Смысл и значенье бытия.

И повела стезя земная
В иные, дикие края.

Упали каменные шоры.
Рассеялась корысти мгла.
Небесные запели хоры.
И медные колокола

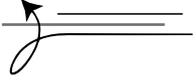
Звонили страннику навстречу.
Влекла к началу всех начал
Попутчица наивной речью.
А будто Сам Отец встречал

У монастырских врат.
И ожил
Венец Творенья – человек.
И засиял в нём образ Божий,
Провозглашая новый век.

А дальше что?
Всё, как обычно –
Согласно веку и судьбе.
Но та душа, что знает лично
Прикосновение к себе

Того таинственного Света,
Она навеки влюблена,
Тишайшей нежностью согрета,
Отвагой кроткою сильна.

Любовь не знает поражения.
Её хранитель – Сам Творец.
Неодолимо притяженье
Соединённых Им сердец.

Татьяна КАГРАМАНОВА

Родилась в селе Котово Старооскольского района Белгородской области. Училась в Воронежском Государственном Университете. Член Союза журналистов России. Финалист Всероссийского конкурса о деловых женщинах России «Успех». Живёт в Старом Осколе.

БЕЛЫЙ НАЛИВ

Я выросла быстро. В четвёртом классе выглядела уже как восьмиклассница. И это было моей бедой. Вот идём, к примеру, мы с мамой по улице в магазин и встречается нам какая-нибудь тётенька в цветастом платье и белом платочке, поздороваётся с мамой, а потом переведёт на меня глаза и спросит:

– Твоя? – Как будто и так не понятно, чья я дочка.

– У каком классе?

– У четвёртом.

– У четвёртом!? – не скроет удивления женщина и покачает головой.

Мы трясёмся в кузове грузовика, едем в город, чувствую – гроза надвигается – толстая баба с сумками сверлит меня глазами. И вдруг громко так говорит, чтоб все слышали:

– Ну, Нин, твоя дочь за лето вымахала.

А другая краснощёкая односельчанка, которая вроде бы сидела тихо и думала о своём, добавляет:

– Куды только растёт! На, держи сосательную конфетку, Танюха.

Сама бы лучше съела её. Когда заезжали к нам ненадолго родственники, я, тихо поздоровавшись, старалась уходить с глаз долой, потому что знала – опять начнут расспросы: сколько лет, в каком классе учусь и так далее. Даже крёстная Нюра, когда я к ней забежала утром просто так, а она в это время двор подметала в валенках в жару, неожиданно изрекла:

– Высоченная будешь.

Ну да ладно, деревенским женщинам в душе я всё прощала, потому что они и друг друга особо не щадили. Встретятся, вроде обрадуются, а потом одна другой говорит:

– Ох, милая, ну до чего ты постарела и подурнела за последние-то годочки.

А та и не думает обижаться или пожалуется на судьбину:

– От такого количества скотины да от мужа пьяницы вряд ли помолодеешь.

И надо сказать, что некоторые люди деревенские, хоть и необразованные, но понимали мою ранимую душу. Тётя Маня, которая всех в деревне обшивала, на примерке посоветовала маме:

– Нежная девчонка у тебя, Нина, её оберегать надо.

Я, конечно, улизнула тут же, но всё же мне было приятно слышать такое о себе.

Хуже обстояло дело с деревенскими мальчишками. Одноклассник Вася «верстой» меня дразнил. А Васяка, двоюродный брат, в ссоре из-за карандаша, который он же мне не хотел возвращать, обозвал каланчой. Этот вопрос мне часто приходилось обдумывать, оставаясь наедине с собой. Я размышляла: если я в четвёртом классе такая длинная, то что будет дальше, если буду расти со скоростью бамбука. А что если к десятому классу вырасту до двухметровой высоты? Иногда хотелось побежать к речке и выплакаться там, а то и в голос порыдать, как в деревнях бабы на похоронах голосают по покойнику, чтоб легче стало на сердце. Конечно, на тот момент мне даже и в голову не приходило, как страдают маленькие росточком мальчишки, а коротышек и в моем классе, и в школе было немало. Некоторые из них потом уже, в старших классах, неожиданно вырастали.

Случайная встреча помогла мне по-иному взглянуть на свои переживания.

Бабушка Зина, мама отца, жила с нами, в селе Котово, а бабушка Феодора, мамина мама, одна-одинешенька в соседнем селе Озерки, поэтому мы старались почаще её проводывать. Зимой на санях ездили, укрывшись огромной шерстяной шалью, летом ходили пешком. Когда я подросла, мама почти всегда брала меня с собой, особенно летом.

Как-то мама собралась к бабушке, чтобы одолжить денежек на приобретение одежды к школе. Стоял август, жаркий, сухой. И в этот день солнце пекло с самого утра. Мы шли сначала через сосновый лес, радуясь прохладе, а потом по узкой дорожке через поле, где уже пылили комбайны, убирая хлеб. По дороге мама рассказала историю, как однажды встретила тут с волком и сильно испугалась. Зверь посмотрел на неё с расстояния десяти метров и убежал, потому что она начала непрерывно читать все молитвы, какие только знала. Мама маленького роста, но упитанная, сильная, выносливая, она шагает быстро, а я за ней вприпрыжку бегу, но терплю, иначе скажет, зачем пошла, сидела бы себе дома. А так хотелось хоть куда-нибудь спрятать-

ся от жары, отдохнуть. Впереди показалась небольшая лесополоса. Приблизившись к ней, мы увидели стадо овец и рядом с ним маленького худенького старичка с белой бородой. «Что ж так разогналась, милая, сама запыхалась и девчонку заморила, она ж совсем ещё ребёнок», – сказал пастух, когда мы подошли к нему ближе. «Так нынче же и воротиться обратно надо. Корову некому доить вечером», – ответила мама. «А чья ж ты будешь-то?» – «Да Федорина». – «Мужиков на войне поубивали, все, которые были Сергеевы, Кузьмины да Петькины, стали Акулинины да Федорины. Присядь, отдохни. Знаю, знаю Федору Ивановну, когда-то крышу с Палычем перекрывали ей соломой. Квасок ржаной она умела готовить с мятой. За неё Палыч после смерти своей бабы сватался. Не пошла. Нет, говорит, Сергей без вести пропал, а коли вернеца, как у глаза смотреть? Сама троих девок подняла, а мальчонку её, твою братишку, бык на пашне задавил». Дедушка был одет бедно: брюки темные, рубаха в клетку старенькая, штопанная-перештопанная, старые стоптанные туфли. И всё на нём висело, было не по размеру. Он подошёл ко мне близко, погладил по голове. Потом принёс большую фляжку с водой, которая хранилась в земляной ямке. Дедушка ласково смотрел на меня, называл ласточкой, маме сказал: «Девка ваша красавицей будет, глаза что черёмуха спелая». Пастух вынул из своей котомки два яблока, одно бледно-золотистое, а второе белое, со светло-розовым румянцем. И то, которое поменьше, протянул мне, а другое маме. Но мама отказалась: «До Преображенья три дня осталось, надо потерпеть». Мы присели прямо на прохладную землю с примятой уже травой. «А урожай-то яблок хороший нынче?» – спросила мама. «Неплохой, но из-за жары почти все попадали. Сегодня на заре последние снимал, цэбарку набрал, Дуся, сестра, повидло сварит. А я только завтракать собирался, налетайте. Дуся меня, бобыля, подкармливает». Старик развернул газету, вытащил хлеб, три смятых варёных яйца, порезанное на кусочки желтоватое сало, завёрнутое в тетрадный листочек, большой малосольный огурец, пахнущий чесноком, и мелкие варёные картошки, обсыпанные укропом. «Никто того не ведая, где бедный обедая. До заката ещё далеко, дедушка, сам проголодаешься не раз», – засмушалась мама. Она лишь взяла кусочек липкого сала и с удовольствием, как конфетку, съела. Мама любила сало и говорила, что хоть немного, да надо съесть в день в любое время года, а то где ж взять силы для работы?

Овцы от жары сбились в кучу возле орешника, от них исходил тяжёлый запах. Мама поднялась, посмотрев на небо. А мне, честно говоря, очень хотелось ещё посидеть с дедушкой в тенёчке. У меня же никогда не было дедушки. «Привыкла, к котовским-то? – напоследок спросил пастух маму. – Народ простой повсюду одинаковый, рази что пьют у вас поболее нашего». «Кто какой, дедушка, есть и добрые, и злоречивые». – «А ты не обижайся ни на кого, комары и те кусают до поры. Утром поздоровкалась – и всё, забыла».

Теперь я бежала почти рядом с мамой, доедая второе яблоко на ходу. Оно было ещё слаще первого. «Не спеши, жуй хорошо. Белый налив это», – сказала мама. Я спросила её, что значит «и комары кусают до поры». «Людей надо прощать, так Бог велел», – ответила она. Мы здоровались со всеми, кого ни встречали по дороге к бабушкиной хате. Кто угощал меня пряничком, кто конфеткой, а чаще выносили яблоки из дома. Озерки славились своими яблоневыми садами. На одной из улиц стояли только три хаты, в которых жили три солдатские вдовы – баба Акуля, то есть Акулина, баба Вера и Федора, моя бабушка, суровая и добрая, умеющая кукобить, как она выражалась. У бабушки хата чистая всегда, печка побелённая, на лавках к нашему приходу остывал тугой кисель в мисках, а на грубке возвышались прикрытые полотенцем тоненькие, как кружево, блинчики. В чистом огороде у бабушки рос крупный золотистый крыжовник. Но самое главное – в большой укладке, среди аккуратно уложенных одеял и простынь, лежала пудра «Лебяжий пух». Ради этой пудры можно сто километров пройти, чтобы только понюхать её аромат и немного пальчиком на лицо нанести.

Спустя годы, когда мама лежала больная в постели, мы о многом вспоминали с ней из нашей прошлой жизни. И как мы с братом убегали на нашу речку Ублю и купались там до посинения. И как я однажды в скирде соломы потеряла новый сапожок резиновый, а дома меня успокоили тем, что к весне вырастет новый. И как председатель наш гнался за нами, девчонками, по гороховому полю на своём «бобике», и я от страха отпустила подол платья, и все стручки рассыпались. Не раз пыталась я расспросить маму о старичке, которого мы встретили по дороге в Озерки, но она ничего не могла вспомнить. А только удивлялась, чем это он мне так запомнился, неужели только тем, что дал мне яблоко, ведь в деревне у них были яблоневые сады, каждый мог угостить. Я не стала рассказывать ей о своих детских переживаниях. Оказывается, чтобы тебя запомнили на всю жизнь, вовсе не обязательно кого-то спасать от пожара или выручать деньгами в сложной жизненной ситуации.

Евгения ПОЛОВНЁВА

Окончила журфак БелГУ. Работает в ТРК «Мир Белогорья». Живёт в Белгороде.

Музе

Раздвоенность и прерыванье темноты
Остатками полуденного света.
И тёплое до дурноты,
И приторное приближенье лета.

Скольжу глазами с пола в потолок.
В окне шатаются макушки вишен.
А голос твой то близок, то далёк.
То еле слышен.

На ощупь ищешь нужные слова
И выдаёшь, как по талонам книги –
Кому-то том, кому-то целых два,
Кому-то фиги.
Бывает, что и мне перепадёт
с литературного её похмелья
невнятный и оборванный кусок
стихотворенья.

***

Человек не повторится,
Повторится день и ночь,
Человек не повторится
Ни «примерно», ни «точь-в-точь».
Кажется, я вас узнала,
вы похожи..

Впрочем, нет.
Показалось,
В этом баре
Слишком тускло светит свет.
Схожий профиль и рубашка.
И как прядь коснулась века.
Вы похожи..
Очень-очень
На другого человека.

Вечер
к ночи,
Бьёт усталость,
Вот
домой привычный путь.

В каждом видя твою малость,
Мне всего-то и осталось,
Что попробовать уснуть.

***

Обнимайте любимых сейчас,
не откладывая на потом.
Обнимайте любимых прощаясь,
их покидая дом.
Обнимайте любимых с рассветом
и провожая закат.
Обнимайте любимых летом,
И особенно – в снегопад.
Обнимайте любимых не завтра.
Обнимайте любимых сейчас.
Обнимайте любимых крепче,
как в самый последний раз.

Виктория РЕПИНА

Член Союза журналистов России, автор четырёх книг: «...За каждый вдох я жизнь благодарю», «Полусказки Василины Уманец», «Рио-Рита», «Моя родина – лето». Живёт в г. Губкине.

Постскрипtum к снегопаду

Хрупкая какая красота!
Я дохнуть и двинуться не смею.
Как она проста и как чиста
В этих очарованных аллеях.
Снег одел деревья и кусты
Оторочил бахромой пушистой.
Тихо в парке, лавочки пусты.
Только я и месяц в небе льдистый...

***

Тихим шагом, на мягких лапах,
Подступила зимы пора.
Нудный дождик неделю плакал,
А сегодня – слепит с утра
Первый снег, укрывший дороги,
Первый снег, одевший мосты.
Первый снег, волшебством недолгим
В кружева превративший кусты.
Он как белый листок бумаги,
Позабывтый ветреной вьюгой,
На котором зима напишет
Соло скрипки для снежной фуги.

***

По жизни, как по лезвию ножа,
Я шла, но не испытывала боли,
Когда, внезапной нежностью дрожа,
Вы прямо в сердце взглядом укололи,
И снова поманили в рай земной...
Жаль только, отцвела черёмух пена,
И слово горьковатое – измена –
Теперь уже не властно надо мной.

***

Мне от тебя в награду
Не так уж много надо.
Лишь только голос слышать,
Лишь только видеть взгляд.
Любовь не бесконечна?
Не бесконечна – вечна!
Пусть что хотят другие
Об этом говорят...

Доченьке...

Глаз твоих шоколадный омут,
Милый профиль в дымке волос.
Под раскаты весеннего грома
Добрый ангел тебя принёс.
Босоногий умчался ливень.
Поворчав, гроза унялась.
В день, я знаю, самый красивый
Юлька, дочка моя родилась!
Говорят, примета плохая:
Майским – маяться, как в бреду.
Только ты мне дана, родная,
Лишь на счастье, не на беду.

Бабье лето

Как пьяняще бабье лето
Пахнет яблоком и мёдом!
Столько солнечного ветра

Под прозрачным небосводом.
На полянках придорожных
Листьев жёлтые червонцы,
И шиповник смуглокожий
Сушит ягоды на солнце.
Бабье лето... невесомо
Паутинки пролетают,
Тоньше самых нежных кружев,
И в лазури тихой тают.

Слепой дождик

Дождик, солнцем ослеплённый,
Зазвенел по мостовой.
Ярким светом удивлённый,
Днём июльским вдохновлённый,
Ветром тёплым окрылённый,
Он почти одушевлённый,
Как дитя неугомонный,
Как поток воды – живой!

ВОЗВЫШАЯ НАС НАД МИРОМ

Заместитель председателя Совета женщин Губкинского городского округа Ираида Николаевна Маклакова – о творчестве Виктории Репиной.

Со стихами Виктории Репиной я познакомилась в 1999 году. Сборник стихов губкинских поэтов «Живые ростки», выпущенный к 60-летию города, подарил мне Евгений Васильевич Прасолов на день рождения и в память о моём отце. Страницы со стихами Виктории были перед стихами моего отца Соколова Николая Тихоновича. Прочитав строки молодой поэтессы, я тогда восприняла её как студентку, так скучающую по родному дому, что даже весна её успокоит едва ли, про море, приснившееся как волшебная сказка. Ещё тогда подумала, а ведь не чужая она в этом сборнике, несмотря на молодость, и очень органично вписывается в плеяду уже известных и читаемых авторов.

Когда Виктория работала на местном телевидении, мы часто пересекались по работе, я не раз становилась участницей её репортажей. И, конечно же, знакомилась с её творчеством. Для меня она всегда была и остаётся поэтом тонкой лирической души, умеющая видеть и ценить красоту.

*Я нарисую дом под черепичной крышей,
Цветочную каймой поляну обведу.
Я акварель листвы шуришать заставлю тише
И тенью растворюсь в полуденном саду.
И аромат травы, дурманящий и терпкий,
С дыханием моим сольётся в унисон.
На цыпочках, скользя легчайшей водомеркой,
Я не спугну пруда зеленоватый сон.
Кружатся над водой глазастые стрекозы,
На листьях глянцевого – кувшинок перламутр.
Там, в глубине цветка росы хранятся слёзы...
А с неба облака глядят в прозрачный пруд.
Жужжание пчелы, стук падающих яблок,
Малинника густой пьянящий аромат.
Вот дерево, в грозу свалившееся набок,
Мне кажется, о нём грустя, вздыхает сад.
Сердитый жук гудит, но мне милее слышать
Кузнечиков концерт в ромашковом саду.
А где-то дом стоит под черепичной крышей,
Но я, боюсь, к нему тропинку не найду.*

Поэзия – удивительная вещь. Она заставляет нас по-новому смотреть на мир, она даёт возможность ёмко и лаконично выразить свои чувства, которые накопились в душе и в сердце. Поэзия возвышает нас над миром повседневности, будничности, обогащает нас духовно и помогает нам быть добрее, решительнее, нежнее и мужественнее.

Стихи Виктории, вошедшие в новый сборник «Моя родина – лето» о любви. В любви всегда двое – он и она. И никак иначе, это библейская истина. Её стихи о любви взаимной, о любви надуманной, о любви безответной, о любви, когда каждый вздох, каждый взгляд в унисон, о любви, от которой рождаются дети, наше счастье и продолжение. Стихи её наполнены чувственностью, выразительностью и глубоким смыслом. Она не боится выносить на суд читателя свои переживания, мечты, может, даже самое потаённое, сокровенное и, возможно, интимное.

*Выдох – вдох...
Воздухом одним с тобою дышать ...
Знать, что ты есть на свете,
По имени тебя звать,
Руку вперёд протянув, руку твою найти.
Крепко сомкнув ладони,*

*Старость встретить в пути.
Мимо неё пройти.
Над нами не властна она.
Нам с тобою вдвоём и смерть не страшна!
Только любовью спасаются люди
Во все времена! С нами она,
Всегда и всюду с нами она!*

О чём ещё её стихи. Конечно же, снова о любви... Но уже о любви к природе родной земли, где всё прекрасно: и весеннее пробуждение, когда ВЕСНА бежит по талым лужам босыми пятками, и юный март, непризнанный артист, любви поэму читает тем, кто любовь свою нашёл. О том, как пьяняще бабье лето... Виктория пишет, что оно невесомо, и права в этом своём наблюдении. «Тоньше самых нежных кружев паутинки пролетают, и в лазури тихой тают». И сразу на ум приходят неустаревающие вечные строчки Фёдора Тютчева «Есть в осени первоначальной Короткая, но дивная пора – Весь день стоит как бы хрустальный, И лучезарны вечера ...».

И зима, наша зима студёная и морозная, «когда дышат труб открытые рты в синь вечернюю терпким дымком», и в противоположность зиме лето, щедрое и яркое, «когда земляника в лукошке, и мурлыканье кошки, и высоких небес бирюза». Виктория как мастер пейзажной лирики открывает для нас такие яркие картины, что невольно создаётся эффект присутствия и для нас, и мы из читателей превращаемся в созерцателей. Всё оживает и представляется живой целостной картиной. Потому что и мы тоже здесь живём, и мы наслаждаемся и любим всё, о чём пишет она в своих стихах.

Чтение книг – занятие очень увлекательное. Оно позволяет нам перенестись в другую реальность, знакомую и нам из рассказов своих родных и близких, потому что время, описанное Викторией в повести «Рио-Рита» коснулось миллионов сверстников девочки Светы, главной героини данного произведения, переживших Великую Отечественную войну, фашистскую оккупацию. Эта книга – память. Память о нашем прошлом достоверная, честная, не вымышленная, такая, какая есть. Насколько важна для человека семейная память и чем может обернуться её потеря или незнание из-за отсутствия

Повесть Виктории Репиной «Рио-Рита» надо прочитать обязательно. В этой книге нет места ненависти, зависти, злобе. Виктория пишет о самом важном, что только есть на свете. О семье, в которой царят любовь и доверие, бесконечная нежность, самоотверженность и большая ответственность, которую берёт на себя герой повествования Клим. Эта повесть о человечности и доброте, о взрослении и дружбе. И всё, о чём мечтали главные герои в начале своего переезда на Донбасс, в шахтёрский посёлок, истерзанный войной, в конечном итоге сбылось. Такова жизнеутверждающая тема произведения.

В литературной сокровищнице нашего горняцкого города благодаря Виктории появился новый литературный жанр – полусказка. Сказка – это рассказ о заведомо невозможном. В сказке присутствует обязательно что-то фантастическое, неправдоподобное. Кто из нас не любил сказки в детстве? Сказка входит в нашу жизнь с самого раннего возраста, сопровождает на протяжении всего детства и остаётся с нами на всю жизнь. А тут – полусказка! Само слово подталкивает читателя познакомиться с чем-то полуреальным. И мы знакомимся с «Полусказками от Василины Уманец».

Основная мысль её полусказок – это неисчерпаемая вера в исполнение заветной мечты. А это очень важно в любом возрасте. Виктория, как любой писатель-сказочник, используя в определённой степени веру в чудо, актуализирует личностное восприятие действительности. Присутствует и обязательный в волшебной сказке счастливый финал: к писателю «Из волшебной миссии» возвращается вдохновение. Перламутровая шкатулка из рассказа «Ключик от перламутровой шкатулки», во избежание сделать человека равнодушным, самовлюблённым, покоится на дне морском. Благодаря чуду излечивается от смертельного недуга мама. Виртуозные врачи, музыка и любовь возвращают зрение девушке Аиде, которую мать в младенческом возрасте оставила на пороге детского дома. И про то, как обстоятельства непреодолимой силы делают счастливыми художника, потерявшего надежду на блестящие перспективы, и девушку, страхового агента, которой в детстве цыганская вещунья напороочила мужа рядом с земным шаром. И про то, что нельзя купить ни за какие деньги. И про то, как мы, девочки, мечтаем и верим, что когда-то в нашей жизни появится настоящий принц на белом коне. После сказки про птицу, исполняющую мечту, мне захотелось почитать это произведение внуку. Ведь такие рассказы очень нравятся детям. И я не ошиблась. Прочитав с ним историю, мы с полминуты молчали, каждый погружённый в свои мысли. И тут мой родной и любимый внук Вовка говорит: «Бабушка, а я бы тоже отпустил эту птицу. Потому что для осуществления своей мечты надо очень много трудиться. А так, по взмаху волшебной палочки, даже неинтересно». И я ещё больше убедилась в том, как важно читать такие произведения в семейном кругу.

И в завершение своего повествования хочу пожелать Виктории Викторовне дальнейших творческих успехов, а для этого у неё есть всё: талант, благодарные читатели и желание творить.

Фаина ТАШМАНОВА

Победитель и призёр городских, областных и Всероссийских конкурсов поэзии и авторской песни. Обладатель Гран-при областного фестиваля-конкурса для молодёжи с ограниченными возможностями «Вальс Победы». Лауреат премии «Молодость Белгородчины» в номинации «Литература». Автор книги для детей «Азбука цветов». Лауреат третьей степени Всероссийского поэтического конкурса «Зелёный листок» (г. Тверь). Победитель международного молодёжного конкурса поэзии и поэтических

переводов «Берега дружбы 2020» и Всероссийского конкурса «Я люблю тебя, жизнь» (г. Киров) с авторской песней «Бессмертный полк» и других. Живёт в Старом Осколе.

Безграничная любовь

Карты мира, краплённые кровью,
Отмываются только любовью.
Не водою, не спиртом, не жалостью.
Не ищи ей замены, пожалуйста.
Дышат ею, как хлебом питаются,
Ей спасают и ею спасаются.
Нет сильнее её во Вселенной,
Удивительной, чистой, нетленной.
Нет границ для неё, нет и меры,
А сродни – лишь надежда и вера!

Скоротаю свой денёк.
От блаженства, не от лени,
Наземь грудь упаду.
Или встану на колени
В тихом выспевшем саду.
Соберу плоды от груши,
Поделюсь с осой: «Держи,
Наслаждайся!» Солнце сушит
Поле со снопами ржи.
Я художник, я так вижу
Летний день, летящий прочь,
Хоть вокруг в распутиц жижу
Свет звезды роняет ночь.

Я художник, я так вижу

Поздний август пчеловодит,
Ветер нежит колоски.
Запах трав из душ выводит
Приступ грусти и тоски.
С пасек мёд везут во флягах,
Будет с чем хлебнуть чаёк!
Я в тени ветвей прилягу,

Мольберт мороза

Моё окно – мольберт мороза,
Но зимний холст исчезнет прочь.
Февраль отходит от наркоза
И ковыляет тихо в ночь.
Прощайте, белые узоры,
Седая зимняя пастель,

Весну из дальнего дозора
Несёт на крыльях свиристель,
С рябины клюнув мёрзлых ягод,
Поёт, уставший от зимы.
Она уйдёт примерно на год,
Чтоб сердцем отдохнули мы.

Дождь

Капля за каплей по лужице скачет...
В полную силушку, с рёвом звериным,
Кажется, небо вот-вот – и заплачет,
Молния прыгнет худой балериной
И рассечёт тучевые кулисы!
Я же с балкона, ну да, прям с балкона,
Буду смотреть выступленье актрисы,
С громом спешащей опять на поклоны.
Как же близки мне такие моменты!
Драму свою дождь играет отменно.
Занавес. Солнце. Аплодисменты.
С новой премьерой жду непременно!

На волю!

В небесах летает воля
Выше «ля» второй октавы!
Не весну зима в подоле
Принесла, а переправу!
Проложила путь незримый
Из темницы на свободу,
Жизнь в воде нерастворима
И идёт, не зная брода.
Заметалась песня в клетке,
Из души рванув наружу,
Почки треснули на ветках,

Им теперь плевать на стужу.
Снег предательски растаял,
Где ты, зимняя присяга?
Украшает птичья стая
Синеву иного стяга.
Расплескался чай в стакане.
Поезд тронулся? Свихнулся!
Кто последний, «могикане»,
Кто ещё не поперхнулся
Вечной тяжестью вокзалов,
Тяжкой вечностью дороги,
И кому судьба сказала,
Что в пути порядки строги?
Под колёса километры
Лягут дружными рядами.
Вот, билет! Подвиньтесь, мэтры,
Я сегодня еду с вами!

Играя с солнцем

Солнца луч, как белый заяц,
Лёт на рам оконных глянец.
Хочет прыгнуть на ковёр,
План коварен и хитёр.
У открытого оконца
Я сижу, играя с солнцем.
Лучше друга в мире нет:
Греет всех и дарит свет.
Чем отвечу я светилу?
У меня нет даже силы
Побежать ему навстречу,
Под загар подставить плечи.
А ему плевать на это,
Всем подряд струит приветы
Чистой солнечной любви.
Только знай себе лови!

Наталья ЧЕХУНОВА

Родилась и живёт в Белгороде. Публиковалась в журналах, альманахах, коллективных сборниках. Финалист всероссийского ежегодного литературного конкурса «Герои великой победы» в 2021 и 2022 годах, дипломант международного открытого музыкально-литературного фестиваля «ЯЛОС» им. Л. Болдова в 2021 г. и в 2022 г., участник проектов «Объективная поэзия» (2021 г.), «Поэзия красок» (2021 г.), «Сказки народов России» (2022 г.).

***

В лес осенний забреду
Волшебства коснуться.
Листья клена на пруду –
Золотые блюдца.

Пряный свежий аромат
Тоненьких травинок,
Шляпки желудей лежат,
Плен из паутинок.

Спрятавшись, грибы зовут:
«К ужину готовы».
Запах терпкий там и тут,
Ёлочно-кленовый.

Первозданности букет
Вдох земли уставшей.
Выдох – осени привет,
Счастье нагадавшей.

***

Воздушным синим змеем беззаботно
Я устремлюсь в объятия небес.
Легко и невесомо. Так свободно.
Грустит внизу, прощаясь, тихий лес,

Теряются в пространстве небоскрёбы.
Стремлюсь и набираю высоту,
Вдыхаю и лечу... Зачем? А чтобы
Успеть поймать сбежавшую мечту.

***

Вечереет. Неспешно спускается ночь
По багряным ступеням заката,
Одинокий и робкий спешит ей помочь
Тонкий месяц из белого злата.

Дух жасминовый сладко ласкает кусты,
Одурманив случайных прохожих.
Бархатистый покой в колдовстве темноты.
Я и ты. На других не похожи.

Запыляет звезда – нашей встечи маяк,
Разгораясь в бездонной вселенной.
Улыбнётся нам ночь. Чудодейственный знак.
Теплота заструится по венам.

Аида БЕЛОУСЕНКО

Родилась на станции Озёрки Алтайского края. В 1949 г. семья переехала в г. Острогожск, а в 1955 г. – во вновь образовавшийся областной центр Белгород. Здесь окончила школу, филфак Белгородского педагогического института. Долгие годы проработала в школе. Отличник народного просвещения. Награждена медалью «Ветеран труда».

В ЗАЩИТУ БУКВЫ «Х»

Кто сможет оспорить, что русский язык – великий язык? Никто. К сожалению, он велик не только по богатству лексики и художественных средств, но и по количеству нецензурных слов и выражений. Брань, нецензурщина, полублатной жаргон стали приметой нашего времени. Особо страшное впечатление производит мат среди подростков и в устах девушек.

Читатель возразит, что бранные слова были всегда и имеются во всех языках. Да, это правда. Но и брань бывает разная! Согласитесь, одно дело, когда на тебя говорят «дура», а другое...

Грубой бранью, нецензурщиной называют слова, обозначающие половые органы человека. Эти слова унижают человека, оскорбляют, потому что грязно касаются самого интимного и божественного – соития и появления на свет нового человека.

Так вот по наличию брани такого рода русский язык, к великому сожалению, прочно удерживает первое место, и не только удерживает сам, но и снабжает этими словами все языки мира.

Страшно, когда такая брань обращена к женщине. Краской стыда заливается она, чувствуя себя облитой грязью.

Откуда же берутся бранные слова? Многие из них порождает сам язык. Вот возьмем, например, слово «сволочь». Стоит только переставить ударение, и получится глагол в неопределённой форме «сволочь» – перетащить, сдернуть что-либо, например, сволочь мешки с картошкой в одно место.

На древнерусских торжищах были специальные люди, дюжие молодцы, следившие за порядком и сволокивающие, если нужно, нечистых на руку людей, татей, в участок. Вот они и назывались сволочами, а так как не все из них были бескорыстными, то вскоре это слово стало бранным.

Или вот ещё одно слово – падла. Оно широко распространено в уголовном мире и означает человека неверного, предателя. А произошло...

Впрочем, давайте внимательно посмотрим на слово и найдём его корень. Это – падл-, что является формой прошедшего времени, единственного числа мужского рода от глагола падать: мужской род – падл, женский род – падла. Русский язык всегда стремился к полнозвучию, к открытым слогам, которые легко произносить и пропевать, и избавлялся от согласных, стоящих рядом. Так и возникло вместо «падл» – пал, упал, вместо «падла» – пала, упала. А за старой формой женского рода закрепилось ругательное значение. Оно нашло для себя, как сегодня говорят, свою нишу и свою аудиторию.

Но самое обидное, на мой взгляд, превращение произошло со словом «хер».

Мы знаем, что в древнерусском языке буквы алфавита имели название: аз, буки, веди, глагол, земля, добро, живот. Из обозначений букв складывались осмысленные фразы: аз буки веди – я буквы знаю; рыцы (р) слово твердо (т) – произноси слово твердо; глаголь добро есть – письменность есть добро. А буква Ж называлась живьте – повелительное наклонение от глагола «жить» – «живите» или «пусть всё живёт». Так древнерусский ребёнок изучал не только буквы, но и основы самой жизни и нравственности.

А букве «Х» досталось самое красивое, небесное имя – херувим. Затем это слово стали произносить и писать сокращённо – херь. От названия буквы «Х» в современном русском языке сохранился глагол «похерить», то есть перечеркнуть крест-накрест, уничтожить. Это слово есть во всех современных толковых словарях. Постепенно слово «хер» заменило в устной речи татаро-монгольское слово, начинающееся на букву «х», и херувим превратился в самое непристойное в нашем языке ругательство. Теперь нельзя назвать букву «хер» вслух. Аз, ижицу, рыцы, ять можно, а «хер» нельзя – сразу от удивления и испуга вытягиваются лица. И небесные херувимы, ангелочки, с тоской, наверное, смотрят на русскую землю, где буйная народная фантазия и бескультурие превратили букву в грязное ругательство.

А ведь и без ругательных слов можно вполне обойтись. Народная пословица гласит: «Словом можно спасти человека, а можно и убить». Выдающийся учёный современности академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв писал в книге «Письма о добром и прекрасном»: «Бравирование грубостью в языке, как и бравирование грубостью в манерах, неряшеством в одежде, – распространёнейшее явление, и оно в основном свидетельствует о психологической незащищённости человека, о его слабости, а вовсе не о силе. По-настоящему

сильный и здоровый, уравновешенный человек не будет ругаться и употреблять жаргонных слов. Ведь он уверен, что его слово и так весомо».

Я хочу защитить не только букву «Х», но и души людей, в первую очередь – детей, от сквернословия, от бескультурия, от словесной разнузданности, которая суть разнузданность духовная. Неужто возникающие вокруг нас храмы не очистят людей наших, язык наш, души наши и ангелы – спасители – не простят нам надругательства над одним из херувимов, давшим своё небесное имя по просьбе наших предков букве «Х»?

Прежде чем выругаться, вздумайте в буквальный смысл матерных слов... и пощадите своих матерей.

*Литературно-художественный
и историко-публицистический альманах*

Главный редактор
Вера Кобзарь

Редакционная коллегия:
*Сергей Бережной
Наталья Дроздова
Александр Осыков
Александр Тарасов*

Корректор Надежда Васильева
Вёрстка и дизайн Оксаны Васильевой

Подписано в печать 20.03.2023.
Формат 70x108/16. Объем 17 п. л. Гарнитура Minion Pro.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ 23-01813

Издательство Сангалова К.Ю.
308036, г. Белгород, ул. 60 лет Октября, д. 8
e-mail: ria-Izumrud @yandex.ru

Отпечатано ИП Сангалов К.Ю.
308000, г. Белгород, ул. Кирпичная, 656
e-mail: ria-Izumrud @yandex.ru